ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВ

МАФИЯ СС

VICTOR ALEXANDROV

LA MAFIA DES SS

Stock

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВ

МАФИЯ СС

Перевод с французского

Предисловие и общая редакция доктора исторических наук, профессора В. Д. Ежова

Москва
Прогресс
1984

Перевод *Грачевой А. Г.*

Редактор *Шумский В. С.*

Александров В. Мафия СС. Пер. с франц.— М.: Прогресс, 1984.— 268 с.

Эта книга, изданная во Франции, рассказывает о фашистских преступниках, избежавших возмездия и скрывающихся в разных частях света, об оказании им финансовой и иной помощи крупными монополиями и правительствами империалистических государств.

Автор показывает также роль бывших эсэсовцев в деятельности государственного аппарата, неонацистских организации в различных странах.

Редакция литературы по международным отношениям

А $\frac{0804000000-586}{006(01)-84}$ —48—84

Предисловие

Фашистский смерч, пронесшийся над человечеством, оставил после себя невиданные опустошения и жертвы. Поэтому вполне естественно стремление людей осознать причины появления фашизма, осмыслить его бесчеловечность, понять, что нужно сделать, чтобы этот кошмар не повторился.

Многие буржуазные историки и публицисты пытаются представить фашизм явлением исторически случайным, возникшим в результате особого стечения обстоятельств и появления «магических», «роковых» личностей, таких, как Гитлер и Муссолини, обладавших, по их мнению, чуть ли не сверхчеловеческими свойствами. Такой подход прямо или косвенно ведет к оправданию фашизма, затушевывает его классовую сущность, маскирует те общественные силы, которые его породили, привели к власти и благословили на уничтожения и зверства.

Фашизм появился тогда, когда капитализм вступил в период глубокого общего кризиса, когда монополистический капитал в Германии и некоторых других странах решил подавить с помощью террора нарастание революционных настроений в трудовых массах, создать огромный военный потенциал с целью сокрушить Советский Союз, установить свою власть над Европой, а затем и над всем миром.

Автор книги «Мафия СС» Виктор Александров — писатель, историк и публицист — русский по происхождению. Ребенком он был увезен родителями из Петрограда, ныне живет в Париже. Пишет на французском языке. В годы войны В. Александров — в рядах американской армии. В качестве военного корреспондента он воочию видит и остро воспринимает то величайшее зло, которое принес фашизм народам. Он присутствует на Нюрнбергском процессе, когда преступления нацизма предстали перед человечеством во всей своей ужасающей обнаженности.

В. Александров не ставит перед собой цель исследовать природу фашизма как социального явления. Главное направление

его творчества — разоблачение человеконенавистнической, преступной сути нацизма. Он опубликовал ряд антифашистских книг, вместе с кинематографистами ГДР и Чехословакии создал несколько телевизионных лент о фашизме, которые увидели миллионы зрителей. Среди них — «Пожар рейхстага», «И Англия будет разрушена», «Дни предательства». Фашизм, овладевший государственной властью, предстает в этих фильмах во всей своей агрессивной, коварной и губительной сущности.

В. Александров написал также сценарий для фильма «Кастро с острова Куба», получившего приз на одном из Московских кинофестивалей. Известный режиссер Рене Клеман снял по сценарию В. Александрова фильм «Проклятые», который был удостоен Золотой Пальмовой ветви — главного приза Каннского фестиваля. Создатели «Проклятых» рассказывают о бегстве нацистских преступников в Южную Америку. Эта же тема проходит красной нитью по книге В. Александрова «Мафия СС».

До сих пор многие честные люди недоумевают, как могло случиться такое, что матерые эсэсовские преступники, по вине которых погибли миллионы людей, находятся на свободе. И не только преуспевают как дельцы, владеющие награбленными во время войны ценностями, но и продолжают распространять фашистские идеи, отравляя ими новые поколения.

В книге В. Александрова читатель увидит, как нацистские главари накануне гибели их государственно-бандитской империи готовили лазейки для бегства, переводя в надежные места золото и валюту, запасаясь фальшивыми документами, меняя свое обличье, используя для этого все средства вплоть до хирургических операций. Автор чаще в одиночку, иногда с помощью друзей пытается отыскать следы бывших эсэсовцев. Он находит тех, кто помогал нацистам скрыться от гнева народов и справедливого возмездия. Это прежде всего американские спецслужбы, получившие еще в ходе войны задание вербовать нацистских преступников, чтобы в будущем использовать их опыт в организации террора и насилия.

За океан тогда тайком было переправлено около 5 тысяч нацистов, лично участвовавших в уничтожении населения оккупированных гитлеровской Германией стран. В их числе были и «палач из Лиона» Клаус Барбье, и изобретатель душегубки Вальтер Рауфф, и многие другие.

Для спасения преступников использовались многие методы и каналы. Прежде всего нужно было свести на нет денацификацию, то есть процесс выявления и наказания нацистских преступников, который страны-победительницы должны были осуществить в своих зонах оккупации Германии. В западных зонах денацифика-

ция была проведена так, что нацисты фактически получили «отпущение грехов». В американской зоне в этих целях был применен такой метод: заполнить анкеты с целью выявления активных нацистов было предписано 12 милионам человек при общем населении в 15,5 миллиона. Комиссии по денацификации, как этого и добивались, утонули в море бумаг. У них даже при желании не было возможности проверить приведенные в анкетах данные. Нацисты разного калибра прятались за ложные показания и без труда получали справку о прохождении денацификации, то есть практически возможность жить и действовать безнаказанно.

Виновными в преступной деятельности были признаны лишь 0,1 процента. В свою очередь 75 процентов из них подверглись лишь денежным штрафам, 20 процентов были ограничены в выборе профессий или не допущены к общественным должностям, и только незначительная часть была приговорена к заключению или к отбытию трудовой повинности. Даже известный американский генерал Клей в интервью газете «Нью-Йорк таймс» вынужден был признать тогда, что в западных зонах «закон о денацификации приспособлен скорее для возвращения как можно большего числа людей на занимаемые ими ранее посты, чем для наказания виновных».

Так в Западной Германии при попустительстве оккупационных властей возникла атмосфера, которая способствовала активному приобщению нацистских преступников к новой структуре власти, к формированию социальных и идеологических основ западногерманского государства. Многие видные нацисты добивались государственных и общественных постов и получали их. По данным 1965 года, то есть двадцать лет спустя после окончания войны, из бывших нацистов, участвовавших в преступлениях фашистской империи или активно помогавших ее становлению, в ФРГ были: 21 министр и статс-секретарь, 100 генералов и адмиралов бундесвера, 828 высших чинов министерства юстиции, прокуратуры и суда, 245 руководящих чиновников министерства иностранных дел и его заграничных учреждений, 279 высших чинов полиции и ведомства по охране конституции. Можно ли после этого удивляться тому, что ФРГ на долгие годы стала главным очагом напряженности в Европе, источником реваншизма и шовинизма, важной опорой мирового империализма, форпостом НАТО в Западной Европе.

В. Александров видит эти явления. Его крайне, до степени личной тревоги беспокоит то, что при попустительстве правящих кругов Запада нацистские взгляды продолжают жить в умах многих немцев в Западной Германии.

Да, фашизм как система власти потерпел сокрушительное поражение. Но его идеологические корни не вырваны. Не уничтожены и социальные силы, породившие фашизм. Значит, возможность его возрождения существует реально.

В 1982 году на Западе много шума наделала книга известного американского юриста Джона Лофтуса «Тайна „Беларуси", выпущенная в Нью-Йорке. В ней приведены многие факты зверств нацистов на территории Белоруссии. Сенсацией, однако, стали данные Лофтуса о том, что людей, повинных в злодеяниях против белорусского населения, завербовало ЦРУ и стало активно использовать их в качестве экспертов по Советскому Союзу и специалистов по подрывной деятельности против СССР и его союзников. В американской печати в связи с этим указывалось, что к началу 1983 года семь нацистских преступников занимали высокие должности в ЦРУ, один — в госдепартаменте, один — в Пентагоне, а более полутора сотен других находились на содержании различных спецслужб для выполнения террористических и провокационных акций там, где это оказывалось нужным Вашингтону.

Как вольнонаемному министерства обороны США и журналисту, В. Александрову многое открылось. Он сталкивается с теми представителями спецслужб, которые получили задание укрывать нацистских преступников и вербовать их для подрывной, антикоммунистической деятельности, обнаруживает некоторые каналы, по которым осуществлялись их спасение и вербовка. Поиск приводит его, в частности, к службам Ватикана. В 1983 году интересный материал по этому поводу появился во французском журнале «Монд дипломатик». По его сведениям, к бегству нацистов в послевоенное время был непосредственно причастен 21 видный ватиканский деятель. Опираясь на поддержку Соединенных Штатов, эти деятели католической церкви оказывали воздействие на Международный Красный Крест, вынуждая эту организацию выдавать нацистским преступникам необходимые документы, а затем переправляли их в Латинскую Америку. Журнал приводит выдержки из меморандума американского военного атташе в Риме, направленного в 1947 году в госдепартамент. В нем говорится о «желании Ватикана помочь проникнуть в структуры не только европейских, но и латиноамериканских стран людям любых политических убеждений, лишь бы они были антикоммунистами...»

Сейчас широко известно, что сотни и тысячи нацистских преступников осели в Латинской Америке. Многие из них, пользуясь покровительством диктаторских режимов, живут и действуют открыто. Уже упоминавшегося изобретателя душегубки В. Рауффа, например, режим Пиночета длительное время исполь-

зовал в качестве главного советника управления по расследованию коммунистической деятельности.

Некоторые, однако, предпочли неизвестность. Одним это удалось, как, например, шефу гестапо Мюллеру, который не оставил практически никаких следов после бегства из поверженной фашистской Германии. Другие, как Эйхман или Барбье, оказались разоблаченными. Можно не сомневаться, что ни одному из видных нацистских преступников не удалось бы скрыться даже в самых труднодоступных и отдаленных местах, если бы у них не было сильных покровителей на Западе, особенно в Соединенных Штатах.

Исторический опыт показывает, что террор, насилие, зверства — это неизбежное следствие политики захватов и авантюр. В буржуазной литературе о фашизме эту проблему пытаются обычно свести к геноциду против еврейского населения. Это узкий и односторонний подход. Политику уничтожения и порабощения германский фашизм применял против многих народов, и в первую очередь против славянских соседей Германии. Документы говорят о том, что фашистские главари заранее разработали планы истребления народов Советского Союза и других стран. Миллионы русских, поляков, югославов, чехов стали жертвами деяний зондеркоманд, руководимых эсэсовцами. Их кровавые преступления были остановлены лишь путем уничтожения империи зла и насилия.

Своей книгой В. Александров хочет не только напомнить о фашистских злодеяниях, но и предостеречь людей от той опасности, которая существует в наши дни. И это понятно. Сегодня неофашизм реальность. Его проявления весьма многообразны. Он многолик. В неофашистских партиях и военизированных организациях Западной Европы тон зачастую задают бывшие гитлеровцы, возрождающие ритуалы «третьего рейха», нацистские символы и знаки, приемы социальной демагогии. Все это сопровождается восхвалением Гитлера, Муссолини и других фюреров.

Читатель узнает о встрече В. Александрова с лидером западногерманских неофашистов Адольфом фон Тадденом — главой Национал-демократической партии (НДП). В свое время автору этих строк в качестве корреспондента «Литературной газеты» довелось побывать на митинге неонацистов в Гамбурге. В «Фюрстенхофе» — одном из крупных залов города — сцена, президиум, стены были украшены красными плакатами с белым кругом посередине, в котором вместо свастики чернели крупные буквы — НДП. Гремели марши, популярные во времена «третьего рейха». Большая группа «распорядителей» ходила по залу с огромными кружками с эмблемой НДП и собирала деньги в партийную кассу. Совсем

как в начале тридцатых годов, когда сам Гитлер бросал в такие кружки несколько марок, вызывая рев одобрения у присутствующих.

Появление в зале Таддена тоже вызвало настоящую бурю. Его приветствовали восторженно, до исступления. Сдержанно улыбаясь и раскланиваясь, он вышел на трибуну. Весь его облик выражал достоинство, солидность и респектабельность. Выступление Таддена было пронизано духом агрессивного национализма. Он уходил от буквального повторения гитлеровских лозунгов, но их суть просматривалась без особого труда. Лидер неонацистов, используя недовольство населения политикой боннского правительства, разжигал шовинизм, играя на дешевых националистических эмоциях. И это оказывало свое воздействие.

В дальнейшем западногерманские неонацисты побеждали на земельных выборах. В то время ФРГ захлестнула «новая гитлеровская волна»: кино, телевидение, пресса всячески восхваляли бесноватого фюрера.

Все это вызывало серьезную озабоченность широких кругов западногерманской общественности. Антифашисты в ФРГ дали тогда достойный отпор НДП. На выборах в бундестаг 1969 года, на которые делали ставку фон Тадден и его приверженцы, неофашисты, потерпев поражение, не прошли в парламент.

Однако угроза справа продолжает быть актуальной в ФРГ и сегодня. Наиболее влиятельные буржуазные партии не ведут борьбы против фашистской и неофашистской идеологии, а иногда даже способствуют ее распространению через свои средства массовой информации.

НДП, этот легальный отряд неофашизма, ждет своего часа, не упуская возможности для проведения пропагандистских акций. Активно действуют полулегальные и законспирированные военизированные организации и группы. Они систематически осуществляют террористические акты, жертвами которых становятся коммунисты и другие представители левых кругов. Гамбургская реакционная газета «Штурм» признавала, что фашистские боевики располагают на случай «дня X» списками лиц, подлежащих репрессиям в первую очередь.

Серьезная неофашистская опасность возникла в Италии. Ведущим отрядом ультраправых здесь является легальная партия Итальянское социальное движение — Национальные правые силы (ИСД—НПС). Она имеет разветвленную структуру, представлена в парламенте. В различные периоды ИСД—НПС собирала до 12 процентов голосов избирателей. На парламентских выборах в 1983 году неофашисты усилили свои позиции, собрав 2,5 миллиона голосов. Лидеры партии открыто выступают против ныне действу-

ющей конституции страны, выдвигают аадачу создания нового государства, весьма напоминающего то, которое существовало при Муссолини.

Легальная деятельность ИСД—НПС тесно переплетается с преступным терроризмом тайных профашистских организаций и групп. Есть сведения, что многие террористы до ухода в подполье не только состояли в рядах ИСД—НПС, но и были руководителями ее организаций и даже выставлялись кандидатами на выборах. А молодежная организация партии фактически выполняет роль учебного центра по подготовке террористов.

Об опасной деятельности итальянских неофашистов свидетельствуют материалы масонской ложи «П-2», ставшие в последнее время достоянием гласности. Ее членами оказались многие видные государственные и политические деятели, опиравшиеся на фашистские отряды и террористические группы.

Итальянские неофашисты возрождают культ Муссолини, восхваляют фашистское прошлое страны. Власти практически на это не реагируют. Более того, скорее поощряют. Так, в середине 1983 года по государственному телевидению была показана серия передач, посвященных 100-летию со дня рождения Муссолини, представившая диктатора государственным деятелем, внесшим большой «позитивный» вклад в развитие страны.

Неофашизм — явление, характерное для многих капиталистических стран. Партии, организации, группировки неофашистов существуют и действуют во Франции, Англии, Испании, Австрии, Бельгии, Турции и других государствах. Практическая деятельность неофашистов различна в зависимости от местных специфических условий и политической обстановки. И тем не менее есть основания выделить ряд общих черт, характерных для них в целом.

Во-первых, корни неофашистских организаций уходят в прошлое. Это касается их идеологических программ и во многом кадровой основы. Лозунги и политические требования они обильно заимствуют у фашизма, приспосабливая их к складывающейся ситуации. Так, английская «Лига святого Георгия», образовавшаяся из последователей фашиста Мосли, открыто ведет пропаганду «позитивной стороны деятельности национал-социализма». А подобными группами во Франции руководят люди, в той или иной мере причастные к петеновскому режиму.

Во-вторых, современные фашисты получают тайную или явную поддержку со стороны правых буржуазных сил и монополистического капитала. В. Александров приводит в своей книге данные о том, что проблемой спасения нацизма в послевоенный период занимались крупные промышленные фирмы,

которые еще во время войны заложили основу для поддержания контактов с нацистскими силами в послевоенной Европе. Разумеется, механизм подобных контактов тщательно законспирирован.

В-третьих, деятельность и пропаганда неофашистов направлены в первую очередь против коммунистов и других левых сил. Общий лозунг неофашистов гласит: «Убивать красных — это не преступление».

В-четвертых, нацистские методы террора, насилия, шантажа и убийств полностью взяты на вооружение неофашистами. Они пытаются создать атмосферу общественного хаоса, неуверенности, страха, рассчитывая в таких условиях сокрушить демократические силы и устои и возвратиться к методам фашистской диктатуры при поддержке монополий. По данным газеты «Ви увриер», во Франции за три года (с ноября 1977 по ноябрь 1980 года) было совершенно 122 террористических акта против профсоюзных деятелей, левых активистов и организаций, включая политические убийства. Австрийские неофашисты создали специальные штурмовые отряды, которые устраивают взрывы на улицах городов, побоища в университетских аудиториях, нападения на штаб-квартиры демократических организаций. Испанские фашисты в 1975—1980 годах только в Стране Басков совершили 500 террористических акций, в результате которых 38 человек было убито и 128 ранено.

Неофашисты постоянно предпринимают попытки наладить сотрудничество своих партий и организаций в международном масштабе. Достоянием гласности стал факт создания «Черного интернационала» на совещании неофашистов ФРГ, Италии, Испании и некоторых других стран в 1951 году. Заседания «Черного интернационала» проходили с тех пор почти ежегодно. Во второй половине семидесятых годов «Черный интернационал» реорганизовался в строго законспирированную организацию. Она руководствуется национал-социалистской идеологией и применяет тактику вооруженной борьбы против демократических и прогрессивных сил. В августе 1977 года в Сен-Клу, близ Парижа, состоялось международное совещание фашистских главарей, на котором был разработан план террористических операций. Есть основания полагать, что все террористические акции семидесятых годов в Италии и других странах непосредственно связаны с деятельностью «Черного интернационала».

Ряд фактов международного сотрудничества неофашистов приводит западногерманский «Шпигель». Журнал пишет, что в США с большим размахом налажено издание неофашистской пропагандистской литературы, предназначенной для их европейских еди-

ловерцев. Западногерманские неофашисты поддерживают постоянные контакты с единомышленниками в 35 странах. Инструкторы из ФРГ руководят военной подготовкой испанских неофашистов в лагере под Мадридом. Небезызвестная террористическая группа Гофмана проводила тренировочные занятия в Испании, а у себя принимала в учебных целях «братьев по духу» из Италии и других стран. В Нижней Австрии местные фашисты и их «гости» из других стран проводят военные занятия, в частности «стрельбы по большевикам».

Консолидация крайне правых сил достигла высокой степени в США. Это объясняется тем, что после разгрома германского фашизма центр антикоммунизма переместился за океан. Там широким фронтом ведется милитаризация политического мышления с целью обострения международной напряженности. Приход к власти президента Рейгана ознаменовался широким идеологическим и политическим наступлением американского империализма на социалистические страны, и прежде всего на Советский Союз. Провозглашен «крестовый поход» против коммунизма.

В Соединенных Штатах существует национал-социалистская партия, открыто объявляющая о своей приверженности гитлеровскому фашизму, исповедующая культ силы, придерживающаяся крайне расистских взглядов, полностью отрицающая всякую демократию. По численности эта партия в настоящее время невелика, но ее фюрер Г. Ковингтон заявил, что влияние нацистов растет, что у партии много преданных друзей, занимающих видное положение в бизнесе и политике, что их гораздо больше, чем полагают.

Усиление неофашистских тенденций в США крайне опасно, учитывая положение этой страны в мире и оказываемое ею воздействие на ход международных событий и внутреннюю жизнь западных стран. Подъем неофашизма в США содействует активизации неофашистских партий и организаций, ультраправых и террористических групп в странах Западной Европы.

Западногерманский исследователь К. Бредтхауэр пишет: «Сегодня, в условиях нового мирового экономического кризиса, США — самая могущественная индустриальная страна в мире — под руководством Рейгана пускается в «бегство вправо». И так же, как пятьдесят лет назад, крупнейшие концерны и банки Германии искали спасения в форсировании гонки вооружений и в антисоветской мобилизации масс, эта крупнейшая капиталистическая страна, имея 12 миллионов безработных и переживая глубокий экономический спад, делает ставку на гонку вооружений, военные приготовления, жесткую конфронтацию с Советским Союзом».

Борьба против неофашизма, против милитаризма и авантюризма в наше время приобретает особое значение. Империалистические силы нагнетают международную напряженность, подстегивают гонку вооружений, все чаще обращаются к провокациям и террору. Выступления против фашизма в этих условиях естественно сливаются с антимилитаристской, антиимпериалистической борьбой. Антифашисты нашего времени все более осознают: преодолеть угрозу неофашизма — значит ограничить власть наиболее агрессивных кругов монополистического капитала. Антиимпериалистические силы способны одолеть экстремистское крыло монополистического капитала, стремящееся прибегнуть к фашистской диктатуре. Только в этом случае опасность неофашизма будет сведена к минимуму или ликвидирована совсем.

Иногда высказывается мнение, что современный буржуазно-демократический строй является вполне надежной защитой против неофашизма. Разумеется, в рамках буржуазной демократии есть возможности и средства для мобилизации народных масс на отпор фашизму. Однако сама по себе буржуазная демократия как форма осуществления государственной власти не содержит в себе исторически надежных гарантий для предотвращения подобной угрозы. Опыт последних лет показывает, что современные западноевропейские буржуазные государства не могут справиться с террористической деятельностью крайне правых групп, с широким распространением опасных идей.

Недооценка социальной опасности неофашизма может обернуться тяжелыми последствиями. Преградить путь неофашизму могут только активная и целенаправленная борьба масс, решительные и сплоченные выступления всех его противников.

Прочитав книгу В. Александрова, люди доброй воли еще раз задумаются над проблемой фашизма — вчерашнего и сегодняшнего. Она напомнит им, что необходимо постоянно проявлять бдительность по отношению к силам фашизма, к тем, кто эти силы порождает и поддерживает.

В. Ежов

Тот, кто попытается
перечеркнуть прошлое,
обречен пережить его вновь.

Джордж Сантаяна

Гл

Кр

Утр
лен
бил

ном
встр
пре

про
трої
выс
в ге
ходи
мает

не п
гарн
ской
ген»
зрак
стях,

—
муни
они
наше
тепер
ку —
лым

—

—
груб
на ея

Глава I

Крысы бегут

Утреннее солнце озаряло Луизенпарк. Часы на выщербленной пулями колокольне старой венской церкви пробили шесть...

Спустя девять лет после войны в городе, разделенном на зоны четырьмя великими державами, я ждал встречи с человеком, воспоминание о котором и сегодня преследует меня.

С кем я только не сталкивался в своей жизни: и с прожженными политиканами без стыда и совести, и с тройными и даже четверными агентами — проходимцами высшей пробы... Я уж не говорю о тех, кто был виновен в геноциде и с кем по печальной необходимости мне приходилось иметь дело ежедневно. Но Штайнхуберль занимает особое место в моей памяти...

Он никогда не был на ответственных постах, никогда не представал перед судом. Весьма прозаическая и вульгарная личность. О нем мне рассказал капитан Советской Армии, с которым мы встретились в баре «Хейринген» — штабном баре союзников, где всегда витал призрак «третьего собеседника». Он поведал мне о гнусностях, творившихся в стране, потерпевшей поражение.

— Есть в Вене странный тип. Служил когда-то в муниципальной полиции. Отец четырех сыновей. Все они были ретивыми эсэсовцами. Все погибли во время нашего наступления. Этот старый безумец утешается теперь тем, что прогуливается по утрам по Луизенпарку — бродит по аллеям с холщовой сумой, набитой тухлым мясом, и раздает его...

— Кому же?

— Крысам, которые кишат у отверстий сточных труб и подвалов. Крысам, которые исправно являются на ежедневные кормежки. Это отвратительное зрелище

собирает толпу стариков, перед которыми Штайнхуберль держит речь. Он провозглашает золотой век нацизма...

Узнал я и другие подробности. Франц Штайнхуберль... Так звали бывшего сыщика. Его неоднократно допрашивали союзники, но всякий раз — после психиатрического обследования — отпускали.

Моя встреча с советским офицером закончилась поздно ночью. Но уже на рассвете я шагал по песчаным дорожкам Луизенпарка. Теплый ветерок шевелил листву кленов. Мне чудилось, как из-за кустов появляются призраки далекого прошлого: она — в атласном платье и он — в парадной форме. Они возвращаются с бала... чарующий мотив вальса все еще у них на губах, а головы кружатся от шампанского.

Однако дуэт, который я встретил, выглядел совсем иначе: то были Штайнхуберль и его лягавая. Оба — существа без возраста, с расширенными зрачками воспаленно красных глаз. Лягавая, перестав дрожать, подошла и обнюхала мои ботинки. Человек и собака действовали в унисон: собака фыркала, хозяин бормотал. Присев на соседнюю скамью, я сказал: «Я пришел посмотреть на ваших крыс...»

Старик сделал гостеприимный жест:

— Так вы слышали о моих маленьких зверюшках... Мы живем в страшном мире, майн герр, в жестоком мире. Вы иностранец и не можете знать всего. Именно в этом парке осенью, когда падали листья, повесили Эрика, моего младшего, а трех его братьев — Алоиза, Франца и Вилли — расстреляли из автоматов. Недалеко отсюда, в гроте Оттакринг. Иваны убили моих детей, как крыс, которых травят в норах и канавах.

Он говорил, и глаза его загорались мрачным блеском. Седовласые мужчины и женщины появились у моей скамьи. Казалось, они появились из-под земли, словно собирающиеся на шабаш ведьмы. Штайнхуберль хрипел:

— Верьте мне, друзья! Иваны уничтожили наших сыновей — детей великого рейха, вскормленных словом фюрера...

Круг стариков сжимался. Штайнхуберль, выпрямившись, взглянул на часы, потом сделал несколько шагов по направлению к пню сломанного дерева.

Словно загипнотизированный, я последовал вместе со всеми за ним. Вскоре Штайнхуберль остановился. Ногой отшвырнул собаку и тоном пророка продолжил:

— Да, Иваны думали, что истребили всех. Но они ошиблись. Сейчас вы увидите уцелевших! Ко мне, дети мои, мои сыновья, идите скорее к своему старому Францу!

И тут произошло нечто отвратительное: полчища облезлых крыс с оскаленными мордами появились у пня и окружили старика. Я привык ко всяким неожиданностям, но от этого зрелища мурашки побежали по спине. Я отпрянул...

А Штайнхуберль вытащил из холщовой сумки протухшее мясо и начал разбрасывать. Крысы набросились на него... Собака смотрела на все это безразличным взглядом. Старик почувствовал, что я хочу бежать:

— Погодите, майн герр. Вы можете лично убедиться, что Иваны истребили не всех. Те, кто уцелел, скоро умножат свои ряды... Они будут прекрасны. Они уничтожат посевы, они насытятся литыми колосьями созревшей пшеницы, они повергнут страну Иванов и выгрызут им внутренности. Они достигнут цели, поставленной перед ними фюрером, перед тем как он отправился в Валгаллу [1]— куда однажды попадем и мы...

Увеличившаяся толпа призраков каким-то клокотанием одобряла каждую его фразу, нежно обращенную к крысам, суетившимся вокруг великодушно разбрасываемой им падали. Затем наступила тишина, сопровождаемая только крысиным чавканьем. Ко мне склонилась женщина неопределенного возраста:

— Франц прав. В один прекрасный день они вернутся, наши дети-мученики, наши малютки из СС.

После разгрома в 1945 году оставшиеся в живых эсэсовцы попрятали свои мундиры и свастики. Но нацистские идеалы прочно засели в них, как нацистская татуировка у главарей арийской расы на внутренней стороне бицепса, под мышкой левой руки [2]. Самоубийство Гитлера в берлинском бункере повлекло за собой переход уцелевших эсэсовцев в подполье. Именно этих ушедших во тьму нацистов я и назвал «мафия СС».

---

[1] Валгалла (Вальхалла) — в скандинавской мифологии убежище павших в бою храбрых воинов.— *Прим. ред.*

[2] Позднее некоторые врачи бесследно уничтожали татуировку у тех, кто хотел от нее избавиться как от компрометирующей улики.

Прежде чем продолжить поиски, я хочу заверить настоящих мафиози, с которыми встречался в Палермо, а также по другую сторону Атлантики, что ни в коем случае не уподобляю их тем, о ком пойдет речь в этой книге. Если для таких типов, как Дон Кало, Вито Дженовезе или Лаки Лучиано, можно найти хоть какие-то оправдания, то к Гейдриху, Гиммлеру, Борману и Кальтенбруннеру я не испытываю ни малейшего сострадания.

Кровь, пролитая членами «Коза ностра» с начала этого века,— жалкая лужица по сравнению с океаном крови, захлестнувшим землю в результате преступлений СС.

Один только день «радикального решения» в концлагерях Треблинки или Майданека уносил больше жертв, чем все войны между бандами гангстеров с начала века в Соединенных Штатах или на Сицилии. Это следует учитывать, говоря о мафии СС и о настоящей мафии — мафии «крестных отцов» и «семейных» кланов. К тому же, как мы увидим в следующих главах, контакты, устанавливающиеся между мафиози и бывшими нацистами, за редким исключением, были недолговечными.

Прошу читателя понять меня правильно: я отнюдь не намерен приукрашивать мафиози, я лишь хочу сказать что история еще не знала злодеев, равных тем, которые именуются в книге мафией СС.

Все мафии придерживаются общего закона: сохранение строжайшей секретности. Прослеживая следы «Коза ностра» между Палермо и Нью-Йорком, я был поражен тем, как обет молчания — omerta — связал на разных континентах невидимыми, но крепкими нитями людей, принадлежащих к слоям столь же разнообразным, как и сама жизнь. В ходе личных поисков и расследований я выяснил, что и эсэсовцы придерживаются того же самого закона.

«Майн кампф», библия фашизма, выражает идеологию эсэсовцев — вчерашних, сегодняшних и, возможно, завтрашних. «Новая Европа будет принадлежать меньшинству сильных, которые вытеснят большинство слабых. Власть устанавливает меньшинство...»

Где же сегодня эта мафия СС? Кем стали кровавые палачи Бабьего Яра, Орадура, Лидице и множества других мест, не имеющих такой трагической славы?

Семь тысяч эсэсовцев, и отнюдь не рядовых, «отмылись» от своего черного прошлого в Западной Германии, а четыре тысячи, согласно самым достоверным источни-

кам, вновь поступили на службу в полицию или в разведку ФРГ. Много бывших членов СД и СС можно встретить в БНД (Бундеснахрихтендинст)[1], созданную нацистом Геленом, которого сменил на этом посту его бывший заместитель Вессель.

Из уст самого Отто Джона, бывшего шефа контрразведки ФРГ, я услышал такое признание:

— До 1953 года, когда меня отстранили от дел, я был окружен десятками эсэсовцев, и все мои попытки избавиться от них были напрасны. Стоило уволить кого-то, как их место немедленно занимали такие же нацисты.

Антикоммунизм Вашингтона помог выжить множеству преступников, к которым трудно применить какую-либо нисходящую классификацию: все они претендуют на первые роли.

Кое-кто поплатился за свои преступления: Кальтенбруннера повесили в Нюрнберге; Эйхман понес наказание в Рамаллахе; Шелленберг умер от рака в английской тюрьме, написав мемуары, обличающие его и его сообщников; Гесс по-прежнему находится в тюрьме Шпандау в Западном Берлине.

Но кем стали их пособники? Бывший гестаповец Паннвиц в награду за свою деятельность ревностного служаки получает пенсию от боннского министерства внутренних дел. Курт Бехер, бывший торговец людьми, руководит процветающим транспортным агентством с оборотом в 10 миллионов марок в год. Каждое утро его отвозит в контору в Бремене роскошный «мерседес», имеющий ту же эмблему, что и машина, в которой он разъезжал по улицам Будапешта. Изменилась только униформа шофера!

Другие сообщники — эсэсовский убийца Отто Скорцени (до самой смерти он руководил предприятием международного масштаба), Мюллер, по кличке Гестапо, настолько он олицетворял собой охранку, и рейхсляйтер Мартин Борман — исчезли из Европы. В Латинской Америке они вновь встретили себе подобных по духу и преступлениям: Барбье, Рауффа, Менгеле и др.

Все они изменили свой облик. Иногда в буквальном смысле слова: хирурги-косметологи сделали неузнаваемыми примелькавшиеся физиономии. Чаще же это пре-

---

[1] БНД — Федеральная разведывательная служба в Западной Германии.— *Прим. ред.*

вращение происходило еще проще. Скрывшиеся преступники владеют объемистыми портфелями биржевых акций, заведуют деловыми конторами, руководят экспортно-импортными фирмами. Они застраивают целые городские кварталы в Буэнос-Айресе, Ла-Пасе, Мюнхене, возводят клиники в Асунсьоне, портовые сооружения в Чили. Убийцы, ответственные за самый страшный геноцид, превратились в профессиональных торговцев и респектабельных деловых людей.

Изредка прошлое напоминало о себе, и тогда в предместье большого города, будь то Гамбург или Вашингтон, находили труп, начиненный пулями или с перерезанным горлом. То — простое сведение счетов, которое чаще всего сходило с рук благодаря большим отступным либо регулярной дани. Времена, когда трупы устилали улицы Варшавы, Киева или Смоленска, казалось, ушли в забытое прошлое. Глава министерства пропаганды д-р Геббельс, бесспорно, стал родоначальником целой школы. Отныне на мировом рынке продают образ «доброго немца», как автомашину «фольксваген» или телевизор «Блаупункт», лишь бы заставить всех забыть об уцелевших нацистах, угрюмо и упорно ждущих своего часа.

Я вовсе не намерен клеймить всю Западную Германию. Но мафия СС существует. Много лет я занимаюсь ее поиском и в этой книге хочу рассказать о ней.

Не позволим крысам старого Франца Штайнхуберля вылезти на свет из своих нор! Мы должны заставить их жить в страхе!

Известно, что крысы заразны, они разносят чуму.

Глава II

Встреча в «Каса марина»

Весной 1948 года вечерняя Гавана представала передо мной во всей своей порочности. Карибское солнце не успевало скрыться за пальмами Маранао, как на улочках колониального квартала зажигались неоновые огни, предвещавшие, что скоро на тротуарах авеню дю Порт и на террасах приморских набережных начнется самое вульгарное из всех представлений, и я увижу море красных фонарей, отражающихся в воде прекрасной гавани, в нескольких милях от Майами.

Разгоряченная жарким тропическим климатом и взбудораженная послевоенной суматохой, экзотическая кубинская столица оказалась в руках проходимцев. На каждом шагу я сталкивался с действием поразительного механизма, созданного сводниками-профессионалами для услаждения американских самцов.

Сойдя на берег с клипера «Констеллейшн», я долго искал жилье по своему вкусу. Я намеревался засесть за сочинение памфлета против Батисты, Трухильо и других диктаторов мелких стран Антильских островов, и мне нужно было отвлечься от городской суеты. В предместье Гаваны, в старом патрицианском доме под сенью палисандровых деревьев я нашел подходящую квартиру. Беззубая негритянка, приходившая убирать, объясняла мне хитросплетения кубинской исполнительной власти: раньше она служила у двух префектов полиции. Я предпочитал ее болтовню «уюту» большинства отелей, где мне предлагали множество номеров с «удобствами».

— Четыре доллара — с метиской, сеньор? Двадцать — с настоящей блондинкой, только что из Европы,— твердил портье.

В кафе в центре города в час дайкири (белый ром, зеленый лимон, синеватый лед и еще ром) можно было

увидеть людей разных национальностей: англичане с Багамских островов, пресыщенные монотонным распорядком своих колониальных клубов; греческие моряки, второпях бросающие свое жалованье на зеленое сукно карточных столов; загулявшие чиновники с Мартиники, с трудом расстававшиеся с каждым сентаво; немецкие евреи, прибывшие на Кубу в конце 30-х годов и бойко болтающие по-испански; венгерские евреи с отпечатком пребывания в Берген-Бельзене [1], занимающиеся перепродажей сахара на мировом рынке; югославские авантюристы. И толпы американцев, привлеченных экзотикой тропиков, оглушенных белым ромом и возвращавшихся во Флориду после распутства.

Им противостояли с зажатыми в зубах сигарами, толстыми, как прутья тюремных решеток, жизнерадостные менеджеры этого нескончаемого пира. Одетые по-королевски, демонстрирующие житейскую ловкость и говорящие с клиентами по-английски нараспев, эти директора и управители отелей, баров и клубов были в основном местными жителями. Будь-то Джезус, директор «Слэппи Джоз», самого знаменитого бара на всех Антильских островах, или сеньор Фернандо Кортес, который довольствовался тем, что содержал два или три роскошных заведения — все они расточали улыбки и проповедовали, разумеется, полную терпимость.

— Здесь,— заявил мне Джезус,— мы любим всех. Даже Гитлер был бы желанным гостем в «Слэппи», если бы расплачивался чем-нибудь, кроме обесценившихся рейхсмарок.

В ответ на его зубоскальство шумно рассмеялся дюжий американец с растрепанными седеющими волосами. Постоянный клиент бара, опустошавший к полуночи бутылку кукурузного виски, топивший в вине противоречивые политические взгляды, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе... Эрнест Хемингуэй. Его агрессивную угрюмость я вскоре предпочту избегать.

Столица пребывает в постоянном страхе перед полицейскими Батисты. Ночные бары, отели и дома терпимости находятся под непосредственным контролем Вентуры, второго человека в полиции. Дважды в месяц он

---

[1] Берген-Бельзен — концентрационный лагерь, созданный нацистами около Ганновера в 1943 году, где были уничтожены десятки тысяч человек.— *Прим. ред.*

навещает самые шикарные заведения в сопровождении своего шофера, негра-великана, вооруженного до зубов. Вентура несет в руке чемоданчик из кожи гремучей змеи, куда складывает пачки долларов и кубинских песо. Все банкноты будут надежно заперты в одном из сейфов, где хранятся сокровища клана Батисты. Крупные купюры ценятся выше мелких. Бывают вечера, когда счастливчикам, выигравшим большую сумму в блэк-джек, выплачивают целый тюфяк мелких купюр. Доля Вентуры составляет 33 процента от общих доходов каждого заведения. Горе тем владельцам притонов, которые попытаются словчить!

Когда сумерки окутали богатые кварталы, один из моих собеседников, бельгиец, торговец табаком, продолжил разговор:

— Вентура всего лишь подручный, исполнитель. Другое дело Бланко, шеф кубинской полиции. Сальный тип. Он лишь изредка покидает кабинет с кондиционером. Именно он превратил отели в притоны, чтобы удесятирить доходы правящей верхушки и бизнесменов из Чикаго... Клан Батисты не смог бы устроить такую помойную яму всего в 250 километрах от Соединенных Штатов, если бы не согласие наследников Аль Капоне. «Коза ностра» «подписала» с диктатором контракт: ему выплачиваются солидные проценты, а гангстерам позволено организовать здесь самый большой притон в мире.

И это действительно так. Известно, как Бланко добыл свои первые доллары. Во времена Мюнхена, а затем в начале войны он вымогал деньги у несчастных беженцев, прибывавших из оккупированной Европы. Чешские, голландские и итальянские антифашисты, а также евреи из разных стран хлынули в иммиграционные полицейские конторы в Гаванском порту. Они намеревались провести на острове только несколько месяцев, пока не получат визу в Мексику, Канаду или США. В те времена Бланко требовал у них по тысяче американских долларов за каждое временное разрешение на пребывание. Тех, кто рассчитывал на поступление каких-либо средств, помещали в зловонные казематы форта Тискорниа. Те же, кому не на что было рассчитывать, подвергались жестоким гонениям, из-за которых многие бросались в воду. В морских глубинах акулы завершали работу нацистов.

Пять или шесть лет спустя Бланко[1] сам стал жертвой шантажа: «Коза ностра» навязала ему свое управление всем игорным бизнесом и публичными домами в Гаване. Если сделка не состоится, пригрозили гангстеры, то в морские суда и самолеты, связывающие Кубу с Флоридой и Соединенными Штатами, будут подложены бомбы... Не колеблясь он прищурил глаза в знак согласия. Теперь, когда война окончилась, лучше было заняться приумножением награбленного, чем его дележом.

Апрель 1948 года... Казалось, Гавана чего-то ждала. Служащие отеля «Насьональ», похоже, были начеку. Особенно усердствовали бармен и лифтеры. Старались все, даже девицы, которые, поправляя грим, отсиживали свое время за стойкой на высоких табуретах.

Моя старая негритянка сказала:

— Ждут очень важных персон, а может, они уже здесь. Те самые, сеньор, которые забирают все песо...

Я и сам видел лимузины с американскими номерами в респектабельных кварталах. Они появлялись часто.

В тот вечер я сидел в тихом баре «Ориент», принадлежавшем выходцу из Вены. Датское пиво и франкфуртские сосиски привлекали сюда европейцев. Моей спутницей была молодая ирландка, жаждавшая экзотических впечатлений. За соседним столиком сидели четверо молодых людей, опустошавших одну кружку за другой. Казалось, они радовались встрече. Хотя они говорили очень тихо, почти шепотом, я понял, что говорили они по-немецки. Речь шла о каких-то важных расчетах, и часто произносилось слово «гельдшранк» («сейф»). Они спорили между собой, причем один из них — с каштановыми волосами, вьющимися на затылке,— явно навязывал свое мнение. Он казался главным. Чтобы развеселить своих приятелей, особенно угрюмого блондина с крестообразным шрамом на левой щеке, он заказал еще пива и достал из карманов какие-то фотографии.

Вслед за моей спутницей я вышел из-за столика и украдкой взглянул на групповое фото, которое, восклицая, рассматривали немцы. На нем на фоне каменной стены были засняты десять эсэсовцев в парадной форме: выпяченные груди, правые руки заложены за пояса. Над группой возвышалась весьма приметная фигура. Я отчет-

[1] Он был расстрелян в 1959 году по решению революционного правительства Фиделя Кастро.

ливо разглядел мальтийский крест под воротником кителя.

Это все, что мне удалось увидеть. Но для меня было совершенно очевидно, что среди эсэсовцев едва ли найдется другой гигант, награжденный рыцарским крестом, кроме штандартенфюрера СС Отто Скорцени. «Мирные» клиенты бара «Ориент» наверняка входили четыре года назад и карательные отряды СС, наводившие ужас на Украине и в Польше [1].

Откуда взялись эти немцы? И что они делали на Кубе?

Сегодня, четверть века спустя, благодаря различным расследованиям я знаю обо всем этом гораздо больше. Но в то время нераскрытого было еще много. Моей первой заботой было расспросить венца, владельца бара,— добродушного старичка, страстного любителя оперы. Его звали Франком, хотя родители в честь императора нарекли его Францем Иосифом. Он жил на Антильских островах сорок лет и всегда в компании молодых мулаток. Франк казался антинацистом. Но один его ответ показался мне двусмысленным:

— Случайные клиенты... Несомненно, «дипи» [2], приехавшие из Чехословакии и Литвы и хорошо знающие немецкий. Один из них, вероятно, еврей: у него большой нос, он дергает плечами и жестикулирует...

То была фальшивая откровенность. Со временем я разгадал игру Франка: бывший агент австро-венгерской разведывательной службы в Центральной Америке, он был завербован после аншлюса 1938 года службой адмирала Канариса. Во время войны сражался против союзников, обеспечивая снабжение гитлеровских подводников.

[1] Теперь я убежден, что четверо нацистов, которых я видел на Кубе (среди них были Фридрих Швенд, о котором я расскажу ниже, и Отто Керстен), подготавливали приезд Скорцени в Латинскую Америку. Сбежав из американского лагеря в Дармштадте благодаря подпольной сети Гелена, он добрался вначале до Испании, а затем и Южной Америки. Позднее он сам признавал: «Мои деловые поездки занесли меня в Аргентину, где я был принят покойным Пероном».

[2] Д. Р.— начальные буквы английских слов «displaced persons», что означает «перемещенные лица». К ним относились сотни тысяч беженцев с Востока, живших в лагерях, находившихся на содержании союзнических армий. В 1947—1950 годах многие из «дипи» получили иммиграционные визы в страны Нового Света.

Но почему этот торгаш защищал бывших нацистов? Можно предположить, что он был жертвой шантажа со стороны эсэсовцев, укрывшихся в Латинской Америке. Неудавшийся предприниматель, он вскоре дешево продал «Ориент» и исчез вместе с молодой мулаткой.

Откуда все-таки явились эти странные клиенты Франка? Из разных стран Южной Америки: Перу, Бразилии, Чили, Аргентины и т. д. Очевидно, они праздновали в тот вечер свою встречу, перед тем как вместе заняться выполнением важной миссии.

Территория Ранчо-Гранде в Аргентине была тогда, как мне известно из различных источников, настоящим раем для нацистов, не порвавших со своим прошлым. Многие богатейшие немцы, поддерживавшие гитлеровский режим, в частности семья Круппа, владели там обширными угодьями, осмотреть которые целиком можно было только на самолете.

Беглецы со свастикой перемещались не без трудностей, но и не без шансов: их карманы всегда были набиты...

Самое внушительное скопище проходимцев — сицилийско-американская «Коза ностра». Она пережила войну без особых тягот и намеревалась вновь наладить свои дела. Необходимо было выдумать новые способы наживы, поскольку прежний бизнес — подпольные игорные дома и проституция — стал опасен: против него ополчились неумолимые чиновники вроде нью-йоркского прокурора Томаса Дьюи. Прочно укоренившись в Центральной Америке, мафиози считали себя единственно способными «отмывать» грязные деньги нацистских беглецов. С другой стороны, «Коза ностра» рассчитывала использовать жестокость и отсутствие угрызений совести у готовых на все нацистов для налаживания бизнеса, обещавшего огромные барыши: речь шла о торговле наркотиками.

Сицилийские и нью-йоркские гангстеры злорадствовали по поводу того, как они будут диктовать свои условия жестоким тевтонцам, которые еще недавно публично оскорбляли их на шумных пивных сборищах.

Два известных «капо» — главари организации — находились в это время в Италии с заданием разведать обстановку. То были Вито Дженовезе и Лаки Лучиано. Они первыми дали знать своим «семьям» в Соединенных Штатах о возможности переговоров с беглецами из банды

фашистской свастики — банды богатейшей, как многозначительно уточняли они.

Первый из них, «дядя Вито», во время войны и после жил в Сицилии и в Италии. Он установил тесные контакты с высшими чинами в фашо [1], скомпрометированными скандалами с военными поставками, а затем организовал дележ огромных сумм, добытых в результате хищений в интендантстве американской армии. Вначале члены фашо, а затем и СС обратились к Дженовезе с просьбой прикрыть их бегство из страны с более благоприятным климатом. Ему подчинялся значительный автомобильный парк [2]. Он имел возможность погрузить что угодно и кого угодно на целую флотилию рыбацких каботажных судов, базирующихся в Бриндизи, Неаполе и Трапани.

Вито не принимал в расчет своих старых сообщников из клана Муссолини. Он знал, что они безденежны. Он предпочел сделать ставку на немцев, венгров и югославов, которые бежали в порты, где можно сесть на какое-либо судно. Триест, управляемый командой английских и американских офицеров, играл тогда роль перевалочной базы Центральной Европы. За 50 тысяч лир, что составляло 300 швейцарских франков, можно было обеспечить подпольный проезд в Бари или Барлетту, за 200 тысяч — добраться запертым в камбузе хоть до Мальорки. Маленькие острова у западной оконечности Сицилии также служили пунктом отправления до тех пор, пока командир патрульного судна королевского флота не увидел в бинокль, что доисторические гроты и пещеры островка Леванцо заполнены странными личностями.

Другого «капо», Счастливчика Лучиано, еще только ждали в Италии. Получив предписание покинуть Соединенные Штаты, он долго оттягивал выезд из страны президента Трумэна. Наконец сообщили, что он отбыл в Гавану, а не на свою родину, как предписывалось американским законом. Общественное мнение, особенно в Нью-Йорке, было возмущено. Оно отказывалось принимать во внимание услуги, оказанные гангстерами военным из Вашингтона во время подготовки высадки в Сицилии.

---

[1] Fasio — «Фашо ди Комбатименто», первая фашистская организация, созданная в 1919 году Муссолини.— *Прим. ред.*

[2] В частности, грузовики и автомобили торговцев фруктами и овощами на юге Италии, которые подвергались безжалостному рэкету со стороны мафиози

Смущенное таким поворотом дела кубинское правительство заявило о непричастности к нему своих служб: кубинская виза, полученная Лучиано, есть чистая «липа». По прибытии в Гавану Счастливчик Лучиано, на этот раз оказавшийся неудачником, был окружен дюжими полицейскими, которые надели на него наручники, а потом вместе с арестованным позировали перед фоторепортерами. Какая комедия! Дело в том, что чемпион рэкета легко ускользнул от полиции после отъезда специальных корреспондентов американской прессы.

Через день, 25 мая 1948 года, в Гаване состоялась встреча, которая не освещалась прессой.

Следующей весной я попытался воспроизвести то, что происходило на тайной встрече в «Каса марина». Без особых трудностей я проник туда. Комфортабельные залы с огромными зеркалами и диванами, обитыми фиолетовым шелком. На стенах фрески с фривольными сюжетами. «Каса марина» была... борделем.

В тот день молодые девицы, жившие в здании старого монастыря, неожиданно для них самих получили распоряжение прогуляться по берегу моря. Затем содержательница «Каса марина» мадам Огюстин, пышная уроженка Оверни, предоставила в распоряжение своих «пансионерок» два огромных «линкольна», на которых те отправились в собор, где шла служба.

Именно 25 мая в большом зале «Каса марина» девушек сменила группа весьма уверенных в себе мужчин. Делегация американских мошенников прибыла регулярным рейсом из Майами, а разного рода беглецы «третьего рейха» приплыли из Буэнос-Айреса и Асунсьона через Каракас и Сан-Доминго. Они пользовались покровительством диктатора Трухильо.

Командой, прибывшей из Майами, руководил человек с легендарным именем: Ральф Капоне, родной брат Скарфаса. Большие кланы были представлены Франком Костелло, Альбертом Анастазиа, Санто Траффиканте-младшим и другими менее известными «капо». На сборище в «Каса марина» прибыли также сводники, укрыватели, ростовщики и мошенники более низкого пошиба, которые могли быть использованы в организации торговли наркотиками. Лаки Лучиано и Вито Дженовезе закладывали ее основу.

Главарям мафии оставалось заставить других членов «Коза ностра» принять их рекомендации. Дело осложнялось тем, что, во-первых, до сих пор торговля наркотиками была формально запрещена внутренним законом организации, а во-вторых, ввести в «Коза ностра» иностранцев, осужденных за политические преступления и геноцид, было делом нелегким.

Сама идея, вероятно, исходила от Вито Дженовезе, который в свое время предоставлял субсидии в несколько сотен тысяч долларов черным кассам фашистского режима. Сложность состояла в том, чтобы подчинить бывших эсэсовцев законам «Коза ностра». То, чего добились некоторые гестаповцы и чиновники экономических служб рейха в Париже, Брюсселе, Амстердаме и других городах, казалось советникам мафии достаточно убедительным, чтобы предоставить им новый шанс. Обстоятельный доклад Лаки Лучиано содержал внушительные цифры и устанавливал новый мировой тариф на «товар».

Еще в 1944 году, предвидя возможность поражения, главари СС и их финансовые эксперты предусмотрели, что им придется рассеяться по всем континентам. Для этого будет необходимо поместить в надежное место награбленную добычу.

Через три года после капитуляции «третьего рейха» некоторые из них оказались в Гаване. Однако встреча с ними вызвала расхождения внутри «Коза ностра». Группа «южных» мошенников, представленных «капо» из Флориды Санто Траффиканте-младшим и его «финансовым советником» — молодым и еще мало известным гангстером,— была настроена враждебно. Дело в том, что в южной Флориде в сицилийскую мафию входили евреи. Королем ее денежных махинаций был Меир Лански [1]. Еврей из Польши, он был против союза с палачами своих единоверцев.

Вот почему встреча в «Каса марина» закончилась сумятицей. Предварительное решение было принято всесильными «капо» Нью-Йорка и Чикаго: испробовать новичков, прибывших из Европы, и дать им оценку в за-

[1] В 1975 году Меир Лански, чтобы избежать тюрьмы, уехал в Израиль и попросил убежища, предоставляемого там евреям. После длительной и сложной процедуры израильские власти выслали его в США. Что касается Санто Траффиканте-младшего, то он был завербован ЦРУ для намечавшегося убийства Фиделя Кастро.

висимости от результатов, которых им удастся добиться.

Перед тем как покинуть собрание, Лаки Лучиано, который готовился отплыть в Италию на турецком судне, с особым почтением представил своим сообщникам и подручным «надежного малого»: Огюста Рикора. Этот немногословный француз из Парагвая буквально купался в золоте. Лаки, не питавшему никаких симпатий к германским «жирным затылкам», высадившимся с фальшивыми документами в Гаване, этот молчаливый средиземноморец со светлыми глазами и очками банкира представлялся верным союзником. Обладавший безошибочным нюхом Лучиано твердо верил, что Рикор привлечет к торговле наркотиками необходимые средства и создаст разветвленную сеть связей. То, что Рикор именовал себя Даржеллесом и имел аргентинский паспорт, свидетельствовало о значительном опыте этого сообщника знаменитого Джоановича [1], о котором даже в недрах американской «Коза ностра» ходили легенды.

И двадцать лет спустя я удивляюсь личности Огюста-Жозефа Рикора. Говорят, он родился в Марселе, до войны был несколько раз осужден за сводничество и вооруженные нападения. Каково его настоящее имя? Расследование, проведенное парижской прессой, показало, что Рикор всего лишь псевдоним.

Для французского правосудия, которое судило его заочно в 1947 году, Рикор «появился на свет» в возрасте тридцати двух лет в 1941 году. Множество свидетелей подтвердили, что он играл роль посредника в первых сделках пресловутого Джоановича, сотрудника бюро закупок парижского гестапо. Вскоре Рикор оказался в зловещей банде Бонни — Лафона, обосновавшейся на улице Лористон в XVI районе Парижа. Он не затерялся там, ибо непосредственной защитой ему, судя по всему, служила тайная связь с РСХА [2].

Все они грабили, вымогали, присваивали. Не упускали ни малейшей возможности нажиться, хотя формально

---

[1] Джоанович (родом из Румынии) сотрудничал с нацистами, помогая в снабжении Германии сырьевыми материалами. Он разгуливал по оккупированному Парижу с пропуском, выданным гестапо.

[2] РСХА — главное имперское управление безопасности фашистской Германии — Reichssicherheitshauptamt, высший командный орган, координировавший террористическую, шпионскую и диверсионную деятельность СС.— *Прим. ред.*

им было поручено бороться с черным рынком. Они скупали бары, модные кабаре, роскошные рестораны, снабжавшиеся исключительно тем же черным рынком. Каждый день после полудня на коротком совещании с одним из хозяев, будь то Бонни Леруа или Берар, им давалось задание «на завтра» на основе сведений, поступавших из полиции, либо заслуживающих «доверия» анонимных доносов... Каждый вечер они кутили в подпольном ресторане или пили шампанское с сообщниками, составляя списки жертв, намеченных на следующий день.

Что касается таинственного Рикора, пользовавшегося покровительством своих друзей из СД, то он обычно поздно ночью возвращался в публичный дом недалеко от площади Пигаль (он контролировал такие же «дома» в Марселе и в южных департаментах). В тридцать три года Рикор сделал блестящую карьеру, ибо с присущей ему дальновидностью сумел стать своим человеком в рейхе. Чутье его не обмануло.

После освобождения Парижа Бонни и Лафон были сразу же арестованы. Телохранитель Рикора Жак Мире, уголовный тип родом из Безансона, был расстрелян силами Сопротивления прямо на улице квартала Сен-Жермен-де-Пре. А Рикор, по существу заправлявший делами в трагические дни июня — июля 1944 года, нашел для себя надежный путь к спасению: вместе с Жаком Эрбе, Жюлем Минаром и Анри Тирье он погрузил дюжину мешков в «ситроен», ветровое стекло которого было облеплено немецкими пропусками, затем они исчезли...

Их груз стоил около 600 миллионов старых франков. Рикор сообразил, что ехать в Германию не стоит. Сопровождая «военные трофеи» парижского гестапо, он направился на юг... Секретный документ, подписанный главарями РСХА, а также тройной пропуск, выданный на Вильгельмштрассе, позволяют ему беспрепятственно пройти заставы полевой жандармерии. На мосту через Ирун мадридские полицейские, выделенные правительством каудильо, вместе с полковником Бернгардом [1] берут его под свою опеку. Его дальнейший путь покрыт тайной.

---

[1] Штандартенфюрер СС Иоганнес Бернгард, исполнявший обязанности директора финансово-промышленного общества в Мадриде, занимался в свое время коммерческим и некоммерческим обменом между Испанией и «третьим рейхом».

Возможно, он направился в Кадикс, куда до этого были доставлены другие партии груза. А может быть, в Виго в Испании и Порту в Португалии, перед тем как погрузить этот ценный груз в Лиссабоне на чилийское судно.

Осенью 1943 — летом 1944 года Огюст Рикор показал свое истинное лицо — лицо «доверенного человека» СД, который ведет счет награбленному в результате вымогательств и укрывает все это в надежном месте. Трибуналы Освобождения, приговорившие к смерти банду Бонни и Лафона, к несчастью, затеряли касавшиеся его чрезвычайно важные обличительные документы. Узнав об этом от сообщников и связанных с ним адвокатов, после того как он уже покинул Европу, Рикор возликовал. И начал свою вторую жизнь...

Его след теряется до 1950 года. Однако французской контрразведке (ДСТ) стало известно, что небеса по ту сторону Атлантики не столь уж безоблачны для подонков из парижского гестапо, пересекших океан по стопам Рикора...

Их убивали... Жюля Минара — на одной из нью-йоркских улиц в Ист-Сайде в марте 1948 года, Жака Эрбе — на красном плюше ночного заведения «Акапулько» в Мехико в январе 1949 года, Анри Тирье — в 1951 году в Буэнос-Айресе [1]. Все они были убиты при загадочных обстоятельствах.

Эти следовавшие одно за другим убийства напоминают скорее черный список. Ни у ДСТ, ни у меня самого не было ни малейших оснований заподозрить в них бывших участников французского движения Сопротивления, поскольку они отвергают саму идею кровавой мести, да и лишены средств для ее осуществления. По-видимому, это дело рук самого Рикора. Комиссар Амбрози, настоящий ас по разоблачению французских военных преступников, сказал мне в 1971 году по этому поводу следующее:

— Полиция обычно отыскивает спрятанный клад по усыпанным трупами дорогам... Что касается Минара, Эрбе и Тирье, нет никаких сомнений, что они мешали главарю банды Рикору или новым его партнерам — мафиози...

Гипотеза, которую я предложил комиссару Амбрози, показалась ему логичной.

[1] Другой помощник Рикора, Доминик Орсини, будет убит в камере федеральной тюрьмы в Атланте (штат Джорджия). Весной 1978 года он собирался раскрыть секретные данные американскому Бюро по борьбе с наркотиками.

Устроившись в Аргентине, Огюст Жозеф вскоре понял, что большую часть сокровищ с улицы Лористон трудно реализовать. Речь шла о пакетах американских, голландских и британских ценных бумаг, которые банда Бонни — Лафона вымогала у парижских биржевых маклеров в обмен на их жизни, о бриллиантах и изумрудах огромной стоимости, опознаваемых по размерам или старинной оправе. Рикор переговорил с бывшими корсиканскими сутенерами, многие из которых поселились в Буэнос-Айресе. В большинстве своем они были связаны с американской мафией...

Вскоре некоторые «капо» стали использовать Рикора в качестве партнера то для пособничества, то для вымогательств. Марселец не оплошал. Он ловко вел переговоры о том, чтобы дать под проценты золото или вложить доллары в кабаре в южноамериканских странах, показал себя блестящим посредником. «Ну, что ж,— говорил он посланцам «Коза ностра»,— я подожду еще десять лет. Моя старость будет обеспечена». Вероятно, он больше опасался раскрытия «секретных» списков украденных акций, которые находились в крупных банках мира, чем запросов о розыске его персоны, направленных французской полицией и переданных через дипломатических представителей IV Республики. Не следует забывать, что он грабил весьма зажиточных людей, многие из которых остались в живых после войны.

Мой друг комиссар утвердительно кивнул головой:

— Одним словом, вы полагаете, что Рикор в 1948 году гораздо больше беспокоился о своем кладе, чем о своей шкуре? Это мне кажется весьма правдоподобным. Если бы убийцы Орадура отважились ограбить швейцарский банк, их бы осудили гораздо раньше и более сурово. Я заранее знаю, какие объяснения вы дадите этим убийствам.

— Несомненно,— продолжал я.— Жюль Минар некоторое время жил в Нью-Йорке. Год 1948. Случай определенно уникальный в истории побегов гестаповцев. Чье иное покровительство, как не мафии, позволило этому жалкому парижскому мошеннику пить бурбонское виски в барах Бронкса и смотреть прямо в глаза грозным полицейским? Я представляю, что он говорил по-итальянски и был снабжен, задолго до своей кончины, документами на имя какого-то итало-американца. Причиной, которая

привела его к этой последней метаморфозе, была, вероятно, роль связного между Рикором и «Коза ностра».

В один прекрасный или, скорее, несчастливый день для бывшего злодея-коллаборациониста боссам из нью-йоркского клана надоели увертки Рикора. Чтобы запугать марсельца, они убили его «посланца», не забыв заменить в кармане убитого его настоящие документы на фальшивые. Такой прием часто использовался в былые времена флорентийскими князьями. На этот раз операция была осуществлена ровно за два месяца до тайного приезда в Гавану некоего Даржеллеса, в прошлом именовавшегося Огюстом Жозефом Рикором. Он был «по-дружески» приглашен на встречу в «Каса марина» самим Лаки Лучиано...

— А что вы скажете о Тирье? Не забудьте, что он был убит через восемь месяцев после встречи в «Каса марина»...

— Могут быть разные версии. Одна из них кажется мне наиболее правдоподобной. Она связана с прошлым Тирье, который собственноручно казнил многих евреев в 1943—1944 годах. Банда Меира Лански, которая больше других была в курсе дел латиноамериканского региона, знала о его пребывании в Мексике. Она уничтожила бывшего убийцу «безвозмездно», чтобы свести счеты «морального» порядка... Возможно также, что она питала какие-то подозрения по отношению к человеку, готовому в одиночку вести дерзкую игру.

Со времени этого разговора прошло семь лет. Старик, которого также называли Месье Андре или Эль Комманданте, то есть Рикор, окончательно покинул свой мотель-ресторан в пригороде Асунсьона, столицы Парагвая. 3 сентября 1972 года агенты ФБР, посланные лично президентом США Ричардом Никсоном, на специальном «боинге-707» доставили Рикора в аэропорт Кеннеди в одной лишь бежевой холщовой блузе и голубых брюках [1]. В сопровождении полицейских, в наручниках он был от-

[1] Подоплека этого такова: Джон Митчелл, министр юстиции в администрации Р. Никсона, возглавив предвыборную кампанию президента, полномочия которого истекали, вынудил парагвайского диктатора Стресснера выдать Рикора — это произошло аа два месяца до президентских выборов 1972 года. Как видно, предвыборные маневры и манипуляции иногда бывают полезны...

везен в федеральную тюрьму в Манхэттене. «Король наркотиков», как его величали крупные американские газеты, умер спустя три года — в камере с умывальником и телевизором в другой американской тюрьме.

Рикора долго и помногу допрашивали агенты ФБР и Бюро по борьбе с наркотиками. Но их в первую очередь интересовали адресаты, которым Рикор направлял посылки с героином (как утверждают, более 1200 килограммов). Им он в течение нескольких лет наводнял Соединенные Штаты. Вряд ли Рикор рассказал что-нибудь о своем пребывании в Аргентине и своих связях с бывшими нацистами.

Для историков тайна Рикора осталась нераскрытой. Каково его прошлое? Почему он так быстро поднялся по служебной лестнице парижского СД? Ведь и без него на улице Лористон хватало убийц и злоумышленников. Тем не менее он вскоре становится «уполномоченным», которому без колебаний доверяют добычу, награбленную в течение трех лет гнуснейших вымогательств.

Догадки и частичные доказательства, которыми я располагаю, все еще недостаточны. Однако надеюсь когда-нибудь написать историю этого гангстера из СС и вскрыть нутро человека, заключившего союз с Кальтенбруннером... Союз с самим дьяволом, и, вероятно, задолго до вторжения гитлеровских войск во Францию. Известно, что Огюст Жозеф работал на РСХА во Франции еще до ее оккупации, в совершенно забытую эпоху «странной войны». Человек, который станет центром заговора в «Каса марина» и который должен был оказать губительное воздействие на американскую молодежь 60-х годов,— не был ли он сам в молодости приводным ремнем знаменитой «пятой колонны» нацистов во Франции в конце 30-х годов? Я склоняюсь именно к этому,

Глава III

Заговор в отеле «Мезон руж»

Весной 1977 года я решил повторить маршрут панического бегства немцев с июня 1944 по май 1945 года. Выехав на машине из Байе в Нормандии, через Париж я проехал Эльзас, Арденны, Вестфалию, Гессен и Тюрингию, строго следуя по пути наступления западных союзников.

В Страсбуре я задержался, и надолго. Я пытался почувствовать атмосферу того лета, когда произошла высадка союзников, и попутно с этим проникнуть в зловещие замыслы участников одной секретной встречи. Я хотел нащупать нити заговора, последствия которого ощутимы и сегодня. Я искал следы гестаповца, онемеченного эльзасца, который был связан с американской контрразведкой Си-ай-си. О тайных сборищах, об этом человеке, столь загадочном, что о нем «забыли» упомянуть на процессе в Нюрнберге, и пойдет дальше речь.

Я пересек Тюрингию, живописную часть Германии, входящую ныне в состав ГДР. Позади остался Веймар — город Гёте, где в 1919 году наивные политики создали первое в истории Германии республиканское государство — хрупкий режим, не устоявший перед эсэсовскими сапогами. В стране, которую так любил великий Гёте, с 1933 по 1945 год были слышны не сочинения поэта, а стоны узников.

Приближался Бухенвальд... За поворотом дороги показался концентрационный лагерь с воротами из кованого железа. Кошмарное в своей реальности зрелище. Прошло тридцать два года после того, как американские солдаты вместе с восставшими узниками взломали лагерные ворота... Германская Демократическая Республика сохраняет Бухенвальд, а также Равенсбрюк и Заксенхаузен в первозданном состоянии в назидание потомкам. Эти лагеря объявлены историческими памятниками —

символами фашизма и одновременно символами борьбы против него.

Из остановившихся по соседству с моей автомашин высаживались школьники, профсоюзные деятели, иностранные делегации. Плачущие пожилые женщины, уцелевшие узницы, несли большие букеты цветов.

В бывшей газовой камере, превращенной в музей, гид в зеленой фуражке объяснял молодежи структуру «концентрационной вселенной». Он говорил об ужасном положении «арбайтскомандо» — предоставленных в распоряжение германских монополий заключенных. Гид в прошлом был одним из них.

— Мы были рабами, обреченными на смерть,— рассказывал он.— Директора и инженеры Тиссена, «И. Г. Фарбен», Сименса и Круппа являлись за пополнением к нам. Нас направляли в самые вредные цеха, заставляли работать бешеными темпами. Наши страдания и ежедневная смертность — вот что стояло за ростом производительности труда... Те самые промышленники, которые поощряли эсэсовцев жестоко избивать нас, сегодня, уйдя на пенсию, спокойно обосновались на берегах Рейна или на Ривьере, а некоторые из них и по сей день заседают в советах крупных промышленных картелей Новой Европы.

Перед тем как посетить Бухенвальд, я заехал в предместье Мюнхена — Дахау. Скромные мемориалы в ФРГ, построенные на частные средства, имеют определенную цель — успокаивать иностранные делегации, которые «проявляют болезненный интерес к подобного рода реминисценциям», как высказалась одна из западногерманских газет. Грустная улыбка тронула губы фрау Барбары Дистель, директора мемориала в Дахау, когда я осведомился о расписании посещений школьников и студентов Федеративной Республики Германии. «Преподаватели из ФРГ,— говорит она,— ревниво оберегают своих учеников от любой формы комплекса виновности».

Когда я спросил одного из служащих о пленных, «одолженных» в свое время Дахау заводам Тиссена или «И. Г. Фарбен», он широко открыл глаза. Молодой человек не знал, что знаменитые промышленные объединения были сотни раз упомянуты в обвинительных речах на Нюрнбергском процессе. Его открытое симпатичное лицо застыло, когда я повторил свой вопрос. К тому же подоб-

ные вопросы звучали почти кощунственно в стране «экономического чуда».

Если бы он заинтересовался недавним прошлым своей страны, я мог бы ему рассказать и кое-что секретное. О том, как представители этих самых промышленных колоссов в то роковое лето 1944 года участвовали в тайном сборище в Страсбуре. О том, как промышленники и банкиры, утверждающие, что являлись простыми исполнителями экономической политики, диктовавшейся главарями «третьего рейха», разыгрывали в салонах эльзасского отеля мрачную комедию с целью гальванизировать идеалы СС.

Из протокола допроса таинственного агента УЗ-13 я смог во всех подробностях восстановить, как разрабатывался 10 и 11 августа 1944 года знаменитый план рассредоточения СС и гестапо. Это происходило во время таинственной встречи в отеле «Мезон руж».

— 10 августа,— рассказывает УЗ-13,— мы были неспокойны. Дела у рейха шли плохо. За несколько недель до этого фюрер едва не стал жертвой покушения. Через одну-две недели Париж, разрушенный или невредимый, перейдет в руки союзников. Немецкие танковые дивизии повсюду отступают. Страсбур в осадном положении.

От Центрального вокзала до площади Клебер, где возвышался отель «Мезон руж», реквизированный оккупантами, полевая жандармерия и подразделения СС образовали защитный кордон. На вокзал только что прибыл специальный поезд, состоящий из вагон-салона, вагона для пассажиров 1-го класса и двух платформ с зенитными орудиями. Люди, находившиеся в поезде, явно не похожи на отпускников. Только мы, сотрудники страсбурского гестапо, знаем, что это поезд, подчиняющийся непосредственно РСХА.

Гигант в форме генерала СС, с лицом, пересеченным глубоким шрамом, вышел из вагон-салона. За ним пятеро штатских, предельно элегантных... и подобострастных. Это преуспевающие промышленники, только что заключившие соглашение с человеком № 4 в нацистской иерархии. Гигант — Эрнст Кальтенбруннер, один из приближенных Гитлера.

В роскошном вагоне обергруппенфюрер СС самоуверенно говорил своим гостям:

— Посмотрите в окно: воздушный патруль люфтваффе постоянно кружит над нашим поездом. Так решено в РСХА. Когда СС берется за дело, она доводит его до конца. Прошли те времена, когда графы и бароны, золотопогонники вермахта дерзили нам...

Изобразив улыбку, которая еще больше подчеркивала его фиолетовый шрам, Кальтенбруннер добавил:

— Каждый инженер, каждый промышленник должен чувствовать прямую ответственность перед партией и ее элитой. Вы уже продемонстрировали отличное понимание того, что касается использования ничего не стоящей иностранной рабочей силы, поставщиком которой является гауляйтер Заукель. Отныне вы сами, ваши семьи и ваши близкие должны быть вовлечены в механизм тотальной войны...

Налив себе стакан воды со льдом, всемогущий генерал в заключение сказал:

— Прошлой зимой у фон Штюльпнагеля и его очаровательных полковников в этом самом вагоне шампанское лилось рекой. СС готова пролить здесь жидкость красную и более вязкую... Мы выбрали Страсбур, к западу от нашего жизненного пространства, чтобы провести здесь серию переговоров, исключительно важных для «третьего рейха».

Голос эсэсовского гиганта, весьма тонкий по сравнению с его фигурой, окончательно сломил его собеседников. Пятеро заправил промышленности «третьего рейха» были бесцеремонно завербованы. Они едва притронулись к бокалам с мозельским вином. Их разочарование достигло крайней степени. Отныне их банковские счета, их участие в иностранных предприятиях, личные средства, переведенные в швейцарские франки и шведские кроны, поступали под контроль СС. Что им дало их прогитлеровское усердие? Этот австрийский ефрейтор, на которого они сначала смотрели свысока и которым потом восхищались, окружил себя грубиянами!

— Только три года назад,— пробормотал уполномоченный металлургической промышленности,— у меня был постоянно зарезервированный номер в отеле «Пьер» в Нью-Йорке... А сейчас меня вызывают в пять часов утра на разрушенную платформу вокзала во Франкфурте и со мной обращаются как с рабочими-эмигрантами...

Но, вспомнив о собственной роскошной вилле с бассейном и личном аэродроме в Баварии, он вскидывает ру-

ку, когда его компаньоны выкрикивают хором: «Хайль Гитлер!»

Инструктаж окончен.

После того, как он перешел на сторону противника, гестаповец УЗ-13 злорадно смеялся, рассказывая об этой сцене, о которой он узнал от личных охранников Кальтенбруннера.

В течение всего 10 августа — это был вторник — обитые входные двери отеля «Мезон руж» не переставали отворяться перед вновь прибывающими. Большинство были в штатском, но, рассказывал УЗ-13, можно было также заметить морских офицеров, в том числе полковника из национал-социалистского ведомства транспорта и перевозок в... мундире французского капитана.

— В четверг,— продолжает УЗ-13,— состоялось несколько коротких встреч под председательством Кальтенбруннера. Это были беседы без протокола и без взаимных представлений. Людям, сидевшим за одним столом, покрытым вышитым бархатом, не полагалось знать друг друга. Как эксперт, прикомандированный к генералу, я постоянно находился в кабинете на первом этаже. Около восьмидесяти человек, принятых на несколько минут нашим шефом в большом комфортабельном зале, получили от него соответствующие инструкции.

— Могли бы вы опознать людей в штатском, принятых шефом РСХА? — спросил капитан Си-ай-си.

— Это были функционеры РСХА, имена которых я вам назвал. Что касается остальных, я знаю только, что там были испанцы, прибывшие из Швейцарии в автомашинах с дипломатическими номерами. Была также весьма элегантная женщина, постоянно курившая американские сигареты. Коротко стриженная шатенка около сорока лет, в шляпке от Каролин Ребу и платье от Пату. Полагаю, она из знатной португальской семьи и, похоже, вызывала робость у самого Кальтенбруннера. По-немецки она говорила прекрасно.

Автор этих строк несколько раз пытался установить имя этой единственной женщины на встрече в «Мезон руж». В Лиссабоне вскоре после «революции гвоздик», просматривая старые досье, он обнаружил одну деталь: Салазар, никогда не доверявший женщинам, во время войны щедро выдавал служебные паспорта дамам из

высшего португальского общества, которые, как считалось, занимались благотворительностью, подвизаясь в миссиях МКК в Женеве [1].

Как явствует из признаний УЗ-13, многие собеседники Кальтенбруннера встретились с обергруппенфюрером впервые. Взять в руки заграничную сеть СС, вдохнуть в нее оптимизм, продемонстрировать доверие тем лицам, которых он знал только по их досье,— вот чему посвятил 10 августа 1944 года шеф РСХА. К концу вторника покрытый шрамами эсэсовец казался несколько утомленным. Он отложил на следующий день конфиденциальные переговоры со своим эльзасским подчиненным.

Каков же был этот «генералиссимус» полиции, сменивший Рейнхарда Гейдриха на посту главы РСХА? Ревнуя к посмертной славе своего предшественника, который считался до покушения в Праге одним из возможных наследников Гитлера [2], Кальтенбруннер проявлял неистовость, эгоизм и коварство одновременно. Молодой старший офицер СС — в начале войны ему было только тридцать пять лет — своим удивительным продвижением никоим образом не был обязан положению в национал-социалистской иерархии. Имея билет № 300179 в нацистской партии и № 13039 — в СС, этот «поздно прибывший» обладал тремя козырями в своей колоде. Он был австрийцем, что завоевало ему личную симпатию Гитлера. Имел рост 1,94 метра, что произвело впечатление па рейхсфюрера Генриха Гиммлера. Наконец, он всюду подчеркивал, что имеет диплом юриста и звание «герра доктора». Гейдрих же брал на первые должности людей с университетскими дипломами.

У обергруппенфюрера был недостаток: не хватало уравновешенности. Он получал директивы либо от Гиммлера, своего начальника, которого втайне презирал, либо от Бормана — своего явного покровителя. Когда разгром стал казаться неотвратимым, Кальтенбруннер начал склоняться к прагматизму Бормана. Однако он вплоть до

---

[1] Международный Красный Крест, находившийся в Женевском дворце, где кишели иностранные шпионы.

[2] 27 мая 1942 года на окраине Праги протектор Богемии и Моравии и шеф РСХА Рейнхард Гейдрих был смертельно ранен взрывом гранаты, брошенной участниками чешского Сопротивления. Можно с уверенностью сказать, что «план выживания» нацистов в 1945 году мог бы быть другим, если бы Гейдрих остался жив.

поражения в мае 1945 года всячески стремился спасти сокровища, спрятанные в горах его дорогой Австрии. Самонадеянность привела его не в Южную Америку по каналам тайной сети, известной под названием «Шлюз», а на скамью подсудимых на Нюрнбергском процессе [1]. Планы, разработанные в Страсбуре, помогли другим, а не ему...

«Роль эксперта при генерале Кальтенбруннере,— признался спустя четыре месяца УЗ-13 американским офицерам,— была отнюдь не из легких. Шеф проявлял железную суровость».

Судя по всему, двойной агент УЗ-13, который в дальнейшем стал четверным, смог ускользнуть из цепких рук своего хозяина.

На следующий день, 11 августа, дюжина «конгрессменов» обосновалась в роскошном крыле первого этажа «Мезон руж». После четвертого допроса УЗ-13 признался офицерам Си-ай-си, что он участвовал в этой сверхсекретной встрече... Кальтенбруннер, по его словам, стремился поскорее уладить все дела. Он собрал в своих личных апартаментах людей, необходимых для завершения операции, которой он придавал такое большое значение. Помимо знаменитого оберштурмбаннфюрера, специалиста по акциям саботажа в VI отделе [2] здесь собрался цвет зарубежных агентов СД. Никто из них не имел отношения к Принц-Альбрехтштрассе [3]. Настоящие «коммивояжеры тьмы» (по выражению, бытовавшему среди американских следователей), каждый из этих людей имел свою «специальность». Один шантажировал знатных лиц и влиятельных банкиров многих стран — от Лихтенштейна до Аргентины; другие поддерживали связи с епископами, благосклонно относившимися к Муссолини, или с дружественно настроенными судовладельцами в Швеции. Были

---

[1] Эрнст Кальтенбруннер был повешен союзниками в ночь с 15 на 16 октября 1946 года. При одной из встреч с Отто Скорцени он доверил ему крайне секретные сведения о спрятанных сокровищах.

[2] VI (иностранный) отдел — один из самых крупных отделов РСХА, центр шпионажа и диверсий. Его возглавлял оберштурмбаннфюрер СС В. Шелленберг.— *Прим. ред.*

[3] Улица Берлина, где находилось гестапо — политическая полиция «третьего рейха».— *Прим. ред.*

среди них и моряки, поднаторевшие в подводных рейдах в Южной Атлантике. Многие из них должны были в ночь с пятницы на субботу вылететь в Испанию военным самолетом ДС-3, имевшим опознавательные знаки воздушных сил США.

Обожавший протокол и бюрократический порядок генерал начал с оглашения двух документов с пометкой «государственный секрет рейха», извлеченных из сейфа в его кабинете.

Первый документ, подписанный рейхсфюрером СС Гиммлером, предоставлял Кальтенбруннеру все полномочия для проведения технического совещания в самом западном городе «великого германского рейха», ближе всего находящемся к второму фронту. Это совещание собрало как специалистов «по борьбе против происков террористов» на территориях, еще контролируемых немецкими войсками, так и тех, кто должен был взять под контроль бельгийское и французское население во время планировавшего немецкого контрнаступления.

Короткий абзац в конце документа давал Кальтенбруннеру полную свободу действий для налаживания контактов со «специалистами по национал-социалистской контрпропаганде в странах Центральной Европы и на других континентах» [1].

Следующий официальный документ был за подписью Мартина Бормана. Очень лаконичный, он предписывал всем «добрым немцам», завербованным СС, каково бы ни было их официальное положение, оказывать всемерное содействие СД в ее «миссии проникновения на нейтральные или контролируемые противником территории». В документе не было никаких намеков на предстоящее «продвижение на Запад» военных сил Германии, но был упор на непреходящие ценности идеалов нацизма.

После этого Кальтенбруннер разрядил обстановку, воздав должное своему соседу справа; в ту же минуту ротенфюрер СС разнес бокалы шампанского.

— Выпьем,— провозгласил генерал,— за здоровье подполковника Отто Скорцени! Освободитель дуче является образцовым эсэсовцем, способным решить любую задачу в тылу врага. Нас восхищают его качества человека действия и дипломированного инженера, глубоко

---

[1] Агент УЗ-13 после ареста процитировал на память эти указания.

связанные с неугасимым идеалом национал-социализма. Вот в чем его секрет!

Кальтенбруннер вкрадчиво добавил:

— Оберштурмбаннфюрер Скорцени прибыл прямо со своего командного пункта в Раштадте, где он готовит три карательных отряда, которые покроют себя славой, когда наш фюрер направит их на Запад для реванша. В ожидании этого он готов помочь нам скоординировать планы, которые мы обсуждали во время сегодняшней встречи.

Лицом друг к другу, протянув бокалы поверх голов других участников, два гиганта с потными шеями напоминали побратавшихся сообщников, которым уготована одна и та же дьявольская судьба. Одинаково сложенные, с одинаковой сардонической улыбкой, усиливавшей их сходство из-за почти одинаковых шрамов и выдающихся вперед подбородков, с одинаковым австрийским акцентом, который проявлялся, как только разговор выходил за протокольные рамки.

Но было и различие: знаменитый Рыцарский крест, который в прошлом году Гитлер лично повесил на шею Скорцени. Серые глаза Кальтенбруннера, казалось, были прикованы к этому редчайшему знаку отличия.

То, что один закончит свои дни в 1946 году на виселице в Нюрнберге, а второй из двух гигантов умрет своей собственной смертью в 1976 году в Мадриде, опубликовав в Париже свои воспоминания, было просто следствием различных поворотов судьбы. В то время как Кальтенбруннер пришелся ко двору в коридорах Принц-Альбрехтштрассе, собирая досье и перфорированные карточки, Скорцени жил жизнью дикого зверя, постоянно готового убивать или обращаться в бегство. Жуткий список его трофеев, добытых весной 1944 года на территориях, примыкающих к Восточному фронту, лишний раз продемонстрировал садистские наклонности этого хищника в мундире эсэсовца.

Перечитывая протоколы допроса агента УЗ-13, автор этих строк отыщет последнее фото экс-обергруппенфюрера. Оно сделано летом 1946 года. Кальтенбруннер выглядит на нем похудевшим и растерянным, на нем мятый костюм. Два американских военных полицейских ведут его в зал Международного трибунала.

Пока же генерал полиции в Страсбуре излагает зло-

вещий план, обнажая перед собеседниками его тайные пружины:

— Главная цель, господа, намеченная рейхсфюрером СС, состоит в налаживании наших местных связей на территориях, которые немецкие войска собираются вскоре вырвать у врага. Я говорю о бельгийских и французских сторонниках нашего нового европейского порядка, которые остались по другую сторону линии фронта. В Бельгии отношение к англо-американцам вовсе не кажется благоприятным. В отчете, полученном на прошлой неделе [1], указывается, что «невероятные усилия англичан с целью разрушить наши базы вызвали явную враждебность по отношению к ним со стороны населения».

Прокашлявшись, генерал продолжал:

— Во Франции наши сторонники, наши самые искренние друзья... готовы объединиться и забыть традиционные раздоры. Как говорил мне лично наш шеф Гиммлер, они в ближайшее время будут гораздо полезнее этих подонков — политиканов и болтливых журналистов, которые сбежались сейчас в бывшее княжество Гогенцоллернов в надежде, что наши тайные боевые соединения и дивизии СС восстановят их на теплых местечках... Истинные друзья «третьего рейха», объединенные усилиями многочисленных агентов СД, имеющих приказ оставаться на местах, начнут действовать в нужный момент. Три карательных отряда, сформированных Отто Скорцени — «Юго-Запад», «Центр» и «Юго-Восток»,— в настоящее время проходят обучение для проведения этой акции, которая покажется генералу де Голлю эпидемией гражданской войны... Времена, когда рейх заигрывал со старым маршалом [2], решительно забыты. Доверие, которое мы оказали ополченцам Жозефа Дарнана, по-видимому, также весьма мало оправданно. Эти авантюристы пытались извлечь выгоду, вместо того чтобы служить нам. Мы заставим их шефов позабыть о себе, когда наденем на них эсэсовскую форму и отправим воевать в Карпаты...

Нагнувшись к человеку, сидевшему в глубине зала, Кальтенбруннер заключил:

---

[1] Этот отчет от 4 августа 1944 года был найден в немецких архивах после освобождения Бельгии. Он содержит довольно пессимистическую оценку положения бельгийских коллаборационистов, «преследуемых террористами».

[2] Имеется в виду Петен.— *Прим. ред.*

— Эта акция, как некоторые из вас уже знают, носит название план «Жанна», что имеет целью также подбодрить наших французских агентов. Лучшим знатоком этого дела является мой сотрудник, присутствующий здесь, говорящий на двух языках и имеющий два гражданства.

Человек с двумя паспортами, до сих пор молчавший, поспешно развязал тесемки толстой папки.

— Мой генерал,— сказал он,— мы контролируем положение в нескольких французских департаментах, в настоящее время руководимых комиссарами Свободной Франции или главарями прокоммунистических маки́. Эти департаменты за несколько часов могут перейти в руки наших «белых маки́».

Гости генерала Кальтенбруннера выслушали докладчика по плану «Жанна» лишь из вежливости. Они еще не знали, что их шеф возложил на функционера с эльзасским акцентом всю ответственность за проведение этой операции. Им было неизвестно также, что именно этот человек будет играть и уже играет роль весьма эффективного координатора операции «Рио» — акции гораздо более значительного размаха и продолжительности, чем план «Жанна».

Именно он будет говорить в течение трех часов перед агентами, созванными СД. Четыре месяца спустя ему придется говорить, и гораздо дольше, перед офицерами контрразведки генерала Эйзенхауэра... Этот человек еще в 1939 году упоминался в досье специальных гитлеровских служб под кодовым названием УЗ-13.

Поздно ночью Кальтенбруннер и УЗ-13 встретились с глазу на глаз в салоне на первом этаже... Прошуршали «мерседесы» местных шефов гестапо. На вокзале Страсбура локомотив специального поезда давно находился под парами, а расчеты зенитных орудий дремали на шероховатом полу платформ.

Рука генерала нервно теребила телефонную трубку из золоченой бронзы. Дела служебные в этот вечер переплелись с проблемами сугубо личного свойства. При этом если личные дела обстояли вполне прилично, то дела официальные крайне осложнились.

Наконец телефон зазвонил. Кальтенбруннер снял трубку, блестевшую в полутьме. Улыбка тронула его тонкие губы: графиня Гизела Весперон пожелала позвонить ему в столь необычное время...

Закончив разговор, генерал повернулся к УЗ-13. Он осведомился почти игриво:

— У вас есть какие-нибудь причины для беспокойства, мой дорогой Уриг? Осторожность ваших высказываний перед остальными могла бы меня встревожить. Разумеется, речь идет не о нашей слепой вере в операцию «Рио», а об одном из вариантов плана «Жанна».

Комиссар Манфред Уриг, чтобы выиграть время, медленно перелистывал документы в двух папках с печатью гестапо. В его душе боролись два чувства. Ему хотелось показать свои профессиональные качества, которые он находил выдающимися и которые действительно были таковыми, и одновременно избежать во что бы то ни стало опасности оказаться в форме полевой жандармерии в каком-нибудь закоулке Балкан.

Его глаза навыкате ничего не упустили из недавней встречи. Без всякого стеснения обергруппенфюрер хвастал тем, что лично разработал выводы по плану «Жанна». Между тем они полностью принадлежали ему, Уригу. Кроме того, заключительная часть речи Кальтенбруннера показалась ему хаотичной и напыщенной. Комиссар Уриг вспомнит об этом в январе, когда его будут допрашивать союзники:

— Основой нашей секретной акции, господа, будут деньги, и мы вложим максимум в мятежи, подготавливаемые в Бельгии и во Франции. Различные отделы центральной сужбы безопасности рейха открыли кредит на 60 миллионов фунтов стерлингов и 50 миллионов долларов, чтобы обеспечить успех плана «Жанна». Каким образом эти значительные суммы будут доставлены в Брюссель, Париж, Бордо и Марсель? Да они уже там! РСХА располагает почти неисчерпаемыми резервами некоторых валют либо имеет способы их раздобыть, что, в сущности, одно и то же. Наши коллеги Бернгард Крюгер и Фриц Швенд, имена которых вам по крайней мере известны, должны были принести извинения за свое отсутствие здесь именно потому, что занимались выполнением этой миссии. В течение нескольких месяцев они обменяли на крупных валютных биржах огромную сумму бумажных денег на золото и ценные бумаги, которые в свою очередь можно немедленно обратить в валюту, когда это потребуется. Правда, местные финансисты, к которым обращались

наши друзья, навязали им скандальный курс[1], но наши деньги как хлебы в Новом завете... Они воспроизводятся сами собой... Кроме того, эти операции, в рамках которых все посредники зарегистрированы с указанием членов их семей, адресов, обеспечивают нам целую плеяду будущих как добровольных, так и вынужденных сотрудников из числа зажиточных, находящихся вне подозрения и имеющих многочисленные связи людей. На первом этапе операции при поддержке наших друзей и агентов на оккупированной территории достаточно будет разыскать их, если в этот момент они будут скрываться, пригрозить им расправой или разоблачением и тем самым заставить их выступить на нашей стороне согласно нашим указаниям. Среди этих людей мы не забудем ни создателей Атлантического вала, ни промышленников, толпившихся у касс конторы Отто в Париже. Все их имена занесены в список на двадцати двух страницах, который находится у меня в портфеле. Так-то, господа.

Постучав ладонью по богато вышитой скатерти так сильно, что сдвинул исписанный цифрами блокнот Скорцени (под личиной наемника уже проглядывал бизнесмен), Кальтенбруннер заключил:

— У европейской буржуазии, сотрудничавшей с нами, есть один-единственный шанс: блистательная победа нашего фюрера. В противном случае они будут жить, преследуемые не угрызениями совести, а теми из нас, кто уцелеет. Хайль Гитлер!

Через три часа высокая фигура генерала, казалось, слегка обмякла в кресле. Комиссар Уриг счел, что наступил момент прямо ответить на его вопрос:

— В самом деле, мой генерал, многие детали меня беспокоят. В настоящий момент французы выжидают... Но через несколько дней, если наступление американцев будет продолжено, если наши противники произведут высадку в Провансе, по всей Франции начнутся неуправляемые волнения. Неуправляемые как для де Голля, так и для командования вермахта. Я хорошо знаю французов, я честно работал на них в захудалой конторе до 1937 года. Боюсь, что этой осенью влияние французских коммунистов намного возрастет. Перед такими противниками

[1] За фальшивые фунты стерлингов, которые переправлялись в Бейрут, Анкару и даже Макао в дипломатическом багаже нацистских пособников, выплачивалось около 40 процентов их нарицательной стоимости.

наши «белые маки» не продержатся больше нескольких дней.

— Господин комиссар,— ответил Кальтенбруннер с задумчивым видом,— я не собираюсь ставить вам в вину искренность ваших слов. Мне известна ваша храбрость в борьбе против «Красной капеллы». Слишком много сообщений накапливается каждый день у меня на столе, чтобы я не знал, что с коммунистической опасностью нужно бороться на двух фронтах. Разве рейхсляйтер Мартин Борман не предписал нам всем собраться в Страсбуре, чтобы придать, помимо военного, дополнительный размах, и прежде всего идеологический, нашим будущим планам? Что вы думаете по этому поводу, Уриг? Но прежде выпьем коньяку.

Комиссар, чьи пухлые щеки побледнели из-за напряжения последних часов, посмотрел в глаза своему шефу, прежде чем поставить все на карту. Ему показалось, что в серых глазах генерала, одетого во все черное, мелькнуло выражение искренности. Улыбаясь во весь рот и сверкая золотыми коронками, Уриг изложил некоторые свои соображения:

— Герр генерал, я полностью одобряю директиву, которая предписывает мне отдать приоритет операции «Рио» перед планом «Жанна». Как говорят, плохо, когда за деревьями не видят леса. Разумеется, эта директива должна рассматриваться как часть того, что приказывает нам наш обожаемый фюрер...

Генерал молча выразил свое одобрение. Его сотрудник прекрасно разгадал лицемерие совещания в отеле «Мезон руж», где под видом обсуждения актуальных вопросов был на деле разработан механизм рассеивания нацистов долговременного действия.

Угрюмый Кальтенбруннер ввалился в свой вагон-салон. УЗ-13, ответственный за план «Жанна», сопровождал генерала до платформы страсбурского вокзала. Уриг выиграл время, и это радовало его. Обергруппенфюрер приказал ему представить новый доклад к октябрю... Впереди достаточно времени, чтобы ловко состряпать сценарии.

Комиссар Уриг, генеральный инспектор регионального гестапо, решил немного передохнуть. Он отпустил своего шофера, который водил его служебный автомобиль «15 CU» и решил пройтись пешком до военной полиции. Он знал, что найдет там старого друга, который, как и он сам, любил хорошие сигареты и хорошее белое вино.

Глава IV

«Трилистник с четырьмя лепестками»

Прошло почти сорок лет, как закончилась война, но нацизм по-прежнему жив! Настоящий нацизм, о котором я не колеблясь могу сказать, что он держит себя в готовности...

Чтобы в этом убедиться, достаточно внимательно просматривать западную прессу. Она сообщает об этом весьма регулярно, но описывает все в сугубо информационном ключе, без выводов: факт следует за фактом, скандал за скандалом. Она замечает лишь отдельные следы свастики, тогда как перед нами снова огромный штандарт со свастикой.

Почти сорок лет минуло с тех пор, как разыгралась заключительная сцена национальной трагедии. Глубокой тайной окружена деятельность тех, кто находится за кулисами... После того как развеялись тучи пепла и дыма от снарядов, лишь немногие понимали, что нацизм не искоренен и еще живо чрево, способное плодить гадов. Поэтому их интересовали секретные перегруппировки преследуемых нацистов, их быстрые и удивительные перемещения. Каким образом в поверженной Германии тысячам гитлеровцев удалось проскользнуть сквозь сети, натянутые победителями? Как эти беглецы, не имевшие ни пристанища, ни документов, не знавшие иностранных языков, преследуемые правительствами большинства стран мира, сумели посмеяться над союзниками, заявившими задолго до высадки в Нормандии, что строго накажут фашистских злодеев?

Может быть, какие-то фантастические возможности создала для них перед своим крахом гитлеровская военная машина? Не укрылись ли они в знаменитом тирольском лабиринте? Факты заставляют отвергнуть эту гипотезу. Административный аппарат «третьего рейха» с апреля

1945 года оказался в стадии злокачественного заболевания. Его секреты становились известны разведывательным службам союзников, в том числе советским. Он разваливался на части. Что касается австрийского бастиона, о котором столько говорили, то это было нечто вроде западни, где крупные нацистские бонзы, словно обезумевшие хищники, пожирали друг друга. Западные разведслужбы, действуя неоперативно, упускали крупную добычу, вылавливая мелкую сошку.

В ночь на 7 мая 1945 года, вслед за сообщением о капитуляции вермахта, началась невероятная неразбериха. В войсках и штабах западных союзников, где отдали должное спиртному, наступило состояние расслабления. Оно коснулось как сотрудников специальных служб, так и простых часовых. «С какой стати вкалывать,— думали офицеры и солдаты,— когда Гитлер мертв, а его преемники капитулировали». Это всеобщее опьянение, длившееся целую неделю, позволило многим нацистским преступникам скрыться... В частности, Леон Дегрель на самолете с опознавательными знаками люфтваффе пролетел над головами миллионов захмелевших гуляк. Использовались и другие способы побега, даже лыжи в заснеженных горах Италии.

Мне же думается вот что. Речь идет о продуманной акции. Мое мнение подтверждается поисками, которые я веду почти сорок лет, а также предчувствием, которое я испытывал, сидя на трибуне для прессы на Нюрнбергском процессе. Я имею в виду хитрый механизм рассеивания, приведенный в действие задолго до того, как «третий рейх» был вынужден стать на колени. Этот механизм был разработан людьми из РСХА. Речь шла о плане эвакуации нацистов после военного поражения и об обеспечении условий для выживания нацизма в трудное для него время. План этот, составленный без ведома и участия Адольфа Гитлера, был тайно одобрен рейхсляйтером Мартином Борманом.

Не так ли поступают крысы, убегающие и вновь собирающиеся в стаи на значительном расстоянии от тех мест, где им грозит истребление? Однажды тучи крыс отдельными стаями покинули опустевший старый рынок Алль в центре Парижа и обосновались на новом загородном рынке Рюнжис.

В «Мезон руж» как раз и разрабатывался этот зловещий план — план рассеивания людей и капиталов.

Он чуть было не попал в руки Си-ай-си в мае 1945 года, всего несколько дней спустя после капитуляции Германии.

«Промах» разведслужб западных союзников частично объясняется недостаточной согласованностью их действий в оккупированной и разделенной на зоны Германии. Это — основное, но никогда не оглашавшееся объяснение поразительной неэффективности действий западных союзников в преследовании военных преступников и других видных нацистских беглецов начиная с июня 1945 года. Именно это я и хочу доказать на примере двойного агента, бесследно исчезнувшего среди руин южной Германии в тот самый момент, когда он был готов подтвердить реальность колоссального замысла, разработанного в «Мезон руж» в августе 1944 года, и передать десяток относившихся к делу досье.

Речь идет не о Кальтенбруннере, задержанном в Альтаусзе. Его повесили, но своего секрета он не выдал. Речь идет о его доверенном лице — Манфреде Уриге, человеке с кодовым обозначением УЗ-13.

В освобожденных районах Западной Европы готовились к рождеству — без карательных отрядов и без ненавистного грохота нацистских сапог. Этот день, 25 декабря 1944 года, должен был пройти в радостном возбуждении. Однако людей мучили тяжелые предчувствия: Гитлер предпринял контрнаступление! Вновь двинулись танки через Арденны. Они опрокинули передовые линии союзников, окружили американскую дивизию в бельгийском городке Бастонь. Фельдмаршал фон Рундштедт повел свои войска на Антверпен.

Для организации более плотной обороны командование западных союзных войск решило эвакуировать войска из некоторых отвоеванных районов, в частности из Страсбура. Этот план вызвал настоящую бурю. Де Голль категорически отказывался покинуть эльзасскую столицу.

Население, охваченное паникой, обратилось в бегство. Западные разведывательные службы столкнулись с террористическими акциями за линией фронта союзников: сюда уже проникли люди Скорцени и эсэсовские отряды, нагло действовавшие под прикрытием американской формы. Узнав о переодетых диверсантах, американ-

ские солдаты начали подозревать всех... С большим опозданием американская военная полиция принялась преследовать фашистских оборотней. Опрашивали буквально всех. На перекрестках грязных дорог полицейские останавливали джипы и комендантские машины. Задерживали даже полковников и генералов. Их отпускали, когда они запевали какую-нибудь типично американскую песенку или безошибочно перечисляли американских спортивных чемпионов. В это время дивизии Рундштедта, Мозеля и Мантейфеля продолжали двигаться вперед. Установившаяся плохая погода мешала взлетам авиации союзников. В Париже в отеле «Мажестик» союзники заняли место немцев. Телетайпы работали двадцать четыре часа в сутки, отстукивая плохие новости. Гражданское население было охвачено страхом перед возможным возвращением фашистов в столицу Франции. Кто-то писал на оградах и заборах лозунги, с которыми, казалось, было покончено навсегда: «Да здравствует Гитлер!» и другие.

Отель «Калифорния» на улице Берри был одним из тех, который снабжался американцами и функционировал почти нормально. В реквизированном здании, расположенном напротив отеля, капитан Си-ай-си Джордж Александер склонился над пишущей машинкой. Время от времени он поднимал глаза к карте фронта, где цветные флажки обозначали ход сражения в Арденнах, на которое немецкий генеральный штаб возлагал свои последние надежды. Веснушчатое лицо офицера было напряженным. Сверяясь с объемистым досье, он заканчивал информацию для полковника Макдаффа из отдела «G-2»: «Мы убеждены, что, если немецкие танки смогут форсировать Мёзу в районе Динана, целая армия саботажников, французских коллаборационистов, завербованных в войска СС, и парашютистов будет заброшена в наши тылы».

Капитан прикурил новую сигарету «Честерфилд» от предыдущей, когда один из его коллег вошел в комнату с чашкой дымящегося чая в руке. Ростом он был около двух метров. На голове пилотка. Широко улыбаясь, он поставил чашку на край стола и пододвинул табурет. Это был капитан Виктор де Гинзбург. Из внутреннего кармана мундира, сшитого под Эйзенхауэра, он вынул конверт, надписанный от руки.

— Еще одно анонимное послание,— сказал он,— на этот раз заслуживающее внимания.

Написанное изящным и несколько прерывистым почерком письмо было отправлено из Марселя 14 декабря 1944 года. Его автор утверждал, что принадлежит к партизанской группе франтирёров, вместе с которой успешно сражался с нацистами на юге Франции. Осуждая революционные настроения некоторых руководителей партизан, он испытывал серьезные опасения относительно ближайшего будущего освобожденной Франции. Этот пессимист, страхи которого решительно опровергло будущее, был весьма информированным человеком. Он сообщал своим «американским друзьям», «последним солдатам демократии», ценные сведения относительно перегруппировок бывших коллаборационистов. Правда, информатором был не он сам, а один из его родственников, бывший ополченец, спасший его от ареста; по отношению к нему он чувствовал себя обязанным. Такого рода переплетения часто возникали в то сложное время. Письмо содержало тревожные сведения о «пятой колонне», действовавшей на юге Франции.

— Я немедленно отправился в Марсель,— рассказывал мне капитан Александер.— После трудного объяснения с полковником Макдаффом и генералом из штаба Эйзенхауэра мы решили принять условия нашего таинственного корреспондента. Он потребовал у нас 300 золотых луидоров[1]. С помощью наших агентов мы могли бы легко установить его личность, но сочли более выгодным договориться с ним незамедлительно.

Специальный посланец Си-ай-си так и не встретился с анонимным информатором. Тем не менее в трех полученных одно за другим посланиях тот снабдил его, как говорится, «динамитом». Он, в частности, писал: «Еще не поздно предпринять необходимые меры для того, чтобы избежать взрывов в час Ж.», то есть по плану «Жанна».

В течение двух суток Си-ай-си смогла убедиться в исключительной ценности этих сведений, обнаружив десятки складов с оружием. Капитана интриговала одна деталь в документах, захваченных в лагере противника и подлежавших сожжению после прочтения: все шифрованные номера нацистских агентов начинались с буквы У.

Анонимный корреспондент утверждал, что шефа

[1] Луидор — старинная золотая французская монета.— *Прим. ред.*

агентов У следует искать в департаментах севера или востока. Еще одна деталь: этот таинственный шеф слегка прихрамывает. Не исключено, добавил он, что он бывший сотрудник французской полицейской службы безопасности.

Американец поморщился от досады, бросив письмо на стол.

— Черт возьми,— проворчал он,— это все равно что искать иголку в стоге сена!

Он налил себе двойное виски и залпом выпил. В это мгновение заработал телекс. Это было сообщение, посланное из Страсбура его другом, французским комендантом полковником Амбрози:

«... В ходе поспешной эвакуации из Страсбура немецких войск черный автомобиль с номерами немецкой администрации потерпел аварию перед мостом Кёль. Автомобиль врезался в столб, шофер погиб, а единственный пассажир потерял сознание, но он лишь легко ранен. Французская военная служба безопасности арестовала его».

Амбрози предлагал капитану Александеру немедленно прибыть в Страсбур...

У американца появилось ощущение, что союзникам в руки попала крупная дичь. Он налил себе еще стакан, предчувствуя удачу... Развернул большой платок и шумно высморкался. Этот декабрь в Париже был поистине тягостным. Целыми часами шел дождь со снегом, застилая окна.

Утром 29 декабря в Страсбуре капитан Александер толкнул дверь французской военной службы безопасности. Ее местное отделение располагалось на вилле в богатом квартале на Клотцштрассе, как именовала эту улицу немецкая табличка.

На первом этаже полковник Жан Амбрози тепло приветствовал американского офицера. Расследование показывало, что человек из потерпевшей аварию машины был не просто безвестным эльзасским служащим, работавшим, как многие другие, на рейх.

Со своей стороны военная служба в Меце вела расследование, пытаясь установить, не занимал ли этот человек важный пост в ЗИПО — в полиции безопасности фашистской Германии. Арестованный, судя по всему, вел образ жизни добропорядочного буржуа с женой и дочерью, в квартире из пяти комнат в старом районе Страсбура.

Основательно изучив его досье, капитан Александер убедился, что за спокойным поведением этого вроде бы заурядного служащего скрывается некая тайна.

Час спустя арестованного в наручниках доставили на первый этаж виллы. Александер сразу заметил, что арестованный хромал, но тщательно скрывал это. «Любопытное совпадение,— подумал он.— Не имеет ли тот же дефект неизвестный главарь нацистов, окопавшихся в освобожденной Франции?»

Александер обнаружил удивительное сходство арестованного с известным голливудским актером Сиднеем Гринстритом. Настоящий двойник! Он провел рукой по глазам. Раньше он был театральным агентом в Соединенных Штатах.

— Уточните еще раз ваши имя и фамилию,— сказал он.

На этом допросе, который велся на французском языке, человек тоже отвечал по-французски, но с едва заметным акцентом и растягивая слова.

— Уриг Манфред, родился в Страсбуре в 1893 году. Служил во французской полицейской службе безопасности, получил назначение в специальный отдел в 1939 году. С июля 1940 года вновь стал немцем.

Уриг напомнил о присоединении Эльзаса к рейху и привлечении к труду в принудительном порядке всех бывших французских служащих. Нет, он вовсе не сотрудничал с немцами, он лишь подчинялся приказам Берлина, как это делало старшее поколение в 1914—1918 годах. Французская судебная практика, напомнил он, учитывает это жестокое расчленение эльзасцев и не считает их предателями.

Американец слушал, стиснув зубы. На него с притворным добродушием смотрели близорукие глаза. Проглядывавший в них живой ум явно пытался скрыться за тяжелыми веками, подобно крабу, который зарывается в песок. Он заметно начал нервничать, когда спросили о его хромоте.

— Эта проклятая авария! Этот чертов мост Кёль! — пробормотал он, вытягивая ногу.

Во время первых трех допросов Уриг придерживался той же системы защиты. Между тем полковник Амбрози решил схитрить. Он поставил на стол коробку сигар и бутылку вина. Уриг прищелкнул языком, с наслаждением выпустил дым гаванской сигары из ноздрей своего кур-

носого носа и продолжал изрекать банальности, упрямо повторяя заведомую ложь.

Однажды утром в начале января ситуация круто переменилась. Не было больше ни вина, ни сигар. Офицер Си-ай-си был одет в теплую фуфайку, с рукавами, засученными до мощных предплечий. В этот день полковник Амбрози представил решающего свидетеля. Гарсон из кафе в «Мезон руж» заприметил хромого среди участников большого совещания эсэсовцев, организованного в августе Кальтенбруннером [1].

Положение арестованного оказалось затруднительным. Уриг понимал, что нелепо и дальше ломать комедию. Должен ли он замкнуться в полном молчании? Или отказаться от борьбы и выдать свои секреты союзникам? Неожиданно он потребовал сухим тоном:

— Принесите мне вина и что-нибудь покурить.

Очевидно, он пытался выиграть время.

— Хватит! Либо вы расскажете все, либо вас расстреляют,— твердо сказал американец.

— Мой капитан,— ответил Уриг с наигранной беспечностью, разглядывая свои ногти,— вы бредите. И вы перепутали роли! Если кто-нибудь здесь может угрожать, так это, конечно, я! Разве вы не знаете, что с минуты на минуту наши войска войдут в этот город?

Он притворно любезно улыбнулся и продолжал:

-- Если наше наступление пойдет такими темпами, может быть, мне удастся помочь вам провести в феврале отпуск на лыжах в Баварии. Ведь вы занимаетесь спортом, если я не ошибаюсь. Сразу после вашего ареста я смог бы обеспечить вам камеру с радио и душем...

Он склонился над столом, сладострастно запустил пальцы в коробку с сигарами и закурил. Как бы расслабившись, он стал рассуждать на разные темы: о французских женщинах, о своей страсти к бельканто, о веселых довоенных ночках в Страсбуре. Если ему задавали конкретный вопрос о деятельности СС или гестапо, он упорно повторял по-немецки одну и ту же фразу, которая, казалось, приводила его в хорошее настроение: «Пропаганда! Все пропаганда...»

---

[1] Важность этой встречи еще не была ясна разведслужбам союзников.

Доведенный до исступления капитан Александер в ярости оборвал его:

— Будьте серьезнее, Уриг! Перестаньте твердить, что вы ничего не знаете о плане «Жанна». Всякий раз, когда ваши террористы убивают американского солдата, это делается по вашему приказу. Вы — опасный враг, которого нужно уничтожить.

В течение двух ночных допросов с пристрастием американский офицер и французский полковник постепенно добивались своего, преодолевая упорное молчание Урига. Они имели дело с профессионалом, который стремился вести игру до конца.

Двойная игра развернулась в первые ночи января 1945 года. Она происходила на первом этаже реквизированной виллы на Клотцштрассе, но главные события произошли в Арденнах, где шло наступление Рундштедта. Прорыв нацистов и диверсии десантников Скорцени должны были со дня на день решить вопрос, кто завтра будет узником и кто кого будет допрашивать.

Уриг, сознававший исключительную важность поединка, оставался бесстрастным. Однажды вечером Амбрози включил радио. Французский диктор передавал последние новости с фронта, находящегося в 250 километрах: «Генеральное контрнаступление союзников, начавшееся 3 января, приносит свои плоды: на севере 1-я американская армия и 30-й британский корпус прорвали немецкую оборону. На западе 6-я авиадесантная — британский дивизион — и 8-й корпус американской армии при поддержке танкистов Паттона опрокинули танки генерала Мантейфеля. За три недели немецкие войска понесли потери в размере 100 тысяч человек, более 400 танков, 1392 самолета люфтваффе были сбиты союзниками...»

Американский капитан усилил громкость, повернув ручку до отказа. Уриг, внезапно обмякший в своем кресле, побледнел. Его волосатая рука, державшая только что взятую сигару, задрожала.

На настенном календаре значилось 9 января. Для комиссара из Страсбура это был конец его иллюзий. Страница истории была перевернута. И как знамение — серое, свинцовое небо за окном прояснилось.

Капитан проследил за взглядом Урига: «Вы видите, комиссар, даже небо, которое очищается, заодно с нами и с нашей авиацией. А теперь перейдем к серьезным вещам». Тыльной стороной ладони Александер сбросил

на пол бутылку с вином и коробку сигар. Поставив кресло напротив Урига, он спокойно произнес:

— За работу, герр комиссар!

Во время изнурительных ночных допросов Уриг как бы заново пережил перипетии другой встречи. Это было 28 октября прошлого года в Линдау на озере Бодензе. Тот четверг он никогда не забудет. Тогда состоялась его последняя встреча с Кальтенбруннером с глазу на глаз. Тогда генерал разоткровенничался и спрашивал совета у него, простого референта.

УЗ-13 испытывал после этого вечера скорее беспокойство и растерянность, нежели гордость. «После встречи в Линдау,— укажет он в своем признании,— я утратил веру в нацистский механизм, которым прежде так восхищался».

Триумфальный плебисцит в Сааре в 1935 году и оккупация Рейнской области в 1936 году привели в восторг этого эльзасца. Одно время он поддерживал хорошие отношения с абвером Канариса, не предавая, в сущности, интересов Франции. К своему несчастью, Уриг присутствовал в качестве зрителя на знаменитом конгрессе в Нюрнберге в 1938 году. С тех пор он числился среди подручных гестапо, занесенных в список фольксдойче. После 1940 года он стал доверенным человеком в одном из отделов РСХА, занимающихся изучением противника, шефом ЗИПО в Меце, затем комиссаром полиции в Страсбуре. Его двуличность и компетентность во многом способствовали разгрому местной организации «Красная капелла», целый ряд французских и бельгийских членов которой были арестованы благодаря его усилиям.

В тот день в Линдау Уриг казался озабоченным. Он говорил:

— Мой генерал, кое-что меня беспокоит. Информация Небе[1], все зашифрованные телеграммы Флиежа и Богра, которые руководят планом «Жанна» в районе Дижона, расшифровываются нашими противниками. Мы внедрили агентов, которые могут дезориентировать противника. Мои люди даже смогли наладить контакт с офицером американской контрразведки. Этот источник помог нам узнать, что портативные передатчики, уста-

[1] Комиссар Небе был заместителем шефа гестапо.

новленные в Марселе, Нанте и Дижоне, были обнаружены вместе с кодовыми таблицами! Мне становится все труднее связываться с У-15, У-21, У-33... и другими!

(Уриг обозначал своих агентов шифром, начинающимся с буквы «У» — начальной буквы своего имени.)

— Это поистине неожиданно, мой генерал,— продолжал он, выпуская столб едкого дыма от немецкой сигары.— В ведомстве генерала Донована и в Си-ай-си можно увидеть молодых офицеров, только что выпущенных из форта Брэгг и лагеря Ритчи, которые симпатизируют прокоммунистически настроенным партизанам. Эти янки зачастую европейского происхождения, а то и вовсе евреи. Они не уступают нашим специалистам. Некоторые из них работают в контакте с бывшим комиссаром полиции, корсиканцем по имени Амбрози.

Уриг вспомнил, при каких обстоятельствах он сообщил Кальтенбруннеру имя своего старого французского коллеги. Перед войной на одном из конгрессов он с интересом слушал доклад Амбрози [1] о международных объединениях по торговле наркотиками. Это был его конек. К счастью для безвестного эльзасца, который уже тогда принадлежал к «пятой колонне», в памяти Амбрози не запечатлелись черты Урига. Позднее, в 1943 году, сотрудник парижского СД сообщил ему, как он шел по следу французского комиссара, участника Сопротивления, который собирался тайно пересечь Пиренеи, направляясь в Алжир. Уриг не знал, что в августе 1944 года в Марселе, куда джипы союзников ворвались на неделю раньше, комиссар Амбрози схватил некоего Лапьера, известного под кличкой Пьеро. Тщательно обработанный корсиканцем, Пьеро быстро «раскололся». Он был важным звеном в цепи, разрыв которой мог сорвать план «Жанна», задуманный противником.

Уриг запустил свою волосатую руку в досье и вытащил лист очень тонкой зеленой бумаги с напечатанным текстом:

— Вот уточненные данные на американского офицера, которого я считаю одним из самых опасных противников: рост 179 см, светло-рыжий, из Нью-Йорка, владеет французским и немецким так же свободно, как и родным языком. Ему 27 лет, капитан Си-ай-си, имя —

[1] Позднее служил в Марселе, а затем в Ницце. Жан Амбрози умер в 1975 году. Он любезно предоставил ценные сведения автору книги.

Джордж Александер. Его методы работы весьма эффективны.

— Другие подробности, пожалуйста, Уриг. Вы знаете, как я стремлюсь узнать личные особенности наших самых опасных врагов.

— Сейчас посмотрим... А, вот: выпускник 1942 года лагеря Ритчи, вошел в десятку лучших. Чемпион по джиу-джитсу. У него есть дядя в Париже, отнюдь не образец добродетели. Он ввел его в круг дельцов черного рынка, где мы вербуем при помощи шантажа многочисленных информаторов. Весьма любопытная личность.

— Казнить обоих! — спокойно распорядился Кальтенбруннер.

Остаток ночи, проведенный под завывание ледяного северного ветра, дувшего с гор, шеф РСХА вместе со своим подчиненным разбирал досье операции «Рио». Его голос удивительно потеплел. Он одобрил все предложения своего «друга Манфреда» без единого замечания.

Немногим более двух месяцев спустя ситуация резко изменилась. Комиссар Уриг, сидя в зале виллы в Страсбуре, отвечал на вопросы своего врага, того самого американского офицера, которого Кальтенбруннер приказал казнить...

— Каковы были знаменитые семь предписаний, одобренных СС в отеле «Мезон руж»?

Лицо капитана Джорджа Александера, задавшего вопрос резким тоном, казалось, было высечено из камня. Даже веснушки знаменитого «рыжего» из парижского отделения Си-ай-си побледнели за три бессонные ночи.

Испепеляющий взгляд голубых глаз устремлен на Урига, бормочущего:

— Что ж, пора заключать с вами сделку. Вы слишком много знаете. Обергруппенфюрер Кальтенбруннер действительно продиктовал нам поручение из семи пунктов...

Покрасневшие от усталости глаза даже не моргнули. Но внутренне Александер ликовал. Он рискнул — и выиграл. Старое воспоминание о генерале из лагеря Ритчи, вновь встреченном им в штабе Эль-Биара в Алжире, который всегда семикратно дублировал любое распоряжение, позволило ему наконец «взять на пушку» своего пленника!

Перед тем как «расколоться», Уриг потребовал разрешить ему самому повертеть ручку радиоприемника. Приемник, снабженный множеством хромированных ручек, повторил ему по-французски, а затем по-английски ранее передававшиеся новости. Он передвинул рычажок, убедившись, что его не разыграли при помощи новой американской системы записи на магнитофонную ленту.

— После этого он сразу же перешел в другой лагерь. Это был дальновидный человек,— скажет мне гораздо позднее Джордж Александер. Он поведает о том, что составление протокола допроса этого обвиняемого-свидетеля будет длиться восемь часов без перерыва. Связи комиссара Урига вели в самый центр СС — к Гиммлеру, Кальтенбруннеру и Мюллеру.

Уриг охотно и подробно рассказал, как он работал с Мюллером во время уничтожения «Красной капеллы» на французской и бельгийской территориях. Он чувствовал, что ему нечего больше терять и что единственный шанс спасти шкуру — предложить свои услуги американцам. Поэтому он раскрыл полностью план действий в операции «Жанна», помог расшифровать некоторые донесения, ключ к которым не был известен Си-ай-си, и выдал новый секретный код, используемый командованием СС. Продемонстрировав колоссальную память, он полностью восстановил целые списки с именами своих агентов, сожженные перед его бегством в Германию. Он смог даже восстановить тексты некоторых директив Гиммлера и Кальтенбруннера, в частности по поводу тайных сборищ в отеле «Мезон руж».

На настенной карте с помощью разноцветных булавок этот доверенный Кальтенбруннера раскрыл основную секретную схему плана «Жанна»: командные пункты «белых маки́», места диверсий на дорогах или железнодорожных путях, зоны высадки парашютистов в форме американских воздушных десантников в ходе операции «Грифон» [1]. Нищая Шампань между Майи и Сюип с выгонами для овец и район Жерардмер с его пастбищами были быстро утыканы красными точками. Меньше всего их оказалось вблизи дороги Париж — Мюлуз.

— Личная идея оберштурмбаннфюрера Скорцени,— уточнил Уриг.— Лес окружает фамильное поместье гене-

[1] Эта операция была так названа Скорцени по имени мифической птицы с орлиным клювом и телом льва. Грифонов называли «собаками Зевса», которые стерегли золото.

рала де Голля в Коломбэ. Этот район нет смысла контролировать.

Зеленые точки на карте указывали места встречи, намеченные Скорцени, между моторизованным авангардом операции «Грифон» и мобильными отрядами саботажников, которым люди из СД сбрасывали с самолетов пачки бумажных денег, не зная, что представляет собой их организация и какую помощь она может оказать в ходе операции.

Чтобы угодить Си-ай-си, Уриг поставил под протоколом допроса свою подпись и выразил готовность отныне сотрудничать с американской разведкой. Короче говоря, УЗ-13 становился первым перевербованным агентом Си-ай-си. Ему оставалось пройти ускоренную подготовку, освоить новейшую технику, изобретенную за океаном. Его честность? Его гарантии? Они казались безусловными, поскольку вывернутый наизнанку, как перчатка, эсэсовец знал, что его жизнь немного стоила бы в глазах его прежних хозяев, если бы они узнали о его признаниях.

Почуяв возможность спасти свою шкуру, эльзасский агент рассказал даже больше, чем от него требовали. От плана «Жанна» он мало-помалу перешел к плану «Рио», который вначале не интересовал следователей, ставших к тому времени его собеседниками. Лицемерная роль Кальтенбруннера на переговорах во дворце в Страсбуре, его стремление обеспечить нацистам безбедное будущее, намерения нацистских сановников сохранить идеалы национал-социализма и жизнь сотен его нынешних руководителей — все это накануне форсирования Рейна войсками союзников казалось просто нелепым. «На какое-то мгновение,— расскажет мне позднее капитан Александер,— мы подумали, что рассудок Урига помутился. Перенеситесь мысленно в ту эпоху, когда у нас была единственная цель: арест Гитлера и уничтожение его армии — перспектива, ради которой столько наших лучших товарищей пожертвовали жизнью. Поэтому ничтожные проекты некоторых нацистских главарей на случай их поражения казались нам незначительной ерундой. Вскоре, к счастью, мы образумились».

Тем временем Уриг, этот человек, не вписывавшийся в обычные рамки РСХА, задал своим новым хозяевам еще много других головоломок.

К февралю 1945 года гитлеровская Германия оказалась в катастрофическом положении: пилоты авиации союзников разрушали и уничтожали заводы, сортировочные станции, склады боеприпасов и целые города.

Военно-воздушные силы были уже не в состоянии защищать жизненно важные промышленные центры рейха. Машины еще продолжали работать среди обломков, но гражданское население охватывало безысходное отчаяние.

В окружении фюрера многие цеплялись за слабую надежду, которая для некоторых стала навязчивой идеей: они уповали на поворот в позиции западных союзников, которых советское наступление в Центральной Европе, по их расчетам, должно было повернуть против Сталина. В этом случае англосаксы оказали бы вооруженную помощь вермахту в «крестовом походе» христианского Запада против большевиков. Даже Гиммлер позволял себе высказывать такую «уверенность» в узком кругу. Некоторые его агенты в Анкаре, Мадриде или Берне, где находился знаменитый Аллен Даллес, уверяли его в том, что установлены тесные отношения с англо-американской стороной. Он не сомневался, что главные козыри еще будут пущены в ход...

Самовлюбленный, считавший себя без всяких на то оснований лучшим политическим экспертом, заурядный рейхсфюрер СС строил планы на песке. Почему он так поступал? Он, очевидно, не знал о всех интригах команды Кальтенбруннера. По мнению Урига, до него дошло лишь краткое изложение плана «Рио». Он одобрил предосторожность, которую международные переговоры должны, по его мнению, вскоре сделать излишней.

Изменение позиции союзников, думал он, скоро сыграет более эффективную роль, чем эти сомнительные планы спасения.

Достигнув политических вершин, бывший специалист по разведению кур отказывался принять во внимание другие крайне тяжелые варианты. Пока же он занимался укреплением СС.

15 февраля 1945 года целым рядом драконовских декретов СС было приказано взять на себя гражданское и военное управление рейхом. Немцы все до единого должны бороться до конца. Колеблющиеся? Их вешали. Дезертиры? Их расстреливали. Офицеры, которые сдавались? Их приговаривали к смерти заочно. Радио Бер-

лина объявило, что армии союзников вторгнутся в обугленную пустыню и будут продвигаться по горам трупов.

Последним прибежищем для «непреклонных» из полуразрушенного во время бомбардировок здания на Принц-Альбрехтштрассе оставался «тирольский приют». Между массивами Тотесгебирге и Холленгебирге (Мертвыми и Адскими горами), как они надеялись, должна была развернуться последняя, решающая битва. Это был их последний шанс. В то время как оставшиеся полки СС уничтожались массированными ударами советских танков на Одере и танков Шермана на Эльбе, главари СС приказали строить бункеры, дороги к высокогорным пастбищам, даже выдалбливать коридоры в ледниках.

Этот лихорадочный период закончился грандиозным фиаско. «Тирольский бастион» оказался западней.

План, задуманный в конце января 1945 года сотрудниками Си-ай-си, был дерзким; намечалось заслать Урига к его бывшим хозяевам. По возвращении в РСХА он должен был объяснить, что американцы «организовали» его побег и даже установили несколько миниатюрных радиопередатчиков между каблуком и супинатором ботинка для его искривленной ступни.

Миссия перевербованного агента состояла в передаче Си-ай-си военных, политических и промышленных сведений через Швейцарию. Три «почтовых ящика» были установлены в Шаффхаузене, Санкт-Галлене и Винтертуре. Уриг должен был предложить немцам выдавать союзникам незначительную информацию. Взамен он получал бы «в интересах СС» истинные сведения, поскольку он утверждал бы, что завербовал офицера американской разведслужбы, на чье имя должен быть открыт кодовый счет в цюрихском банке. Поскольку деньги на эти цели не могли поступать со счетов СС в швейцарских банках, они должны были переводиться из нейтральной страны, например из Швеции.

Среди вопросов, на которые в первую очередь готовился ответить новый агент Си-ай-си, были следующие: какова стадия подготовки германской атомной бомбы? Кто из эсэсовцев назначен вместо людей из абвера Канариса для работы во Франции, Бельгии, Голландии и Дании? В какой стадии находился проект «Манхэттен», разработанный в 1943 году и предусматривавший

производство ракет «Фау-5», способных достигать Восточного побережья Соединенных Штатов?

Команда Си-ай-си, которой нельзя было отказать в хитроумии, смогла обелить Урига в глазах Кальтенбруннера, передав ему через одного из своих французских сотрудников [1], которого ожидал расстрел, написанную карандашом записку, в которой тот «сознавался» в выдаче союзникам всех сведений по плану «Жанна», касающихся как Франции, так и Бельгии.

Со своей стороны агент УЗ-13 потребовал гарантий на случай, если его игра будет раскрыта нацистами. Уже сам факт многочисленных арестов внутри сети «Жанна» мог насторожить РСХА. Капитан Александер торжественно обещал ему хранить «наготове» досье, которое будет обнародовано, «в случае, если...». В нем содержались служебные материалы за подписью Гиммлера или Кальтенбруннера, компрометирующие высший эшелон СС; приказы о казнях гражданских и военных лиц в Германии; планы геноцида на оккупированных территориях. Документ, особенно неприятный для Кальтенбруннера, санкционировал массовое уничтожение американских пленных. Многие из этих материалов будут позднее представлены обвинением на процессе в Нюрнберге.

Однажды ночью в середине февраля 1945 года, когда снежная буря обрушилась на деревушки в горах Юра, капитан Александер привез перевербованного агента на своем джипе к местечку Делле, пограничному швейцарскому посту. Контроль на границе прошел нормально. У Урига был испанский паспорт с транзитной швейцарской визой. «Бизнесмен из Мадрида» нес маленький чемодан, в котором, кроме личных вещей, было несколько бутылок вина и коробка гаванских сигар. Через агента СД, обосновавшегося в Берне, Уриг дал знать о возвращении «блудного сына» РСХА.

Его задержание гестапо должно было произойти на германо-швейцарской границе в окрестностях Крезлингена. В бараке, увенчанном флагом со свастикой, Уриг получил новые инструкции РСХА. Кальтенбруннер назначил его шефом полиции в Констанце и координатором плана «Рио» с неограниченными полномочиями в

---

[1] Некоего Тонина, работавшего весьма эффективно в 1943—1944 годах в Париже и согласившегося сыграть эту роль в надежде на помилование, которого, однако, не последовало.

Баден-Вюртемберге. Оттуда он мог организовывать убежище для людей из СД, создавать новую сеть и присматривать за движением к «тирольскому бастиону» уцелевших нацистов.

Кальтенбруннера за несколько дней до разгрома можно было часто видеть в машине-амфибии между Бад-Ишлем и Эбензе, в горах Тотесгебирге и Миттендорф, в окружении трех офицеров СС. Его лицо осунулось. Он возвратился к себе на родину, в Австрию. Именно здесь он часами обсуждал со своим соотечественником Отто Скорцени неразрешимые проблемы, обострявшиеся с каждым днем. Скорцени собрал около 1500 эсэсовцев и парашютистов, которых разместил у окрестных крестьян.

Страна была переполнена крупными нацистами. Брошенные на произвол судьбы, они назначали друг другу свидания в «альпийской крепости». Прильнув к радиоприемникам, они обсуждали каждую новость, которая тут же проходила цензуру, размножалась и передавалась дальше. Ротационная машина в разобранном виде была отправлена в Бад-Аусзе.

В конце апреля стало известно о соединении на Эльбе советских и американских войск, которые, вместо того, чтобы истреблять друг друга, как это предсказывал Геббельс, сердечно братались. Даже в «альпийском приюте» стало очевидно, что «тысячелетний рейх» перестал существовать.

Один из центров по изготовлению фальшивых удостоверений и паспортов работал в Бад-Аусзе, другой — в Лауфене. Ценнейшие картины великих мастеров были упрятаны в соляной шахте близ Аусзе. В другой шахте, на расстоянии нескольких километров, находились слитки золота, золотые монеты, драгоценности.

Фальшивые документы были заготовлены для Мюллера и Гиммлера. Удостоверение последнего было выписано на имя сержанта Генриха Гитцингера. Кальтенбруннер стал Артуром Шейдлером, мелким коммерсантом. Согласно достоверным источникам, именно под этим именем Кальтенбруннер хранил 2 277 625 рейхсмарок, или, точнее, их эквивалент в иностранной валюте. Именно лаборатория по изготовлению фальшивых документов в Лауфене превратила «бухгалтера геноцида» Адольфа Эйхмана в Адольфа Барта. Сотни эсэсовцев, разыскиваемых службами союзников, были снабжены

фальшивыми документами, продовольственными карточками, поддельными свидетельствами о рождении и документами, подтверждающими, что они только что вышли из нацистского концлагеря.

Хирурги СС, недавние убийцы в лагерях, теперь работали в госпиталях, осуществляя пластические операции, изменявшие облик некоторых эсэсовцев, чьи черты были слишком хорошо известны. Очевидец рассказывал двадцать лет спустя, что медики СС впервые в своей жизни во множестве производили операции по обрезанию, особенно в мае 1945 года. Дело в том, что многие из известных эсэсовцев собирались выдавать себя за евреев, преследовавшихся нацизмом.

Воскрешая передо мной эту пору крушения рейха, Джордж Александер задумчиво говорил:

— Человеком, который одно время осуществлял связь между «тирольским приютом» и штабом Гиммлера и оказался вблизи командного пункта гросс-адмирала Дёница во Фленсбурге, был наш «друг» Уриг. Хотя Кальтенбруннер и держал рот на замке вплоть до виселицы, одна из его секретарш рассказала все, что знала. Правда, она знала лишь некоего Манфреда, неприметного субъекта с седыми висками.

— Почему об Уриге не было упомянуто на Нюрнбергском процессе?

— Успокойтесь. Множество секретов, раскрытых эльзасцем, послужили основанием для осуждения его бывших шефов. Что касается оглашения его имени, это было бы большой ошибкой. Си-ай-си прилагала все усилия, чтобы скрыть личность некоторых двойных агентов от представителей союзников, которые выступали обвинителями в Нюрнберге.

— Не был ли он убит другим беглым нацистом?

— Вполне возможно. Во время допросов УЗ-13 подчеркивал, что опасается некоторых своих личных врагов из РСХА. Речь шла, в частности, о Вильгельме Ванеке, внезапно произведенном в шефы VI отдела главного имперского управления безопасности. «Карьерист,— повторял Уриг,— настоящий мерзавец...» Однако не следует слишком злословить об этом тощем и страдающем диспепсией человеке сорока шести лет. Его присутствие среди непосредственных шефов УЗ-13 в значительной сте-

пени помогло нам заполучить агента крупного масштаба.

Мне пришлось долго беседовать с американским офицером, чтобы распутать клубок вокруг Урига и понять, каковы были секретные данные, переданные союзникам этим исключительно ценным агентом в течение девяти последних недель войны на Западе. Мне не показали ни одного документа, касающегося этого периода. Досье Урига находится в сейфе в Вашингтоне. «На всякий случай»,— сказали мне.

В качестве шефа секретных служб в Баден-Вюртемберге Уриг организовал эвакуацию людей и имущества НСДАП в направлении Брегенца и «альпийского приюта». Несколько раз он передавал длинные сообщения, напечатанные на машинке. Вместо подписи на них был изображен трилистник с четырьмя лепестками. Капитан Александер получал их через почтовый ящик в Шаффхаузене.

Когда бронемашины генерала Леклерка появились вблизи Бодензе, Уриг покинул префектуру Констанцы на зеленом «адлере» с откидывающимся верхом. На всякий случай он сам сообщил об этой детали в письме, опущенном в швейцарский почтовый ящик Си-ай-си. У него был доверенный человек из числа немногих курьеров ЗИПО, имевших разрешение регулярно пересекать швейцарскую границу.

Именно Уриг передал американцам — капитан Александер признал это — информацию, согласно которой РСХА затопила ящики с золотыми слитками в водах озера Алтаусзе (они были извлечены оттуда американскими солдатами в конце мая 1945 года и направлены в США). Он обещал также сообщить о судьбе наличности, оставшейся от 30 миллионов фальшивых фунтов стерлингов, изготовленных нацистами. Американцы непременно хотели заполучить эти деньги, великолепно подделанные под руководством штурмбанфюрера Бернгарда Крюгера, чтобы с их помощью поддержать расшатанную экономику Великобритании. Это выгоднее, чем платить настоящие доллары.

В то же время в почтовом ящике в Шаффхаузене так и не появились копии плана «Рио», дважды обещанные

«Трилистником с четырьмя лепестками». Что произошло с ним 30 апреля 1945 года в районе Санкт-Антон в Австрии? Был ли зеленый «адлер» арестован Вильгельмом Ванеком? По имеющимся сведениям, именно в это время Кальтенбруннер дал большую власть этому зловещему оберштурмбаннфюреру, заклятому врагу Урига...

13 мая 1945 года, ранним утром, чисто выбритый человек, одетый в серый костюм и слегка прихрамывающий, явился в бюро французской военной службы безопасности во Фрайбурге. Он потребовал, чтобы его немедленно доставили в американский отдел «G-2» в Аугсбурге. Едва проснувшийся дежурный сержант выслушал человека, хорошо говорившего по-французски, но с легким немецким акцентом. Пришедший отказался от объяснений. Он настаивал на том, чтобы его немедленно отправили в американский штаб. «То, что я должен передать в Си-ай-си, является срочным и чрезвычайно важным»,— сказал он. Лейтенант французской военной службы безопасности, вызванный сержантом, ответил незнакомцу, близорукие глаза которого покраснели от бессонницы и чьи документы показались ему сомнительными, что тому следует пройти всю установленную процедуру.

Бюрократическая волокита длилась пять дней: то плохо работал телефон, то отсутствовал офицер, ответственный за связь. С опозданием на неделю капитан Александер, который все еще находился в Баварии, получил из штаба генерала Патча рекомендацию немедлено связаться с французской военной службой безопасности во Фрайбурге. Слишком поздно! Уриг исчез, а вместе с ним и сведения, необходимые союзникам для разоблачения почти трех сотен разыскиваемых военных преступников.

Уриг, этот самый необычный и наиболее противоречивый двойной агент времен второй мировой войны, исчез в майском хаосе 1945 года. Судя по всему, у бывшего комиссара в Страсбуре было достаточно врагов как среди участников французского Сопротивления, так и среди его собственных коллег в СС, чтобы исчезнуть, не оставив никакого следа.

До сего времени остается загадкой личность человека, унесшего с собой досье с планом «Рио».

Глава V

Освобожденная Польша и головорезы из «Мертвой головы»

В этой главе, посвященной 1945—1947 годам, я хочу познакомить читателя с «вервольфами» («оборотнями») СС, действовавшими в освобожденной Польше. Их поддерживали те, кто занимал высокое положение в вооруженных силах Соединенных Штатов.

...Эта история длилась несколько месяцев. Она заслуживает того, чтобы ею всерьез занялась официальная комиссия. Работы ей хватило бы по горло. Я же расскажу об удивительном журналистском приключении, не скрывая своих чувств к мозговому тресту, обслуживавшему бывшего торговца носками, который неожиданно стал преемником великого Франклина Д. Рузвельта.

Это было осенью 1946 года. Вместе с коллегами, французами и американцами, я проводил время в поездках между Баден-Баденом и Франкфуртом. По Германии, разделенной на оккупационные зоны, разносился запах пепла и тления, запах разоренных городов и человеческих боен — Дахау, Бухенвальда. Нам, уцелевшим свидетелям, казалось, что мы во вселенной кошмара. Офицеры Спай-сп и французских служб безопасности присоединялись к нам после окончания рабочего дня. Все мы занимались одним делом, преследовали одну цель и нередко расспрашивали одних и тех же людей.

Гостиница «Сансет инн» па шоссе Франкфурт — Гейдельберг была одним из мест наших встреч. Я вспоминаю те туманные вечера, когда мы добирались почти вслепую до этого маленького теплого очага, где царило дружелюбие. Нам хотелось забыть уродливо торчавшие стены, каркасы уничтоженных заводов и машин. Мы ориентировались по ним, словно по дорожным знакам. За бутылкой виски мы мечтали о лучшем мире и справедливом будущем,

свободном от демонов в касках. Самые разные посетители теснились у столов из светлого дерева: офицеры британских десантных войск, французские военнослужащие из Африки, американские солдаты с Гавайских островов.

Кем мы себя чувствовали: актерами, зрителями, победителями?

Мой друг офицер Брайан, следователь из Си-ай-си, неизменно говорил мне: «Мы — охотники за тенями...»

Однажды вечером, несмотря на то что мы обильно запивали сосиски белым мозельским вином, он оставался мрачным.

— Каждый день,— продолжал он,— к нам поступают неприятные новости. Нацисты, которых мы преследуем, находят друг друга, объединяются и ускользают из наших рук. Я, естественно, не говорю о важных персонах, исчезнувших прошлой зимой. Речь идет о более мелких сошках из НСДАП, среди которых полно эсэсовцев, о втором поколении «вервольфов», подготовленных лучше, чем первое. И здесь, как в природе: сначала ручейки, а затем потоки...

Я ответил с некоторой недоверчивостью:

— Твой поток грязной нацистской воды должен в конце концов куда-нибудь впадать. Таков закон природы.

Приподняв очки в золотой оправе, Брайан, в прошлом профессор физики в Вермонте, сказал не без назидательности:

— Ты забыл о каналах, прорытых людьми? Увы, эти каналы существуют. Они ведут наших оборотней на восток, к границам земель, где говорят по-польски, и еще дальше... Эта миграция поощряется некоторыми военными, носящими нашу форму. Это неслыханная афера, которая выходит за рамки моей компетенции; она касается исключительно высших чинов из отдела «G-2». Ею занимаются какие-то полковники, только что прибывшие в Германию. На их мундирах нет никаких наград.— Брайан овладел собой и закончил: — Я не хочу нарушать правил военной иерархии. Это непросто. Но почему бы тебе, удачливому журналисту, не побывать за пределами Берлина?..

Гнусный эпизод заставил меня забыть об этом разговоре. На следующий день, заблудившись в пригороде

Дармштадта и спасаясь от проливного дождя, я заскочил в первую попавшуюся пивную, которая уцелела под бомбежками. Как и всюду, завсегдатаи и здесь с унылым видом тянули из кружек некрепкое пиво. За пять сигарет и плитку шоколада мне предложили в этой пивной жилье и стол.

Принесли единственное имевшееся блюдо: кусок телятины с брюквой и половиной картофелины. Первый же проглоченный кусок вызвал тошноту. Мясо, которого в то время вообще не было в немецких магазинах, имело неприятный сладковатый привкус. Коричневый мучной соус не устранял его.

Безумная догадка пришла в голову. Я завернул кусок мяса в два слоя газеты, отодвинул тарелку и натянул куртку. Сверток я передал на ближайший пост военной полиции. Через несколько часов анализ, сделанный военным врачом, подтвердил мое ужасное подозрение: то было... человеческое мясо.

Поломка джипа по дороге в Мюнхен помешала мне узнать результаты этого дела. Существовала ли около Дармштадта скотобойня, где убивали людей? Беспризорных детей или помешанных? Или, быть может, истоки ужасной торговли в морге гражданской больницы? В то время в Германии умирали так легко... Честно говоря, мое открытие не произвело большого шума. Каннибализм и раньше бывал среди повергнутого войной населения.

«Вервольфы» — весной и летом прошлого года это слово волновало генеральные штабы союзников. Организация саботажников и диверсантов, созданная фюрером накануне гибели, должна была действовать в руинах больших городов, по окраинам лесов, вдоль крупных дорог. Время от времени находили трупы то американского солдата, то англичанина, то француза, убитых холодным оружием.

Одичавшие головорезы совершали различные диверсии и террористические акты. 25 апреля 1945 года во Фленсбурге гросс-адмирал Дёниц выступил с таким призывом: «Продолжим войну с Советами, будем сражаться на восточных границах». То была иллюзорная надежда на то, что гитлеровцы в конце концов смогут сформировать «капитуляционное правительство», которое будет признано Лондоном и Вашингтоном.

Действия фашистских диверсантов усилились летом 1946 года на границе по Одеру — Нейсе. Они пытались

разжечь конфликт между различными нациями, натравить немцев на славян, перессорить самих славян, всячески провоцируя раздоры между ними. Новому «Вервольфу» нужны были главари. С этой целью, как я выяснил, был найден обергруппенфюрер СС Пруцман. Им нужна была моральная и материальная поддержка — и они ее обрели... в американской оккупационной зоне.

По отдельным деталям осенью 1945 года я восстановил досье «Белой армии освобождения», призванной создать видимость «революционной борьбы» между советскими и союзными оккупационными войсками. Померания, Силезия, Прибалтийские страны и вся Польша — такова была огромная территория, где «Белая армия» намеревалась развернуть свои операции. От Одера до Вислы и от Днепра до Немана возникали бандитские группки. Сами их названия были пропитаны духом реванша: «Дракон», «Вепрь», «Бизон». Мрачные символы германской мифологии.

Вливаясь в ряды «Белой армии», банды украинских националистов захватили некоторые укрепленные пункты в Карпатах. Настроенные злобно антисоветски и антипольски, они вошли в союз с войсками СС и вместе с ними распевали гимн НСДАП.

Эти диверсанты, заросшие рыжей щетиной, одетые в зеленоватую форму и в каски немецких пехотинцев, спали в вырытых немцами при отступлении траншеях, закутавшись в кожухи и полушубки из овчины, украденные у польских крестьян, или в грязные шинели вермахта. Они наводили страх на крестьян, зверски убивали уполномоченных нового варшавского правительства, пускали под откос советские эшелоны и грабили кооперативные склады. Рассредоточиваясь группами в 100—200 человек на обширных пространствах, они некоторое время оставались неуловимыми. Было совершенно очевидно, что «вервольфы» подчинялись четким директивам, имели постоянную связь с подвижными командными пунктами, а их действия координировались по радио.

В их распоряжении были передатчики новейшего образца, изготовленные в Детройте, США.

Сначала я не хотел принимать все это всерьез. Однако в Мюнхене полковник американского генерального штаба, крепко подвыпив, выболтал мне секрет.

— Журналист, который, подобно вам, идет в гору,— сказал он,— должен воздерживаться от некоторых сюже-

тов, затрагивающих высшие государственные интересы. Мы накануне войны между бывшими союзниками! Ваши собратья приняли навязанный им обет молчания. Мне ничего не стоит признаться вам, хотя я в любой момент могу это опровергнуть с помощью пресс-конференции, что именно мы содержим эту «Белую армию», которая дорого обходится наивным американским налогоплательщикам... Руководство ею осуществляется из буржуазного особняка в Пуллахе, в Баварии. Мы периодически снабжаем ее оружием — успокойтесь, германского производства, взятого в качестве трофеев,— а также луидорами, советскими рублями. Что касается радиопередатчиков, мы вынуждены использовать наши собственные, лучшие в мире.

— Как зовут вашего «человека на все руки» из Пуллаха?

— Он был лучшим специалистом в гитлеровской секретной службе по странам Востока: сам генерал Гелен. У нас была возможность установить с ним тесное сотрудничество, равно как с его помощниками, полковниками СС Бауном, Пруцманом и др. Они были «утверждены» личным советником президента Трумэна по стратегическим вопросам.

Мой собеседник, на груди которого красовалось несколько наград, сказал в заключение:

— Но знаете, вы никогда не встретите этих хищных серо-зеленых птиц в нашем лагере Оберурзель близ Франкфурта. У себя в «G-2» мы предпочитаем находиться среди настоящих боевых товарищей, особенно когда сидим за одним столом.

Позже, будучи в Соединенных Штатах, я узнал другие подробности относительно Гелена, который станет знаменитым «серым генералом», шефом шпионажа в Западной Германии, и его сообщников: полковника Оскара Рейле, бывшего руководителя абвера в Париже, оберштурмфюрера Франца Гёринга, жестокого человека из РСХА. К ним можно добавить также генерала СС Франца Зикса, бывшего шефа VII отдела РСХА, содержавшегося в тюрьме союзников, где он отбывал свой срок наказания скорее теоретически [1].

Через три дня после встречи с американским полковником я оказался в Париже..Благодаря дружеским связям

[1] До недавнего времени он был директором рекламного агентства в Дюссельдорфе.

я без труда получил визу в Польшу с персональным приглашением генерала Гроша, в то время министра информации в варшавском правительстве. Было хмурое, тоскливое воскресенье, когда я снова сел в поезд, зарезервированный для союзных войск. В карманах моего френча à la Эйзенхауэр, на рукаве которого было вышито «Военный корреспондент США», находились различные поручения и аккредитационные письма от американского журнала «Кольерс» и швейцарского издательского объединения «Ренжье». Эти солидные органы прессы поручили мне провести «живое и документированное расследование» относительно новых границ Польши и борьбы против злоумышленников.

Моему репортажу действительно суждено было стать весьма «живым». События совершенно неожиданно превзошли мои ожидания.

Колеса поезда монотонно стучали в ночи. Наши вагоны, лязгая, остановились в Берлине — павшем, расчлененном, нищем. По обеим сторонам железной дороги на Варшаву громоздились немецкие танки, искореженные и почерневшие, которые оккупационные власти еще не успели свезти на свалку. По ухабистым дорогам медленно продвигались военные грузовики, груженные то продовольствием, то оборудованием, демонтированным на заводах «великой Германии».

На польской границе осмотр был коротким. Таможенники в поношенной форме плохо скрывали свое изумление. Открыв мой чемодан, они нашли там кофе в зернах, блоки сигарет и другие вещи, считавшиеся тогда роскошью. Варшавские дома, разрушенные войной, представляли собой зрелище ужасающее. Швейцар в отеле «Полония» открыл дверь своей единственной рукой, другая была ампутирована: он участвовал в героическом восстании варшавян.

Колонны машин, нагруженные материалами для восстановления города, с грохотом проезжали по старинной мостовой. Все нужно было строить заново. Слава богу, страшное прошлое постепенно отступало...

В министерстве информации я был принят генералом Виктором Грошем. Высокий и стройный, он дружелюбно смотрел на меня своими всегда печальными темными глазами. Этот выдающийся воин был героем польского

Сопротивления и автором нескольких поэтических сборников. С первого нашего разговора ему пришелся по душе объективный тон, который я старался придать моим репортажам. Он говорил: «Мы рады, что у вас хватило энергии на это малоприятное путешествие. Посмотрите вокруг и опишите нашу нищету. Многие ваши коллеги составляют свои отчеты из Польши, не выходя из пресс-клубов Западной Германии и распространяя о нас всяческие небылицы».

Генерал Грош с болью переживал нарушившееся содружество по оружию между западными и восточными союзниками. Обеспокоенный политикой Гарри Трумэна и недовольный антипольским рвением американской военной бюрократии, он продолжал:

— Еще при жизни Рузвельта между русскими и американцами возникали трения. Однако их удавалось преодолевать. После смерти вашего великого президента они переросли в открытый конфликт... Вы просите меня о доступе в наши приграничные зоны. Это опасный район, предупреждаю вас. Нам самим с трудом удается его контролировать, там не прекращаются вылазки нацистских террористов и украинских националистов. Но раз вы так этого хотите, что ж, поезжайте туда... Вы обнаружите, что диверсантами из «Белой армии» управляют специальные американские службы, связанные с самыми черными силами — бывшими членами гестапо и абвера, реваншистами и бандитами всех мастей!

Перед расставанием генерал-поэт сердечно пожал мне руку.

Поезд пересекал бескрайние польские равнины. Вагон был наполовину пуст. Моими попутчиками оказались советский лейтенант, только что уволенный в запас, толстощекий коммерсант, украинец по национальности, и несколько растерянный польский служащий.

Советский офицер, родом с Кавказа, предложил попутчикам сигареты, рыбные консервы и помог молодому поляку уложить его багаж. Вынув из чехла гитару, лейтенант мелодично пел нам. По образованию он был инженер. Несколько раз был ранен. Общительный и разговорчивый, он охотно поведал об экономическом положении своей страны, с похвалой отозвался о Рузвельте и с детской непосредственностью засучивал штанину, показывая, куда попала немецкая пуля и откуда вышла.

К полуночи лейтенант задремал, а коммерсант затеял оживленный разговор с поляком. Вскоре он извлек из своего кармана засаленные карты и по ходу игры повторял, что вооруженные до зубов бандиты останавливают поезда и захватывают государственных служащих. Всякий раз молодой поляк нервно вздрагивал, натягивая на колени серое одеяло. В купе было душно.

Мы проезжали по лесистым пространствам восточной Польши. Толстощекий коммерсант безрезультатно пытался заговорить с молодой женщиной кокетливого вида в черном бархатном берете, затем с замкнутым и угрюмым ксендзом.

В купе вошли военные в квадратных фуражках, в кожаных куртках с нарукавными повязками. Они проверили документы и тщательно осмотрели наш багаж.

Поезд останавливался все чаще. На маленькой станции нас предупредил солдат, что мы должны запастись терпением: железнодорожный путь в тридцати километрах отсюда был взорван, и есть приказ ждать отряд правительственной милиции, которой поручено сопровождать поезд. Среди ночи при свете керосиновой лампы мы расположились на деревянных скамейках зала ожидания.

К трем часам утра послышался шум грузовика. Прибыла маленькая группа заспанных милиционеров с автоматами. Начальник вокзала с красным фонарем в руке предупредил нас, что мы отправимся, когда рассветет. В окрестностях орудуют банды Бандеры. В них входят власовцы, эсэсовцы, коллаборационисты, польские изменники из числа полицейских, украинские националисты.

Начальник вокзала окинул нашу группу критическим взглядом и запер расшатанную дверь. Милиционеры говорили о Нюрнбергском процессе и о бандах «белых», которые с каждым днем становятся все более опасными. Сержанту по имени Владек, командиру отряда, казалось, не было еще и двадцати. Обращаясь к крестьянам, усевшимся на свои пожитки, обмотанные веревками, он сказал с покровительственным видом:

— Главное, порядок, граждане, революционный порядок!

Под командованием этого молодого сержанта на рассвете поезд тронулся, не ожидая подкрепления, которое, как говорили, послано из Варшавы.

Пахло весной. За окнами медленно проплывали зеленые ели и белые березы — типично русский пейзаж.

Купола маленькой православной церкви влажно сверкали в первых лучах солнца. Некоторые пассажиры крестились.

— Это монастырь Николая-чудотворца,— произнесла низким голосом старая крестьянка в полинявшем платке.

Паровоз дал свисток, звук которого долго разносился порывами ветра. Вдруг заскрежетали тормоза.

— Приготовиться, товарищи! — закричал сержант Владек.

Советский лейтенант и его собеседники схватили автоматы и револьверы.

Тормоза скрипнули еще раз и замолчали. Около деревянного моста через реку Свиязь поезд сошел с рельсов. Сильный толчок сбросил нас вниз по насыпи. Я ощутил острую боль в плече. Рядом со мной ничком лежал поляк: у него была разбита голова, струйки крови текли по его шее. Он был мертв. Выстрелы раздавались со всех сторон. Слышались славянские слова, польско-украинский жаргон и иногда грубая немецкая ругань. Несколько вооруженных людей в кожухах приблизились к нам, волоча за собой истекающего кровью Владека. Остальные милиционеры, обезоруженные, с руками, поднятыми за головы, стояли на берегу реки.

Нападавшими руководил человек с желто-голубой повязкой. На его куртке — огромная медаль, подобная тем, что раздают на ярмарках. Он остановился возле нас. Я посмотрел на его всклоченную бороду и огромный нос, который он безуспешно пытался очистить, зажимая поочередно каждую ноздрю и шумно сморкаясь. Он обтер грязные пальцы о полы своего кожуха. Его круглые глаза зорко следили за каждым моим движением. Когда он раскрывал рот, скрытый в густой бороде, виднелись необычно острые зубы. Что-то в этом человеке было от хищника, что-то от жабы, а все вместе вызывало отвращение. На шее у него был красный платок, за плечом — карабин. Обращаясь к нашей группе, он спросил:

— Жиды есть? Коммунисты есть?

Никто не ответил. Он грязно выругался.

— Эй ты! — приказал он молодому крестьянину, вооруженному автоматом.— Построй мне это дерьмо, чтобы я их осмотрел.

Он указал на поляну с елями по краям. Крестьянин подгонял нас ударами приклада.

— Снимай штаны, спускай кальсоны!

Два бандита направились к нам. Они говорили между собой по-немецки. «Фертиг?» — спросил один из них. «Вертик, вертик»,— злобился крестьянин, коверкая чужие ему слова. В этот момент один из двух бандитов подошел ко мне. На нем была маленькая серая шапка, украинская смушка. Он увязал в длинной немецкой шинели и выглядел изнуренным. Бросив взгляд на надпись «Военный корреспондент США» на моей рубашке цвета хаки, он сказал:

— Эй ты, американец, с тобой разберемся позже. Остальные в ряд!

Он тщательно осматривал половые органы мужчин, задержавшись перед студентом из Львова.

— Еврей? — спросил он.

— Нет,— ответил молодой человек,— украинец.

— А это?

— Фимоз. Недоразвитие железы.

— Как зовут?

— Афанасий Бандера.

— Отличное имя! — восхитился бандит с нарукавной повязкой.— Наш батько тоже Бандера, Степан. Хочешь с нами? Резать коммунистов и продавшихся?

Студент отрицательно покачал головой.

— Я был у Мельника. Его убили. Настоящие украинские патриоты были с ним...

— Продавшийся Мельнику,— заорал главарь.— Будем судить его вместе с сержантом милиции и офицером-коммунистом.

Три палача, игравшие роль «судей», уселись на землю перед полукругом бандеровцев, которые присматривали за арестованными. Четвертый головорез произнес короткий приговор:

— Афанасий Бандера. Предатель своего народа. Продался евреям и коммунистам, заслуживает виселицы!

— На виселицу! — закричали не колеблясь «судьи».

— Сержант Кроцкий, продался коммунистам...

— Виселица,— повторили «судьи».

— Ладо Кикнадзе, советский офицер...

— Виселица! — завопили они хором.

Принесли несколько балок, устроили помост под толстой ветвью бука. Трое приговоренных были поставлены на него. Человек с глазами жабы ловко накинул им петли на шеи. Явно делал это не в первый раз. Сержант

Владек плюнул ему в рожу. Палач отер физиономию, продолжая прилаживать петли.

Потеряв много крови, русский пошатывался, он был мертвенно бледен. Молодой украинец перекрестился. Я отвел глаза от этого жуткого зрелища и тут же получил удар прикладом в спину.

— Смотри, американец, во все глаза. Тебе будет о чем доложить в Мюнхене. Группа «Вепрь» не теряет времени даром. Пусть твои соотечественники знают, что они могут рассчитывать на «Белую армию»!

Молодой крестьянин толкнул балку, помост обрушился, и тела закачались в воздухе. Бандеровцы стали беспорядочно палить из автоматов. Все было кончено.

Банда больше не задерживалась у поезда. Опустошив наши бумажники и прихватив несколько чемоданов, бандиты удалились, забрав меня с собой. Дорога была в рытвинах. Возница с круглыми глазами правил осторожно. Время от времени он наклонял голову, здороваясь с встречными крестьянками. Телега остановилась у дома со свежевыкрашенными ставнями.

Во двор дома, в котором, по-видимому, помещался штаб, входили и выходили вооруженные люди. Пьяный лохматый подонок рассматривал меня с отупевшим видом.

— Смотри-ка, иностранец!

Он ввел меня в дом, усадил на скамейку и достал несколько бутылок пива. Долго вертел и изучал мой паспорт. За соседними столами бандиты пили и делили добычу. Сигареты, спиртное и зерно в мешках были разложены на лавках и на полу.

— Почему ты оказался здесь, американец? — Человек с лицом жабы смотрел мне прямо в глаза.— Ты приехал шпионить за нами или нам помочь?

Миловидная крестьянка уставилась на меня с любопытством, которое не пыталась скрыть, и передала блюдо гречневых блинов, с начинкой из толстых кусков свиного сала. Человек подвинул блюдо ко мне.

— Ешь, иностранец,— сказал он.

Потом он произнес короткую молитву, перекрестился и наполнил миску кашей.

— Ты не ешь мяса? — спросил я его.

— Нет, иностранец,— ответил он,— я вегетарианец. Я не ем тварей, которым господь бог дал горячую кровь, как тебе и мне. Это грешно.

Я посмотрел на его толстые, пухлые руки, так проворно накидывавшие веревку на шеи. Волосатые пальцы, которые снимали пеньковые веревки, теперь осеняли себя крестным знамением. Я снова почувствовал тошноту...

Человек в шинели защитного цвета подсел к нам. Он взъерошил волосы, вытер пот со лба и кокетливым жестом вынул старую полицейскую фуражку, полинявшую от непогоды. С наглым видом он надвинул ее на правый висок и уставился на меня. Звали его Кляйст, родом из Риги, балтийский немец. За разговором я обратил внимание на черепа с двумя скрещенными костями, вышитые на отворотах его треуголки и увенчанные орлом со свастикой в лапах. Он забросал меня вопросами на чистом немецком языке:

— Ты знаешь людей по имени Тобиаш или Гискес? Откуда ты знаешь немецкий? В какой части американской армии служишь? У тебя есть друзья в замке Крансберг, в отделе «G-2» американской армии в Мюнхене или в лагере Оберурзель? Для кого ты пишешь?

Мои документы и особенно удостоверение «Кольерс мэгэзин» удивили его и успокоили. Он смягчился, предложил мне сигареты «Кэмэл» и стал более разговорчивым.

— Ты здесь находишься среди истребителей большевиков. Сотня людей, ведущих безжалостную войну,— войну, которая будет продолжаться и перерастет в мировую. Расскажи своим оглушенным виски читателям, что́ из себя представляют «Тотенкопфкамараден» (люди из дивизии «Мертвая голова»).

Открыв кинжалом банку пива, полученного явно с американского склада, он поднялся и исчез в комнате за кухней. Оттуда доносился неясный шум и шорохи. В бывшей кладовой, где раньше, скорее всего, хранилось сало и варенье, судя по всему, работал коротковолновый передатчик.

Крестьянин, тот самый набожный вегетарианец, завозился на деревянной скамье. Вдребезги пьяный, он, икая, рычал себе в бороду, призывая всевышнего жестоко покарать «кремлевского антихриста». К счастью, я одинаково хорошо понимал и немецкий язык Кляйста, и славянскую речь его сообщников.

Вернувшийся прибалт, бросая презрительные взгляды на пьяного, сказал мне фальцетом:

— Посмотри на этого мерзавца, на эту свинью! Два года назад я приказал бы выпороть его публично, а теперь я должен собирать банду из невежественных крестьян. Поразительно, что Берлин дал нам указание зачислить их в нашу элиту, в СС!

С брезгливой миной Кляйст осушил банку пива.

В тот же вечер мне вернули мои документы. Меня отвезли с завязанными глазами на место крушения. Ночью прибыл специальный бронепоезд. Это был состав советского генерала Кротова, осуществлявший охрану железной дороги. Быстро починили путь, и вскоре я устроился в вагоне, следовавшем в Варшаву через Львов.

Во время короткого завтрака в отеле «Полония» с генералом Грошем и главным редактором газеты «Работник» я рассказал о случившемся.

— Вы легко отделались, мой друг,— сказал министр информации.— Знаете ли вы, что Кляйст — это не кто иной, как эсэсовец, бывший шеф гестапо в Даугавпилсе, который действовал под непосредственным руководством Мюллера из отдела IV-E РСХА. Он пытался выведать у вас новости о Тобиаше и Гискесе. Тот и другой подчиняются генералу Гелену и полковнику Бауну, которые осуществляют связь с командованием американской контрразведки в Крансберге и в Оберурзеле. Тобиаш — это оберштурмфюрер Франц Геринг, работающий на организацию Гелена. А Гискес — полковник абвера Герман Гискес, хорошо известный в Амстердаме и Варшаве как «ищейка Канариса». Признаться, ваши соотечественники выбрали весьма квалифицированных сотрудников. Когда вернетесь в Вашингтон, можете их поздравить... Я уже говорил вам,— продолжал министр,— об ухудшении отношений между союзниками. Вот вы и стали свидетелем того, что происходит за кулисами. Пока Пентагон оказывает финансовую и моральную помощь «белым» бандитам, действующим на нашей территории, отношения между Москвой, Варшавой и Вашингтоном будут и дальше ухудшаться.

По возвращении через Швейцарию в Париж, где были опубликованы мои последние статьи, я связался с журналами «Тайм» и «Лайф» с намерением напечатать там репортаж о моей «польской эпопее». Разве не было моим долгом проинформировать американский народ?

Менее чем через год после возвращения американских солдат в США, сразу же после столь трудно доставшейся победы, Пентагон стал оказывать покровительство гитлеровскому генералу Гелену и его приспешникам, бывшим эсэсовцам, главной целью которых было превратить «холодную войну» в войну горячую!

Мой репортаж был возвращен мне редакциями обоих журналов с лаконичной надписью: «Не представляет интереса». Одновременно мне возвратили и статью «Розыск эсэсовцев в Тироле» с фотографиями, сделанными совместно с моим другом Гео Кельбером из «Франс-суар» в Арлберге. Мы сопровождали французских военных из службы безопасности на джипе во время преследования известного эсэсовца Бруннера, истреблявшего заложников и евреев. Он укрывался у крестьян на высоте 3000 метров в Форарльберге. Эта статья, которой никак не откажешь в злободневности, несколько месяцев провалялась в редакции, до того как была мне возвращена с невежливой запиской.

Через несколько лет я понял, почему журналы «Тайм» и «Лайф» отказались опубликовать мой репортаж. Аллен Даллес, будущий директор ЦРУ, только что основал комитет «Свободная Европа» и субсидировал его мощную радиостанцию, обосновавшуюся в центре Мюнхена. Миллионы долларов предоставили такие компании, как «Дженерал фуд», «Форд», «Поларонд», «Американсалфэр», «Дженерал моторс», «Вестингауз», «Дженерал электрик», «Крайслер», «Белл телефон», «Стандард ойл», а также владельцы журналов «Тайм» и «Лайф». Остракизм, которому меня подвергли, нашел свое объяснение. «Нью-Йорк геральд трибюн» 3 января 1978 года за двойной подписью М. Крудсона и Дж. Тристера опубликовала большую статью об американских журналистах завербованных в 1945 году разведслужбами Соединенных Штатов и оплачиваемых ЦРУ. Множество «исторических трудов» и репортажей также финансировались через те же каналы, а их публикация сопровождалась шумной рекламой.

Глава VI

Заговор гауляйтеров

Не так уж часто случается, что мирные люди размахивают револьверами, да еще в ситуациях, когда их нельзя за это порицать... Так произошло, когда я писал эту книгу. 16 апреля 1977 года узнал из газет, что накануне два солидных семейных человека с револьверами в руках ворвались в посольство ФРГ в Израиле, стараясь проникнуть в кабинет посла.

То были Генри Торонтчик и Андрей Килчинский. Их цель? Заложников не брать, никакого ущерба не причинять... и кричать как можно сильнее, чтобы их услышали.

— Мы двое из немногих уцелевших в Варшавском гетто,— кричали эти «миролюбивые террористы».— Наши родители и близкие уничтожены в Терезиенштадте, Освенциме и Майданеке. Тридцать три года спустя мы узнали, что четырнадцать охранников лагеря смерти в Майданеке предстанут наконец перед судом в Дюссельдорфе. Однако пресса Западной Германии посвящает этому делу лишь крошечные отчеты. Можно не сомневаться, что судебная комедия закончится мягким приговором и к палачам отнесутся так же снисходительно, как к лавочникам, спекулировавшим на кофе.

Встреченные в своих блочных домах в пригороде Тель-Авива встревоженными женами, эти храбрецы были преисполнены чувством выполненного долга. Я не могу поставить им в вину желание устроить переполох, ибо подлинный скандал — это та гнусная среда в западных странах, в которой, как в трясине, тонет память о нацистском аде. Она особенно ощущается в ФРГ, где официальный заговор молчания затыкает рты незатихающим врагам фашизма кляпом «экономического чуда». Западногерманские школы либо по собственной инициативе участвуют в этом заговоре, либо послушно исполняют приказы

сверху. Приведу в качестве примера недавний опрос, проведенный тремя мужественными учителями земли Шлезвиг-Гольштейн. Спросив 2070 молодых немцев обоего пола в возрасте от 12 до 16 лет, кто такой Адольф Гитлер, они услышали от пожимавших плечами молодых людей: «Гитлер? Ах, да! Да тот, кто построил автобаны и изобрел „фольксваген“». Или: «Полный идиот, который так и не смог выиграть войну!» А то и такое: «Гений, но я его не знал...»

Как с болью отметил воспитатель из Фленсбурга Дитер Боссман, нацистская эпоха фактически вычеркнута из программы школьного обучения в ФРГ. «Систематическая дезинформация,— сказал он,— способна порождать ответы столь же наивные, сколь и тревожные, например такой: «Аденауэр, ученик Гитлера, занял его место».

«Смутьяны» Торонтчик и Килчинский выкрикивали справедливые обвинения, разоблачая западногерманскую комедию правосудия. Да разве мы не видим сами, как бывших палачей со свастикой весьма почтенные судьи, заседающие в сверкающих чистотой трибуналах, выдают чуть ли не за мелких хулиганов? Разве не отвергают там под смехотворными предлогами свидетельства множества бывших узников и участников Сопротивления? Разве не выносят там фашистским преступникам чисто символические приговоры?..

Я прекрасно помню ту беспокойную зиму, когда мне пришлось проводить трудное расследование по заданию нескольких крупных западных газет.

Середина января 1953 года. Между двумя поездками на Карибские острова я снова попал в ФРГ, в семью моей жены — немки. Снег припорошил крыши домов. В нашем квартале все было восстановлено и покрашено заново. Мой американский завтрак был более обильным, чем когда-то во времена Веймарской республики. Толстые газеты, которые я просмотрел, явно не скупились на бумагу. Аккуратно подстриженные липы в соседних садах предвещали новую Германию, очищенную и благоустроенную.

Несколько строк, помещенных в либеральной газете «Франкфуртер рундшау», поразили меня. Своего рода частный клуб, говорилось там, предназначенный для бывших именитых людей «третьего рейха», только что учрежден в Гамбурге. Может быть, я чего-то не понял? Среди

членов клуба я обнаружил фрау Инге Дёниц, супругу пресловутого адмирала, а также Карла Кауфмана и Альфреда Фрауенфельда, бывших гауляйтеров Гамбурга и Вены... Нет, я не ошибся. Другие персонажи, перечисленные в газете, оказались того же происхождения: полковники СА Гуннар Берг и Гейнрих Кунстман, бывший нацистский генеральный прокурор Ганс Хаак, Альфред Салат, издававший «Последние новости Мюнхена» для активистов НСДАП, а также военные, дипломаты и промышленники, которые в свое время отличались особой преданностью фюреру.

Всесильный британский верховный комиссар Киркпатрик спокойно взирал на эту перегруппировку известных и влиятельных нацистов. По телефону я получил у английского генерала в Дюссельдорфе — административном центре британской зоны — подтверждение факта, о котором сообщила «Франкфуртер рундшау».

...Капитан Фред Галлахер встретил меня с радостью. Я был представителем дружественной прессы и первым американским репортером, связавшимся с ним по поводу этого дела.

— Клуб существует,— сказал он,— и процветает. Он намерен проникнуть в христианскую партию д-ра Аденауэра под видом «национал-демократов», чтобы уничтожить хрупкие демократические институты, которые существуют всего четыре года... Нам известны также их сообщники: тайные группировки, управляемые из-за кулис уцелевшими эсэсовцами, которые готовятся пополнить «своими» ряды правых в бундестаге. Все эти нацистские бонзы исподволь готовят новый заговор. Мы собираемся накрыть их сеть, ибо их наглость стала слишком откровенной. Однако упаси тебя бог объявлять заранее о нашей операции и даже просто говорить о нашей бдительности... Мы опасаемся, как бы те, за кем мы следим, не укрылись в американской оккупационной зоне. В Мюнхене и во Франкфурте они смогут воспользоваться покровительством влиятельных сил. На важных постах там обосновались бывшие доверенные люди Гитлера вроде генерала Гелена, возглавившего новую службу шпионажа. Наш ценный сотрудник д-р Отто Джон, стойкий антифашист, чувствует себя неуютно в связи с возвышением «серого генерала»: нам известно, что Гелен поклялся устранить его.

В свою очередь я рассказал несколько обескураженному офицеру о своем печальном опыте жертвы «охоты за ведьмами», развязанной таким гнуснейшим типом из штата Висконсин, как сенатор Маккарти. Фред меланхолически покачивал головой, приглашая меня приехать к нему в Австралию, где он рассчитывал забыть «холодную войну» и превратности англо-американской дружбы. Этот бывший охотник за нацистами, с которым я познакомился в опустошенном Берлине 1945 года, не хотел смириться с тем, что преступления гитлеровцев, и особенно видных, предаются забвению. И он был прав... Через два дня новые события взбудоражили телетайпы крупных информационных агентств.

В темную и туманную ночь с 14 на 15 января 1953 года сотрудники отдела британской военной полиции окружили богатую виллу в окрестностях Дюссельдорфа. Четыре джипа перекрыли выходы, включили фары. В тусклом свете виднелась гравировка по черному мрамору: «Г. С. Люхт, экспорт-импорт».

Толкнув тяжелую дверь из кованого железа, полицейские ворвались в здание. Они все перевернули, вспарывали портфели с двойным дном, взламывали сейфы и тайники, вмонтированные в стены. Даже гроб владельца виллы, умершего недавно, был вскрыт. После ареста управляющего фирмой двери были опечатаны, а конфискованные документы погружены в четыре грузовика. Агенты разведки и полиции расставили свои посты как внутри, так и вокруг виллы. Доставленные на грузовиках документы неонацистской пропаганды были тщательно изучены английскими службами в Дюссельдорфе и Лондоне. Из них стало очевидно, что «гауляйтеркрайс» («сообщество гауляйтеров») есть не что иное, как политическая мафия бывших высокопоставленных нацистов, организация всемирного масштаба, объединяющая сотни филиалов в двадцать одной стране, где бывшие эсэсовцы, принадлежавшие к элите гитлеровского режима, собирают вокруг себя реваншистских недобитков, которые не хотят смириться с гибелью «третьего рейха».

Нити заговора тянулись в Токио и Буэнос-Айрес, пересекались в Риме и Мадриде, не говоря уже о Вене, Бонне и Бремене. В один узел они сходились в Баварии. Ведущей фигурой этой мафии был Вернер Науман — один

из последних доверенных лиц фюрера, присутствовавший при его самоубийстве и сбежавший из гитлеровского бункера вместе с Мартином Борманом и генералом СС Гансом Бауром, пилотом личного самолета Гитлера. Он расстался со своими спутниками у пылавшего Лертерского вокзала. Толстый пакет находился под его кителем обыкновенного служащего канцелярии. Борман был одет так же. Эта маскировка позволила им затеряться среди гражданского населения, теснившегося в засыпанных пылью подвалах, где русские еще не начали производить проверки.

Пакет, переправленный статс-секретарем по пропаганде в этот знаменательный день 2 мая 1945 года, содержал, в частности, завещание его шефа, д-ра Геббельса, покончившего с собой в бункере, а также часть сверхсекретного досье, врученного Гитлером Борману собственноручно.

Ловкий и хитрый Вернер Науман — спортивного склада человек сорока лет — добрался до Ганновера, переодевшись в форму железнодорожника, счастливо избежав проверок, осуществлявшихся английской военной полицией. Как все высшие чины гитлеровской канцелярии, он не имел знаменитой эсэсовской татуировки. Из осторожности он не пошел в штаб Дёница, справедливо полагая, что его положение нового министра пропаганды, словесно пожалованное ему Геббельсом мертвенно бледными губами перед самым концом рейха, доставит ему много неприятностей. К тому же разве не мог позволить себе некоторые надежды этот сравнительно молодой человек, искушенный в юридических и политических тонкостях, да к тому же обладатель таких секретных документов? Надо было запастись терпением и дождаться неизбежного конфликта между западными и восточным союзниками... Но голод заставил нацистского волка выйти из нищей деревушки, где он укрылся. Он добрался до Дюссельдорфа, где жила его семья. Там он был арестован английской военной полицией, которая, не подозревая, кто ее пленник, через несколько месяцев отпустила его.

Удача сопутствовала Науману. Он разыскал одного из своих сотрудников в министерстве пропаганды, выходца из состоятельной семьи, Герберта Люхта. Тот занимался экспортно-импортными операциями, не гнушаясь спекуляциями на черном рынке. К тому же он был женат на богатой бельгийской графине. Одна из его «заслуг»

состояла в том, что он скрыл в надежном месте досье, позволившее ему связаться с держателями нацистских капиталов за границей.

Не слишком беспокоясь по поводу Нюрнбергского процесса и «плана Моргентау» [1], который наивно предусматривал превращение побежденной Германии в «провинцию земледельцев», тандем Люхт — Науман привел в порядок запущенные дела и собрал вокруг себя старых «приятелей». Так, бывший сотрудник Геббельса, оставаясь в тени, заправлял крупными делами.

Располагая капиталами за границей, активно занимаясь коррупцией и шантажом новых немецких функционеров, назначенных оккупационными властями, эта группа деляг ни в чем себе не отказывала в Западной Германии 1946—1947 годов — разрушенной стране, стране стариков, калек, нищих, бросающих голодные взгляды на пустые магазины и воззвания союзников. В Дюссельдорфе, в Шталхаузе, обосновались десятки комиссий и подкомиссий. Там же, в потенциально богатейшем районе Рура, подобно удельному князю, правил британский верховный комиссар Киркпатрик. В то время как домохозяйки выстраивались в очередь за килограммом брюквы, а британская администрация выдавала в мизерных количествах цемент и стекло для восстановления домов и фабрик, Люхт, успев запастись поддельными долларами и фунтами стерлингов (фальшивые деньги, изготовленные эсэсовцами в Заксенхаузене, еще имели хождение), скупал все, что можно: картины выдающихся художников, драгоценности, недвижимость, земельные участки. В условиях разоренной экономики, когда царили доллар и сигареты, в замкнутых привилегированных кругах вроде того, который образовался в Дюссельдорфе, зарождались надежды. В то время когда отчаявшиеся предпочитали самоубийство, когда эсэсовцы, находившиеся в лагерях союзников, ожидали предполагаемого освобождения, когда многие тайными путями обращались в бегство, Люхт и его подручные уже учуяли амнистию и состав первого западногерманского правительства, которое разрешат западные союзники. Им оставалось только объединиться и организоваться.

[1] Г. Моргентау — министр финансов в администрации Рузвельта, в 1944 году выдвинул план послевоенного расчленения Германии, ее децентрализации и лишения ее экономической и политической значимости.— *Прим. ред.*

Те надежды возникали прежде всего в американской зоне. Мелкие немецкие служащие в Шталхаузе не без зависти шептались: «Генерал Гелен установил прекрасные отношения с американским начальством. Только о нем и говорят в штабе 3-й армии в Бад-Тёльце и в окружении генерала Джорджа Стронга, шефа отдела «G-2» оккупационных войск американской армии».

Передаваясь из уст в уста, эта новость вскоре стала секретом Полишинеля: Гелен уже в 1945 году добился поддержки генерала Паттона. Оба считали, что американцы должны быстро перегруппировать несколько дивизий войск СС, перевооружить их и держать наготове, чтобы в подходящий момент ввести в действие против Советской Армии.

Гелен до такой степени заинтересовал своих новых друзей, что отдел «G-2» устроил ему в 1946 году поездку в Вашингтон для «уточнения деталей». Генерал Макнарни, заместитель военного комиссара в американской зоне и приближенный Эйзенхауэра, получил тревожные сведения из Бад-Тёльца, подтверждающие обоснованность протестов советской стороны, в частности маршала Жукова. По ее сведениям, 3-я армия генерала Паттона не демобилизовала своих пленных и держала отборные немецкие дивизии, по существу, в состоянии боевой готовности. Все это было явным нарушением соглашений, подписанных союзниками в Ялте и Тегеране. Четыре месяца спустя после падения Берлина Паттон повсюду повторял: «Рано или поздно мы будем воевать с русскими. Тем скорее нам понадобятся первоклассные немецкие войска, готовые выступить вместе с нами...» Во время разговора с Робертом Мэрфи, политическим советником Белого дома, Паттон воскликнул, поигрывая своим техасским револьвером, инкрустированным серебром: «Нужно ударить по русским сейчас, не дожидаясь, пока они нападут на нас!..»

Роберт Мэрфи, человек весьма информированный, причастный к плану высадки союзников в 1942 году в Северной Африке, вручил генералу Эйзенхауэру деловую записку с изложением недопустимых, с его точки зрения, фактов. Оказывается, тысячи бывших немецких военнопленных, используемых 3-й армией в качестве шоферов, поваров, денщиков и даже секретарей в военных отделах, которых содержат за счет американских налогоплательщиков, развлекаются тем, что горланят: «Хайль Паттон!»

Такой способ вербовать бывших врагов, превращая их в пособников, удивил даже Вашингтон.

Паттон был отстранен от командования 2 октября 1945 года. Два месяца спустя он погиб в автомобильной катастрофе...

Гелен и его люди, служившие ранее в СС и абвере, были начеку: они пользовались поддержкой в отделе «G-2», необходимой для осуществления их замыслов. Как видно, завещание Геббельса сбывалось. Такие американские генералы, как Боллинг, Стронг и Магрудер, считали Гелена «человеком, который может быть использован в полной мере».

Администрация, назначенная Рузвельтом, старалась не спускать глаз с этих генералов. К несчастью, великий президент умер 12 апреля 1945 года. Его преемник Гарри Трумэн, выскочка из Миссури, тут же переориентировал американскую политику согласно своим личным пристрастиям. Начиная с лета 1945 года Вашингтон занял по отношению к Москве жесткую позицию. Одна из крупных оплошностей Трумэна состояла в назначении своего протеже главой новой разведывательной службы. Речь идет о контр-адмирале Соуэрсе, который стал шефом Центральной разведывательной группы (ЦРГ), превратившейся в дальнейшем в ЦРУ. Этот бывший партнер Трумэна по покеру, владелец магазинов из Мэмфиса, ничего толком не смыслил в делах шпионажа. Впоследствии ему нашлась «достойная» замена.

Назначение на высокие посты людей из числа бизнесменов не раз наносило ущерб интересам Соединенных Штатов. Автор данной книги сам испытал это на себе [1].

Только после многочисленных демаршей и давления со стороны штаба Эйзенхауэра и британской службы

---

[1] В 1942 году я был прикомандирован к специальной службе связи в штабе 7-го морского округа, расположенной в многоэтажном здании в Майами. Полковник ван Дритен руководил сектором разведслужбы, в котором работало немало знающих дело европейцев, в том числе и я. До войны этот шестидесятилетний полковник, с румяным лицом и седой шевелюрой с безупречным пробором, был владельцем множества парикмахерских салонов. Знаток причесок, мой шеф всякий раз испытывал большие затруднения, когда дело касалось истории, географии или политики. Однажды он с силой ткнул пальцем в карту Румынии, хотя имел в виду Болгарию. В другой раз он сказал: «Возьмите, например, Францию, она никогда не знала революций, там их никогда и не будет».

«МИ-5» Трумэн согласился в 1947 году избавиться от Соуэрса, заменив его генералом Вандербергом. К тому времени среди шефов Пентагона уже примелькались остроносый профиль, седые виски и ледяной взгляд Аллена Даллеса. На своем первом посту — ответственного за подготовку кадров для будущего ЦРУ — брат Фостера Даллеса стал крестным отцом нациста Гелена. Этот последний, приглашенный в Вашингтон, присутствовал на встречах ветеранов из «G-2» и УСС[1], наблюдая за борьбой между Даллесом и Донованом за благосклонность президента, сената и конгресса.

Победителем стал тот, на кого делал ставку дальновидный Гелен,— Даллес, пообещавший Трумэну создать такую «суперразведывательную службу», какой еще не знал мир. В этом ведомстве Гелену и его команде, которую он воссоздал за месяцы, последовавшие за разгромом, отводилась важная роль. Отплыв из США 1 июля в Европу, Гелен уже был уполномочен на осуществление такой шпионской миссии, которая выдвигалась на первый план в рамках «холодной войны».

Замечу между делом, что Гелен высадился в Гавре и проехал через Париж, но ни один из участников французского Сопротивления не узнал о присутствии во Франции этого некогда верного приспешника Гитлера. Да, скрываться и заметать следы он уже тогда умел в высшей степени профессионально.

В середине декабря 1947 года генерал Гелен обосновался в лагере Пуллах в Баварии. Несколько дней спустя в компании двадцати близких ему людей он отпраздновал рождество перед зажженной елкой, за столом, ломившимся от яств. Они подняли бокалы, благословляя американских военачальников, которые вернули их на привычную антисоветскую стезю и водворили в удобный особняк, когда-то предназначавшийся для семей офицерского корпуса СС.

Прошло пять лет. Когда стало известно, что «серый генерал» нанял — на американские средства — сотни бывших эсэсовцев, многие из которых разыскивались как военные преступники, «скромный» Вернер Науман решил, что пора вывести свою организацию на свет божий.

Шла подготовка к весенним парламентским выборам 1953 года. Нужно было воспользоваться предвыборной

---

[1] УСС — Управление стратегических служб.— *Прим. ред.*

лихорадкой, чтобы занять место на политической арене новой республики д-ра Аденауэра. 2 ноября 1952 года состоялось первое заседание «клуба» в Дюссельдорфе, где собрались уцелевшие представители элиты «третьего рейха». Вторая встреча, проведенная в Гамбурге 18 ноября того же года в доме бывшего гитлеровского прокурора Хаака, почти открыто собрала руководителей нового «коричневого интернационала». Его программа состояла в том, чтобы объединить бывших эсэсовцев и неонацистских реваншистов в мощный блок, способный диктовать свою волю боннскому бундестагу.

Основатели этой неонацистской группы некогда принадлежали к высшим чинам разгромленного рейха: Вольфганг Диверг, бывший штандартенфюрер СС; Густав Шеель, экс-гауляйтер Зальцбурга, который, согласно последним пожеланиям Гитлера, мог занять пост министра культуры; Карл Кауфман, гауляйтер Гамбурга; Йозеф Гробе, гауляйтер Кёльна; Альфред Фрауенфельд, гауляйтер Вены; Пауль Вегенер, гауляйтер Ольденбурга; Отто Дитрих, который был близок к Геббельсу; Артур Аксман, фюрер нацистской молодежи; Гейнц Зинен, обергруппенляйтер СС; Эрнст Ахенбах, сотрудник Риббентропа; Вернер Трумпф, шеф СА; Вернер Классен, обергруппенфюрер СС; полковник Рудель, летчик, один из приближенных Гитлера, и т. д. Чуть позднее к ним примкнули штандартенфюрер СС Дольман, состоявший в окружении Гиммлера, и всем известный Отто Скорцени.

В течение суток «ветераны» свастики приветствовали друг друга и строили планы на будущее, гордо поднимая пивные кружки и бокалы шампанского.

Семеро нацистов, задержанных английской полицией в доме Люхта и в других роскошных виллах богатого квартала Дюссельдорфа, были отправлены в военную тюрьму британской армии, расположенную недалеко от Дортмунда. Начались допросы.

Несостоявшийся министр пропаганды «третьего рейха» д-р Вернер Науман провел неприятные часы на скамье подсудимых. Он попытался запутать следствие, разглагольствуя по поводу своего бегства из бункера канцелярии в компании Мартина Бормана, которого он окрестил «сталинским шпионом», пытаясь тем самым обелить себя. Эта явно фиктивная «информация» тем не менее

взволновала некоторых руководителей «МИ-5», которые подняли тревогу среди своих американских коллег. Недоверчивый Аллен Даллес поспешил узнать мнение своего друга Гелена по поводу столь необычного «разоблачения». «Серый генерал» не стал оспаривать измышления своего консультанта, увидя в них ценный козырь в «холодной войне» и средство для легализации новых «добрых и лояльных немцев, настроенных антисоветски». Тем самым их можно было бы привлечь к работе в качестве «пожирателей коммунистов». Позднее, уйдя в отставку, Гелен попытался оправдывать этот вздор, который вызвал насмешки историков и дискредитировал опубликованные им воспоминания.

Британские специалисты из «МИ-5» и «МИ-6» и Интеллидженс сервис вели расследование тщательно. Возможно, слишком неторопливо, чем пытались воспользоваться сторонники «политики забвения» фашистских преступлений. Было официально установлено, что нити заговора ведут в Мадрид и Буэнос-Айрес, в Каир и Ла-Пас, в промышленные центры ФРГ, где доверенное лицо Наумана Ахенбах сумел выдвинуть своих агентов на ключевые посты в металлургической и химической промышленности Западной Германии.

С 1946 года начала действовать так называемая «экономическая группировка по восстановлению», а с 1950 года уже многие промышленники, не скупясь, передавали деньги «сообществу гауляйтеров СС» для осуществления зловещих тайных операций.

...Останки Герберта Люхта были найдены британской полицией под кустом в его собственном саду. Очевидно, он знал слишком много.

В упомянутой «экономической группировке» Люхт официально был представителем коммерсантов и предпринимателей Силезии. Не исключено, что он оказался помехой в этом органе, специально созданном для ведения двойной игры, члены которого утверждали, что они отказались от расовой программы Гитлера и идей превосходства арийской расы.

Эти данные, содержащиеся в досье «сообщества гауляйтеров», были получены от инженера, работавшего на некоего Шванке, бывшего владельца нескольких сталелитейных заводов в Силезии. После потери большей части состояния Шванке стал одним из вкладчиков фонда Герберта Люхта и его организации. Инженер вспомнил об

одном необычном вечере в Берлине 1942 года, о чем он рассказал без особого смущения:

— Я был молод, но уже работал на него. Это избавляло меня от холода, грязи и автоматных очередей на Восточном фронте... Шванке показал гостям свой «музей Гревена»[1], которым весьма гордился. Некоторых приглашенных, собравшихся у генерального директора в тот памятный вечер в конце октября 1942 года, я встретил в окружении эсэсовца Наумана спустя десять лет. Среди них были подполковник СС Франке-Грикш, последователь гнусного эвтаназиста[2] Менгеле, скрывающегося ныне в Парагвае, д-р Густав Шеель, нацистский студенческий лидер, и многие другие, кого я встретил здесь, в Дюссельдорфе.

В этот вечер шестиместный «майбах», с шофером в черной форме СС, приехал за нами, Люхтом и мной, чтобы доставить нас к генеральному директору Шванке. Свинцовое октябрьское небо низко нависло над Берлином. Люхт с удовольствием разглядывал грузовики эсэсовской роты и восклицал: «Слава богу, порядок и работа повсюду! Наша победа обеспечена!» Он курил сигару, откинувшись на кожаное сиденье и вполголоса напевая какой-то мотив, пока автомобиль мчался к предместью Тегель. Въехав за ограду сада, «майбах» остановился перед огромной виллой. Хозяин встретил гостей на верху мраморной лестницы, покрытой толстым ковром. Генеральный директор Шванке, на щеках которого были заметны шрамы, приветствовал нас по очереди крепким пожатием руки. Хозяйка дома, низкорослая ожиревшая блондинка, увешанная драгоценностями, повела приглашенных в зал, где все — от люстры до мебели — выдавало дурной вкус внезапно разбогатевших хозяев.

Хорошее настроение промышленной элиты «третьего рейха» поднималось по мере того, как Шванке подливал в бокалы шампанское, шнапс и французский коньяк.

— А теперь я могу вам показать мой маленький частный музей,— вкрадчиво сказал Шванке.

---

[1] Музей восковых фигур, основанный в 1882 году в Париже Альфредом Гревеном.

[2] Эвтаназия — теория умерщвления неизлечимых больных. Использовалась нацистами для обоснования массового истребления «неполноценных» узников концлагерей.

— У моего мужа это идея фикс,— сказала хозяйка дома.— Карл, покажи нашим гостям свою сокровищницу — твой паноптикум.

Гости последовали за хозяином по террасе, застекленной матовым стеклом, которая вела в комнату, освещенную канделябрами. По стенам между высокими стрельчатыми окнами с многоцветными витражами неоготического стиля были развешаны головы туров и оленей, средневековое оружие, рыцарские шлемы и т. п.

В витринах располагалась коллекция причудливых предметов... Нам показали коллекцию изданий «Майн кампф», переплетенных лучшими берлинскими специалистами, а также другие фашистские книги в кроваво-красных переплетах. Наиболее эффектно выглядела та из них, которая была в переплете из кожи кобры. Этот подарок был получен генеральным директором Шванке от одного из почитателей Гитлера из Аризоны в США в сентябре 1938 года. Во время этой поездки его приятели из Питтсбурга преподнесли ему мастерски выполненную тонкую стальную пластинку с выгравированным при помощи электрорезца портретом Гитлера. В кабинете герра Шванке была коллекция металлических подстаканников с изображением барачных лагерей с трубами из красного кирпича и двойными рядами колючей проволоки. Наш хозяин подписал с рейсфюрером СС Генрихом Гиммлером контракт на поставку стальных конструкций и защитных решеток для концлагерей. Он оказался весьма надежным партнером фирмы.

Наряду с расширением «сообщества гауляйтеров» быстро росли и другие «товарищества» бывших нацистов в ФРГ. Замаскированные под объединения боевых друзей и собиравшиеся под предлогом помощи наиболее нуждающимся, они объединяли среди прочих генералов Манштейна, Шверина, Мантейфеля, эсэсовцев Франке-Грикша, Бройхзиттера. Этот зловещий альянс высших офицеров был вскоре раскрыт и распущен стараниями д-ра Отто Джона, бывшего в то время руководителем боннского ведомства по охране конституции. Эта акция вызвала к нему непримиримую вражду со стороны группы Гелена. Спасаясь, он перебрался в Восточный Берлин.

Другая замаскированная группировка бывших нацистов носила название «Руководящий комитет». В него

входили немецкие адвокаты, защищавшие военных преступников в военных трибуналах стран-победительниц. Это «юридическое» сборище не испытывало недостатка в средствах, собранных его секретариатом, куда входили вместе с д-ром Ашенауэром из Мюнхена и д-ром Ахенбахом из Эссена люди СС, например генерал Пауль Циммерман. Группа зачастую выступала совместно с Комитетом христианской помощи военнопленным. Обе группы использовали средства, собранные под видом благотворительности среди немцев, отрицательно настроенных по отношению к нацизму, для печатания реваншистских листовок.

Как грибы после дождя, возникали в 50-е годы различные неонацистские «политические партии». Так появилась Немецкая имперская партия, добившаяся определенного успеха на выборах 1948 года в британской зоне оккупации. В американской зоне родственной ей была Социалистическая имперская партия, председателем которой был генерал Отто-Эрнст Ремер, организатор кровавых репрессий, последовавших за путчем антигитлеровски настроенных генералов летом 1944 года.

Наряду с этими сравнительно крупными организациями были и помельче, например «Дойче гемайншафт», «Гезамтдойче партай», «Дойчер блок», «Райхсблок», «Бунд дер фертрибенен» (Союз изгнанных).

В ходе моего расследования в 1953 году и в последующие годы я обнаружил за многоликими политическими фасадами одних и тех же людей. Они всячески маскировались с целью ввести в заблуждение мировое общественное мнение и администрацию оккупационных войск. В частности, таких, как д-р Науман и д-р Ахенбах, а также небезызвестного Гейнца Зипена, бывшего высокопоставленного фашистского функционера, близкого друга Генриха Гиммлера. Он быстро и ловко перестроился в промышленника, став владельцем некоторых заводов в Золингене.

Некоторые газеты, выпускавшиеся реваншистами, до сих пор пользуются определенным спросом. Вот лишь некоторые из них: «Дер вег», «Дер райхсруф», «Дойче нахрихтен», «Дас циль», «Национальцайтунг», «Ойропафронт», «Ост-Вест курир» и т. д.

В течение ряда лет газетой «Ост-Вест курир», финансировавшейся из Бонна, руководили многочисленные эсэсовцы, и в их числе штурмбаннфюрер СС Пауль

Шалль, он же Пауль Штадлер. Таким видным нацистам, как Ганс Хаген, Герберт Фрайбергер, д-р Ганс Гримм, Карл Гейнц Пристер, Август Гауслейтер, Отто-Эрнст Ремер, Вальтер Шюц, Карл Карлберг, Ганс Энпрехт, профессор фон Борман, Удо Валенди, Вальтер Дааль, Эмиль Майер-Дорн, Генрих Фассбиндер, оберштурмбаннфюрер СС Отто Гесс, и тысячам других бывших эсэсовцев нужен был новый фюрер. И они нашли его в лице «второго Адольфа» — Адольфа фон Таддена, руководителя неофашистской Национал-демократической партии (НДП).

В 1967 году я решил проникнуть в недра ультранационализма.,.

После некоторых колебаний, о чем я узнал позднее, Тадден решил удовлетворить мою просьбу об интервью с ним. Отчасти, как мне сказали, из любопытства к французу русского происхождения, который прекрасно говорил на немецком языке, к писателю, имевшему американское гражданство.

Получив от него телеграмму с подтверждением, сформулированным крайне осторожно, я отправился в путь, делая по дороге небольшие остановки. Не скрою, мне хотелось проникнуть в недра НДП, чтобы изнутри изучить ее социальную базу. Моей первой остановкой по пути в Ганновер — в эту новую «коричневую цитадель» — стал маленький рейнский городок. Там я оказался потому, что мой немецкий друг, сопровождавший меня, предложил заглянуть в пивную, где сохранились традиции «былых времен». В зале, заставленном столами из светлого дерева, нам подали сосиски, тушеную капусту и хрен, намазанный на хлебцы. Собирались там по обыкновению представители средней буржуазии.

Мало-помалу молодые посетители пивной начинали приходить в возбуждение, тогда как пожилые люди сидели тихо, уткнувшись в газеты, в том числе в такие, как «Зольдатенцайтунг» и «Национальцайтунг» [1].

В этой пивной я испытывал чувство, что ничто не изменилось со времен 30-х годов... Те же раскрасневшиеся от пива лица, те же сжатые кулаки, оглушительно стучащие по столу, то же отвращение при упоминании о «гнилой» демократии. Об НДП говорили так же, как тридцать

[1] Откровенно неонацистские и реваншистские издания в ФРГ.

пять лет назад о НСДАП,— с победоносным металлическим блеском в глазах.

Я выступил в роли исповедника, задав несколько невинных на первый взгляд вопросов. То, что я был гражданином США, когда-то воспитывавшимся в одном из самых суровых интернатов старой Германии, вызывало ко мне полное доверие.

Мне сообщили «добрые вести»: в Тюбингене, в университетском городе, половина избирателей, голосующих за НДП, люди моложе 30 лет. «То, что у шестидесятилетних руки в крови, мне понятно, но что происходит с молодежью?» — задумался я.

В Райхертсхаузене, в Баварии, НДП набрала 92 процента голосов. Бургомистр, бывший солдат дивизии «Дас рейх», повторял, что он гордится тем, что принадлежал к СС... В провинции Гессен известный медик д-р Мюллер заявил журналистам: «Я проголосовал за НДП, поскольку ни у какой другой партии я не нахожу настоящей программы, построенной на идеалах».

На следующий день по дороге в Ганновер пришлось остановиться на заправочной станции. Служитель сказал, улыбаясь: «В НДП не хватает только букв «С» и «А», чтобы стало НСДАП».

— И многие думают так же, как вы?

— К счастью, да! В моей семье все против НДП. Мой отец шесть лет отсидел в концлагере из-за своих социалистических убеждений.

— Ваш отец получил какую-нибудь компенсацию от боннского правительства?

— Вы шутите! Вознаграждение «за ущерб» получают вдовы нацистских «жирных затылков». А для бывших участников Сопротивления, для антифашистов средств не хватает.

Служащий бензоколонки был прав. Западногерманский суд до сих пор не возбудил дела против 250 известных военных преступников. Хемпен, палач лагеря Кёлен в Лотарингии, занял высокий пост в полиции Ольденбурга; шеф гестапо в Париже Курт Лишка работал в системе страхования в Дюссельдорфе, а его помощник д-р Генрих Иллерс стал председателем суда по социальным вопросам в Нижней Саксонии.

Приехав в Ганновер, я, внутренне собравшись, отправился к представительному зданию НДП. Там все напо-

минало армейский штаб: пронзительные звонки телефонов, телеграммы, секретари, суетливые посетители. К моменту встречи с «фюрером» Тадденом я взял себя в руки. Действительно ли НДП замаскирована столь искусно, что к ней не придерешься даже с помощью конституции?

— Остерегайтесь этого ловкача, занимающегося подрывной деятельностью в рамках закона,— посоветовал мой друг-немец.— Он никогда не говорит то, что думает, и никогда не пойдет на откровенность в незнакомом ему окружении. Он многому научился у главарей американского ку-клукс-клана.

Дверь отворилась, и вошел Адольф фон Тадден, сорока пяти лет, рост 1,90 метра, глубоко запавшие, вылинявшие голубые глаза, бледное отечное лицо. На нем был мятый и, казалось, тесный костюм. Он протянул мне вялую руку. Мы расположились по обе стороны стола. Между нами — кофейник, в корзине для бумаг — пустая бутылка из-под шампанского. Напротив меня на стене — карта Федеративной Республики Германии. Этот барон из Померании раньше мог бы быть предводителем какого-нибудь средневекового ордена. Он считает, что принадлежит к расе господ. Быстрым взглядом скользнул по моей визитной карточке: «Герр журналист, я к вашим услугам!»

Разговор носил протокольный характер. В течение трех часов я задавал фон Таддену вопросы по многочисленным «горячим» проблемам: о границе по Одеру — Нейсе, пангерманизме, Арабской лиге и новой Германии, об отношениях его партии с организациями «Шпинне» («Паук») и «ОДЕССА» [1], о числе бывших эсэсовцев в рядах НДП, о терроризме в итальянском Тироле, о возможной коалиции НДП с ХДС — партией тогдашнего канцлера Кизингера.

В течение всего интервью фон Тадден намеренно лгал. И лишь иногда, когда это его устраивало, он кокетливо говорил правду. Да, немцы, оказавшиеся в Южной Америке, настроены еще более реваншистски, чем НДП, признавал он. Ряд кварталов южноамериканских городов, где преимущественно живут немцы, полностью состоят из членов НДП.

Для Таддена «Паук» и «ОДЕССА» не более чем выдумки прессы, ищущей сенсаций, под которой подразуме-

[1] Объединения бывших эсэсовцев.

валась «еврейская пресса». Он говорит, что те, кого союзники называют «военными преступниками», принадлежащими к организации «Паук», на самом деле мифические персонажи. Напоминаю ему, что английский журналист Сефтон Делмер брал интервью в 1946—1948 годах у многих членов этой подпольной сети в Испании, Австрии и Италии. Он делает вид, будто не знает, что аргентинская неонацистская партия «Такуара» финансируется авиаконструктором Вилли Танком, ученым-атомщиком Вильгельмом Вестфалем, генералом Адольфом Галландом и Гансом-Ульрихом Руделем, ставшим связным между реакционными кругами Южной Америки и Западной Германии.

В то же время он признает, что ему известны подстрекательские речи, с которыми выступал в Аргентине тот же Рудель.

— Несомненно,— говорит фон Тадден,— это результат длительного изгнания. Великодушная амнистия в 1950 или 1952 году могла бы утихомирить страсти...

Что касается Ближнего Востока, фон Тадден признает, что имеет определенные связи в этом регионе. Он подтверждает, что позировал фотографам у подножия пирамид в 1947 году. В те времена Иоганнес фон Леерс, некогда правая рука д-ра Геббельса, жил в Каире. Он работал там в качестве «специалиста по еврейскому вопросу», затем уехал в Южную Америку, продолжая свою деятельность в окружении Руделя. Зловещий фон Леерс уже в то время был связным между многими неофашистскими объединениями, разбросанными по всему миру, и представителем фашистской Партии возрождения в Соединенных Штатах.

— Герр фон Тадден, ваше имя упоминается в связи с делом «сообщества гауляйтеров». Какова в действительности ваша роль в этой организации?

Фон Тадден делает недовольный жест рукой и встает.

— Все это выдумки...

Интервью затянулось. «Новый фюрер» начал проявлять нетерпение. Он спешил на «частный праздник», где, как он сказал, его ждут важные люди.

На следующий день я встретился с «номером 2» в НДП. Менее известный за границей, чем фон Тадден, он, владелец многочисленных предприятий, финансировал об-

ширную пропаганду НДП: издание газет, книг, брошюр, плакатов. Речь идет о Вальдемаре Шюце, пятидесяти трех лет, среднего роста, с седой шевелюрой. Бывший руководитель группы штурмовиков, он имел прозвище Макс Аман из НДП [1].

Шюц ввел меня в просторный кабинет. Покрутив огромный глобус, он показал все пункты, где распространяются неонацистские газеты. Оказывается, повсюду, где живут немцы: в Швейцарии, Парагвае, Чили, Бразилии, Аргентине, на Ближнем Востоке, в Гонконге. Он явно гордился успехом двух своих газет: «Нувель Альманд» и «Смзн Альманд», которые он продает в количестве пяти миллионов в год. Герр Шюц не меньше хвастался и своими издательствами «Прессе-ферлаг», которые подверглись разгрому во время первой книжной ярмарки во Франкфурте в знак протеста против неонацизма.

Я ненадолго задержался у издателя: мне предстояло еще встретиться с Отто Гессом, членом президиума НДП и его ведущим оратором. В эпоху национал-социализма Гесс был офицером СА и комендантом района. После разгрома фашистской Германии он окопался в Немецком союзе бывших военнослужащих. Гесс был одним из руководителей организации ХИАГ, объединявшей бывших офицеров СС.

Что же удивительного в том, что давнишний нацист Курт Георг Кизингер стал федеральным канцлером?

Я был предупрежден об этом еще за полгода до его избрания. Мой старый друг д-р Штрассер, хорошо разбиравшийся в делах нацистской партии и ее издателей, предостерег меня в своей маленькой двухкомнатной квартире в Мюнхене: «Вот увидите, мой дорогой, что нашим будущим федеральным канцлером будет не кто иной, как бывший сотрудник Геббельса и Риббентропа, адвокат Курт Георг Кизингер, нынешний премьер-министр земли Баден-Вюртемберг. Как только он обоснуется в Бонне, неприкосновенность всех бывших эсэсовцев и гестаповцев можно считать обеспеченной. Уже сейчас работа центра по денацификации в Людвигсбурге не что иное, как отвратительный фарс».

---

[1] Аман был издателем газеты «Фёлькишер беобахтер»— центрального фашистского органа.

Как видим, пророчество Отто Штрассера сбылось.

Кто же он, Курт Георг Кизингер, вплоть до 1970 года определявший судьбу наиболее промышленно развитой и самой богатой страны в Западной Европе? В 1940 году гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп взял Кизингера к себе. С 1941 года Кизингер — шеф одной из административных служб — отдела «В» — и член административного совета «Интеррадио», ведомства по радиопропаганде, основанного Геббельсом и Риббентропом. Чтобы опровергать «слухи» о совершавшихся массовых убийствах мирных граждан, польских, советских и югославских пленных, Кизингер посещал «образцовые лагеря», специально предназначенные для иностранных журналистов. В 1943 году он становится заместителем шефа управления международных связей нацистского радио.

Так он стал движущей силой огромной организации «по промыванию мозгов», сфера влияния которой простиралась на три четверти земного шара и которая с помощью восемнадцати радиовещательных станций круглосуточно распространяла гнуснейшую нацистскую ложь. В те времена неутомимый Кизингер столь же активно занимался и «арнезацией» некоторых независимых радиостанций, вещавших по-французски, таких, как «Радио Андорра», «Радио Монте-Карло» и «Радио-Ситэ». Деятельность Кизингера была настолько эффективной, что в 1948 году Гелен основал в Пуллахе полуофициальную службу радиовещания на страны Востока, скопированную с системы, разработанной Кизингером. Нет ничего удивительного в том, что Гелен выбрал в качестве офицера связи с тремя радиостанциями, установленными на территории ФРГ и финансируемыми ЦРУ, бывшего эсэсовца Петера Фишера, который станет первым экспертом по радиопропаганде в Пуллахе. Отношения канцлера Кизингера и генерала Гелена могли служить образцом теснейшего сотрудничества.

С приходом Кизингера на пост федерального канцлера для военных преступников и ветеранов эсэсовской мафии действительно наступил «золотой век». Дух «товарищей по оружию», старых сообщников в черных мундирах со свастикой, господствовал во всех государственных учреждениях, он проник и в юридические службы ФРГ. Однако широкой публике было мало известно о прошлом этого высокого фатоватого субъекта с седой шевелюрой до того момента, когда никому не известная молодая немка по

имени Беата Кларсфельд отвесила ему звонкую пощечину, которая взбудоражила ночных редакторов всех крупнейших европейских газет. Эхо этой пощечины разнеслось по всей Германии и далеко за ее пределами. Юная Беата многим открыла глаза... На следующий год 100 тысяч молодых немцев будут помнить об этом мужественном поступке, когда явятся на избирательные участки. Нет, новая Германия вовсе не была так пассивна, как о ней говорили...

Прошли годы, и неонацисты снова подняли головы. И вновь раздался голос, который нарушил заговор молчания в Западной Германии. То был голос бывшего канцлера ФРГ Вилли Брандта, председателя социал-демократической партии. «Наши ультраправые,— заявил В. Брандт,— открыто носят нацистские регалии и нагло превозносят расовые теории». Вилли Брандт призвал к порядку в том числе и тех, кто хвастливо объявлял себя оплотом западногерманской демократии. Он обращался и к деятелям собственной партии, среди которых были и те, кто мало чем отличался от ХДС.

Его предостережение получило официальный отклик. Совсем недавно, по случаю 1 Мая, Вернер Майхофер, министр внутренних дел ФРГ, открыто признал усиление неонацизма в ФРГ и подтвердил, что его угроза столь же велика, как и опасность, исходящая от ультралевых террористов. Насилие, к которому они прибегают, и растущее число их публикаций настоятельно требуют того, чтобы их действия находились под постоянным контролем.

Это показало, что в Федеративной Республике Германии есть силы, способные задуматься над своим прошлым, чтобы сберечь свое будущее.

Глава VII

«Неприкасаемые» преступники

В любой мафии существуют кланы. Скольким «крестным отцам» преступных синдикатов удалось избежать кары правосудия! Сколько жизней принесено ради этого в жертву, во имя этих кланов! Охраняемая влиятельными силами каста главарей мафиози беспрепятственно вершит свои кровавые дела.

Посмотрев однажды замечательный телефильм моего друга Армана Жаммо «Досье экрана», я решил записать вопросы телезрителей. Речь шла о самой выдающейся фигуре французского Сопротивления. Во время оживленного обсуждения много было сказано о потрясающей стойкости Жана Мулена в его борьбе против фашизма. Однако если выступления некоторых участников дискуссии были, что называется, на высоте, то вопросы многих французов, собравшихся перед телеэкранами, мне показались совершенно оторванными от жизни и аполитичными. Выдающийся герой пал жертвой мафии с эмблемой «Мертвой головы», а обыватели осведомлялись о его личных пристрастиях.

Никто, буквально никто не задал такой вопрос: а что делается для того, чтобы покарать его убийцу? Чтобы взять за шиворот изворотливого гауптштурмфюрера СС, который с семьей безмятежно живет в роскошном квартале Ла-Паса с боливийским паспортом в кармане? Неужели французская общественность уже забыла усилия Беаты Кларсфельд, направленные на то, чтобы заставить правительство Боливии выдать этого палача и выгнать его из страны, названной в честь великого освободителя Боливара? Президент Помпиду лично занимался делом Барбье, досье которого он держал у себя на столе.

Речь идет о Клаусе Барбье. Вот перечень обвинений, выдвинутых против Барбье: арест 14 311 бойцов Сопротивления; участие в 4342 убийствах; отправка в Освенцим 8 тысяч евреев; истязание Жана Мулена, арестованного 21 июня 1943 года в Калуире и замученного лично Барбье. Приговоренный заочно к смерти военным трибуналом Лиона 25 ноября 1954 года, Клаус Барбье подвергся непродолжительному допросу боливийской полицией. В 1974 году в возрасте шестидесяти четырех лет он продолжал играть в теннис и заниматься экспортно-импортными операциями с Европой. По воскресеньям этот преступник отдыхал, время от времени показывая внукам Железный крест 1-й степени и шпагу, которую получил вскоре после того, как заточил Жана Мулена в подземный каземат.

В эсэсовской мафии каста главарей кичится тем, что сохраняет в своих рядах такого «полезного» человека, как Барбье. «Полезным» его называет неонацистская пресса. Среди «полезных» был, несомненно, и Адольф Эйхман, схваченный мстителями «желтой звезды». Но есть и другие немцы в ФРГ, которые спокойно живут, так и не ответив за свои злодеяния. При случае они даже похваляются этим.

— Мы «неприкасаемые»,— утверждал смеясь один из них в Розенгейме 16 октября 1971 года.— Само германское правосудие не трогает нас.

Эти слова, полные злорадства, сопровождали обильные возлияния на встречах 300 бывших офицеров дивизии СС «Дас рейх». В холле гостиницы «Интальхалле» в Розенгейме собрались бывшие убийцы Орадура, два эсэсовских генерала, придумавший название «неприкасаемые» некто Герман Бух, бывший адъютант Генриха Гиммлера и брат Герды Борман, супруги хозяина НСДАП. Как признался один из них: «Мы хотели собраться гораздо раньше, но выжидали, пока Франция покончит с этими идиотскими историями, с помощью которых она пыталась положить нас на лопатки».

Итак, бывшие эсэсовцы из числа наиболее виновных вновь сколачивают свои ряды. Они получают большие пенсии от боннского правительства, пользуются помощью адвокатов-советников, членов многочисленных обществ, само существование которых является оскорблением памяти миллионов жертв нацизма.

Список «неприкасаемых» весьма обширен. Прошлое некоторых из включенных в него время от времени бросает мрачный отблеск на события наших дней.

...Утро 1960 года на одной из улиц буржуазного квартала Заксенвальда в пригороде Гамбурга. По бледному небу мчатся серые тучи. В конце улицы замер гул мотора. Человек в кровати повернулся, натянув на голову одеяло. На этот раз он собирался уснуть спокойно, без кошмаров, однако снова вскочил, когда фрау Бест, его квартирная хозяйка, отодвинула засов входной двери. Затем раздались три удара в дверь. Сон как рукой сняло. Стук раздавался с определенными промежутками. Удары становились сильнее и настойчивее.

— Криминальная полиция... Откройте!

Человек вскочил с кровати, натянул брюки и бросился к комоду, где прятал свой маузер. Но дверь уже взломали...

— Карл Нейман, вы арестованы! Бесполезно скрывать ваше настоящее имя: вы Рихард Баер, бывший комендант концлагеря Освенцим. Нам известно, что с 1946 года вы скрываетесь в нашем районе под вымышленным именем.

— Вы выиграли партию. Я действительно Рихард Баер. Но я являюсь также немецким офицером и требую, чтобы со мной обращались согласно моему чину.

С наручниками на запястьях, уже на лестнице, палач Освенцима попытался вернуться назад. Он хотел бы захватить с собой некоторые личные вещи. Особенно он сожалел о канарейке, которой лечил сломанную лапку. Фрау Бест слезно умоляла полицию: «Человек, который так любит животных, так ласкал маленького Фрица, не может быть преступником».

Фрау Бест не знала его прошлого.

3 мая 1945 года рейхсфюрер СС Гиммлер собрал в Ганновере уцелевших палачей Освенцима и Треблинки и объяснил им: «Все разваливается, как карточный домик. Смешайтесь с солдатами рейхсвера, которых насчитывается около миллиона в земле Шлезвиг-Гольштейн. Что бы ни случилось, вас нелегко будет найти. Вы будете среди

своих соотечественников, гражданское население поможет вам».

Рудольф Гесс, первый палач Освенцима, назначенный в 1942 году генеральным инспектором лагерей, выполнил последний приказ своего шефа. Он превратился в моряка по имени Франц Ланг и после нескольких месяцев, проведенных в британском лагере для интернированных, завербовался сельскохозяйственным рабочим на свиноферму близ Фленсбурга. Английским властям понадобился год, чтобы обнаружить его. После этого его выдали Польше, где он был повешен 15 апреля 1947 года прямо на месте его злодеяний.

Приятелю Гесса, окрещенному Бергером, удалось скрываться пять лет в местечке Хазенмоор, земля Шлезвиг-Гольштейн, где он был сельскохозяйственным рабочим, посещал местную пивную, завел новых друзей. Казалось, он был счастлив, сожительствуя с весьма дородной вдовой. Только через пять лет он был арестован под своим настоящим именем — Эрих Кох, гитлеровский наместник на Украине. Один из самых зловещих садистов фашизма, ответственный за смерть 375 тысяч невинных людей.

Кара настигла его.

Штурмбаннфюрер СС Рихард Бар получил «отсрочку» казни на пятнадцать лет. А сколько других эсэсовских убийц все еще на свободе! Согласно официальной статистике британской зоны оккупации, в период с мая 1945 по март 1946 года членами НСДАП было заполнено 722 549 формуляров опроса, 89 607 нацистских функционеров отстранены от работы в государственных органах. В американской зоне оккупации поначалу было решено действовать по всей строгости: тогда американские офицеры, посещавшие Дахау, надевали противогазы, чтобы не дышать запахом трупов и горелого мяса, витавшим над лагерем. То же приходилось делать и автору этих строк.

Все население Западной Германии обязано было заполнять формуляры. Однако уже к 1 января 1946 года 141 070 законченных нацистов были отпущены на свободу, 134 889 из них тут же были приняты на гражданскую службу. Между 1946 и 1948 годами многие гражданские представители американской администрации, приехавшие из Вашингтона, подавали в отставку в знак протеста

против непоследовательной работы по денацификации, проводившейся в американской зоне.

Преподаватель американского университета, направленный представителем гражданской администрации в маленький баварский городок, признался мне в душном железнодорожном купе:

— Я еду в Берлин, чтобы вручить лично американскому Верховному комиссару мое прошение об отставке. Бездеятельность военного персонала, когда речь идет о розыске и предании правосудию военных преступников, становится невыносимой. Немало американцев отдали жизнь в этой войне, защищая демократию и борясь против нацизма, а через два года после ее окончания мы присутствуем при его возрождении. Вы не поверите мне, но мой шофер — настоящий нацист, мой повар — тоже! Оба секретаря в моем отделе — «серые мыши», проходившие обучение в «коричневом доме» в Мюнхене, а следователь в моем собственном ведомстве по денацификации не скрывает, что был секретарем чрезвычайного трибунала, учрежденного Гиммлером в 1944 году, и членом НСДАП с 1929 года. Десять миллионов формуляров, которые мы распространили среди населения, не дали практически ничего. Это насмешка, нелепый фарс, разыгранный деятелями из Вашингтона.

Мое внимание привлекло дело д-ра Фрица Заваде, невропатолога и заведующего одним из отделений госпиталя во Фленсбурге. Под личиной шестидесятилетнего именитого медика, уважаемого обитателями квартала, скрывался штандартенфюрер СС Вернер Хайде, последователь эвтаназии, проводивший свои опыты над тысячами узников лагерей смерти.

Хайде входил в псевдонаучную медицинскую комиссию под патронажем СС, в которой участвовали: личный врач Гитлера д-р Морель, гауляйтер Боухлер, ординарец Гиммлера Брандт, шеф нацистской службы национального здравоохранения д-р Конти, а также профессора Шрёдер и Шуман.

Сразу после краха нацизма Морель, Конти и Боухлер покончили с собой, а Брандт и Шрёдер были повешены. Хайде же удалось бежать из тюрьмы в Вюрцбурге. Он укрылся на ферме в Шлезвиг-Гольштейне под видом сельскохозяйственного рабочего. Вскоре благодаря своим

познаниям в хирургии он начал оказывать услуги окрестным крестьянам в качестве ветеринара.

Через некоторое время Хайде возобновил связь со старым знакомым д-ром Францем Шлегельбергером, который сумел избежать денацификации и благополучно жил во Фленсбурге. Лестная рекомендация последнего его близкому другу и прокурору земли Шлезвиг-Гольштейн оказала нужное действие. В результате, снабженный новым удостоверением личности и дипломом на имя некоего д-ра Заваде, нацистский преступник Хайде заимел частную практику терапевта в самом центре Фленсбурга. Вскоре мэр города назначил его руководителем муниципального бюро социального страхования. Хайде-Заваде чувствовал себя там весьма уверенно, добившись репутации «блестящего сотрудника».

После ареста Хайде и во время следствия, тянувшегося до 1964 года, было установлено, что два десятка судей и служащих судебного ведомства земли Шлезвиг-Гольштейн знали, что имели дело с известным убийцей. Либеральные журналы, также включившиеся в расследование, не только обвиняли д-ра Босса, прокурора земли Шлезвиг-Гольштейн, в том, что он покровительствовал Заваде, но и указывали, что сам премьер-министр земли фон Хассель, бывший министр обороны ФРГ, был в курсе дела Заваде.

«Скандал в Шлезвиг-Гольштейне» широко обсуждался общественностью ФРГ, когда достоянием гласности стало еще одно подобное дело: д-р Герта Оберхойзер, матерая нацистка, официально приговоренная к двадцати годам тюрьмы за участие в опытах по умерщвлению несчастных девушек — узниц концлагерей и неоправданно отпущенная на свободу после восьмилетнего заключения, тоже обосновалась в Шлезвиг-Гольштейне. Вскоре после приезда туда она также получила разрешение открыть свой кабинет. Власти не только оказывали ей покровительство, как и в случае с Заваде, она удостоилась активной поддержки профессора Вернера Кателя, известного педиатра и невропатолога, который, по сообщению печати, в свое время специализировался на отборе больных детей для умерщвления. Как видим, это отнюдь не помешало ему руководить детской больницей в Киле...

Перечень скандалов с бывшими военными преступниками, укрывшимися в Шлезвиг-Гольштейне, был бы не полным без упоминания бургомистра Вестерланда

на острове Зильт в Северном море, где находился образцово поставленный бальнеологический курорт. Этот с виду симпатичный чиновник, с широкой улыбкой пожимавший руки своих сограждан и с помпой принимавший звезд театра, приезжавших отдыхать на Зильт, был обергруппенфюрером СС Гансом Рейнефартом, широко известным палачом, жестоко подавлявшим восстание в Варшаве. Согласно польским официальным данным, на его совести смерть более 200 тысяч варшавян. Был ли арестован эсэсовец Рейнефарт и предан суду после разоблачения в прессе? Нет. Опекаемый генеральным прокурором Фленсбурга Эрихом Бирманом, тем самым, который замял дело Хайде-Заваде, бургомистр Вестерланда выставил свою кандидатуру на местных парламентских выборах земли Шлезвиг-Гольштейн в 1958 году. Он был избран по списку Союза изгнанных и после этого обрел неприкосновенность, согласно правилам... парламентской демократии. Вот лишь несколько конкретных случаев, которые были преданы забвению. Подобных дел сотни, одни замяты, другие находятся в стадии расследования уже более двадцати лет.

Октябрь 1973 года, Гамбург. Под покровом густого желтоватого тумана я вошел в здание, где помещалось бюро генерального прокурора Зеелера.

Только что разразился новый скандал. «Бухгалтер геноцида» Бруно Штрекенбах должен был, согласно сообщениям газет, вскоре сесть на скамью подсудимых и получить самое тяжкое наказание. По предположениям сотрудников прокуратуры, процесс Штрекенбаха должен продлиться не менее двух лет. Сотни свидетелей должны предстать перед судом. Дело Бруно Штрекенбаха, семидесяти одного года, ныне незначительного служащего, должно было занять первые страницы газет. Ведь он виновен в смерти почти миллиона человек. «Промышленник смерти» — вот кто он.

У себя на Принц-Альбрехтштрассе, в комнате на третьем этаже, окна которой выходили на берлинский Тиргартен, Штрекенбах вынашивал планы истребления населения на огромных территориях, равных по площади Франции, Бельгии и Голландии, вместе взятым. Задача, поставленная перед ним его шефом Гиммлером, заключа-

лась «всего-навсего» в уничтожении 30 миллионов жителей Украины и Белоруссии.

Что же стало с этим монстром геноцида? Во время процесса он пользовался условной свободой, поскольку прокурор не допускал и мысли о возможном побеге этого солидного «отца семейства», который приговаривал, опустошая пивные кружки: «Несчастье побежденным...» Бруно Штрекенбах спокойно дожидался в своей квартире на окраине Гамбурга окончания дела. Оно началось в 1955 году. В 1961 году его посадят в тюрьму... на четыре месяца, чтобы допросить, а затем снова выпустят. Прокурору Гансу Иоахиму Зеелеру понадобится двенадцать лет, чтобы произвести следствие по его делу! Увы! Его ведомство перегружено работой... Сорок девять дел, касающихся военных преступников, находились в стадии расследования, 700 свидетелей ожидали, когда им предложат дать показания.

На деле судьи делали все, чтобы помочь... преступникам. В Гамбурге, где я проводил свое расследование, будучи журналистом, несколькими месяцами раньше состоялся процесс над палачом Варшавы Людвигом Ганом. Этот бывший шеф гестапо и СД в Варшаве был приговорен 5 июня 1973 года к двенадцати годам заключения за соучастие в убийстве. Однако он вскоре был выпущен на свободу под предлогом «плохого состояния здоровья». Этому убийце было лишь предписано каждую неделю являться в полицию для отметки. Люди ежедневно ходят на работу. И куда проще ходить раз в неделю на каких-нибудь полчаса...

А сам полицейский контроль проходит запросто, «по-семейному». Автор этих строк может судить об этом по разговору, которому был свидетелем, между унтер-офицером 15-го полицейского участка в Штутгарте и неким Лейббрандом, который в 1944 году отдал приказ уничтожить тридцать ни в чем не повинных итальянцев и теперь должен был «отмечаться» в течение периода условного освобождения в 1963—1964 годах.

— Какой позор! — воскликнул караульный.— Вас, герр профессор Лейббранд, заставили дать подписку, как какого-нибудь злодея! Вас, бывшего офицера с многочисленными наградами! Выдающегося человека! Бедная Германия, как она изменилась!..

Ган в свою очередь был обвинен в том, что «приказывал или допускал» убийство узников тюрьмы в Варшаве.

Этот процесс продлился год, и прокурор потребовал по 47 пунктам обвинения пожизненного заключения. (В ФРГ нет смертной казни.) Однако в 1969 году все еще продолжалось очередное, одиннадцатое по счету, расследование с целью определить ответственность бывшего гестаповца за отправку тысяч польских военнопленных в Освенцим и Майданек. Суд Гамбурга сослался на «неубедительность свидетельских показаний, представленных по прошествии стольких лет».

Одновременно с Ганом перед судом предстал его помощник, эсэсовец Томас Виппенбек, тоже шестидесяти пяти лет. Он был приговорен к двум годам тюрьмы «за простое соучастие», но поскольку Виппенбек только «подчинялся приказам», он был освобожден от отбывания срока...

Эсэсовец Хорст Вагнер, бывший сотрудник Гиммлера и Эйхмана, с 1958 года «ждет» приговора суда в Эссене. Он обвиняется в истреблении 356 664 русских, поляков, евреев, греков, французов, венгров, голландцев, датчан, итальянцев, которых он отправил на фабрики смерти в Треблинке, Майданеке, Берген-Бельзене, Освенциме и др. Адвокат Вагнера добился отсрочки суда, ссылаясь на «слишком слабое» здоровье своего клиента. Один за другим специалисты-медики спешно направляли пространные медицинские заключения секретарю суда: отоларинголог, офтальмолог, ортопед, психиатр, психоаналитик... Среди них не хватало только заключения специалиста по педикюру.

Дело было отложено до июня 1971 года. Год спустя, 26 мая 1972 года, за три дня до начала процесса, Вагнер перенес операцию на правом глазу. Заседание суда вновь было отложено. В июле 1972 года, после четырнадцати лет следствий и экспертиз, процесс был снова отсрочен. Что случилось на этот раз? Повреждение позвонков. Пациент терпел адские боли в области четырнадцатого и пятнадцатого позвонков. 24 августа того же года Вагнер лег в клинику для операции.

«Бедный» Вагнер! Он по-прежнему на свободе и окружен заботами сиделки, которая приходит к нему домой в Эркрате, пригороде Дюссельдорфа.

9 февраля 1942 года. Древний Краков. В камине роскошной резиденции гитлеровского генерал-губернатора в Польше потрескивает огонь. Снег застилает окна.

Генерал-губернатор Франк принимал в тот день име-

нитого гостя. Радушным жестом он предложил ему сесть в огромное кресло перед камином XIV века, украшенным дорогим фаянсом и золотой инкрустацией. «Именитым» гостем был сам рейхсфюрер Гиммлер, сопровождаемый восемью адъютантами и функционерами с Принц-Альбрехтштрассе, державшимися на почтительном расстоянии. Среди них Вагнер, недавно переведенный из ведомства Риббентропа в РСХА, подчиненное Гиммлеру.

— Вы требуете слишком многого, герр рейхсфюрер! — сразу же приступил к делу Франк.— 300 тысяч поляков! Месяц назад, во время визита шефа еврейского сектора оберштурмбаннфюрера Эйхмана, я уже представил некоторые оговорки на этот счет.

— Знаю, Эйхман говорил мне об этом,— отрезал Гиммлер.

— Герр рейхсфюрер, в Берлине у вас свой стиль работы. Здесь, в Польше, мы должны приспосабливаться к местным условиям и действовать методично. Мы умеем быть жесткими. Однако польский резервуар, который доверил мне фюрер, не так уже неистощим. Боюсь, что, если слишком натягивать веревку с повешенным, она может оборваться. Все министры в Берлине требуют от меня рабочей силы и сырья. В нашей войне против России Польша должна сделать невероятное усилие, я это знаю. Но так ли уж необходимо поставлять Эйхману то огромное количество поляков, которое он от меня требует? И похоже, только для того, чтобы не пустовали 2-й и 3-й блоки, построенные для его «специальной операции»?

Франк сделал легкий жест рукой, встал, прошелся по круглой комнате, приблизился к окну, откуда можно было окинуть взглядом мощеную площадь, где патрулировал отряд эсэсовцев. Ночной пейзаж под белым саваном...

— В конце концов, берите людей, которые вам нужны, герр рейхсфюрер. В Берлине виднее, что нужно делать. Я уже говорил Эйхману: я умываю руки. Мой доклад Шпееру и в министерство экономики будет отправлен завтра. Мне трудно поставить тысячи человек одновременно для блоков и для военных заводов.

Перед тем как покинуть Франка, Гиммлер представил ему своего помощника Вагнера, который будет связующим звеном с Эйхманом. Этот усердный функционер должен был запустить административную машину, кото-

рая по требованию Берлина сортировала бы людей в четырех концлагерях, находившихся в ведении РСХА. Уезжая из Кракова, Гиммлер выглядел довольным. Теперь представлялось возможным ускорить истребление поляков, не считая 30 тысяч русских пленных, а также евреев, судьба которых была решена. Геноцид в отношении славян, которого требовал фюрер, развертывался намеченными темпами. Соседство поляков не должно было мешать «тысячелетнему рейху» в будущем.

Как этого достигнуть? Сначала превратить их в «рабочих рабов», по выражению Гиммлера. Надзор должен осуществляться СС, а организацией работы будет руководить Германский трудовой фронт. Разработанная программа предусматривала следующее: евреи исчезают после двух лет работы в пользу рейха. Поляки могут жить от пяти до десяти лет, то есть в течение времени, необходимого для обоснования в польских провинциях, входящих в немецкое жизненное пространство, достаточного числа немецких колонистов. Исходя из этого принципа, нужно было «научно» рассчитать рацион питания, чтобы жизнь «рабочих рабов» не продлилась дольше установленных сроков.

Как видим, у Вагнера было много работы.

Закат печально освещал купол собора святого Петра. Над Вечным городом нависла тревога. Многие римляне не спали, зная, что им придется иметь дело с карабинерами.

На улочках Трастевере активисты складывали пачки листовок и развертывали транспаранты. Их манифестация должна была начаться в 11 часов утра. Не закончится ли она потоками крови, как грозили ультраправые?

У меня на душе тоже было неспокойно. В этот день, 14 ноября 1976 года, я рано вышел из отеля и направился в рабочие кварталы. Я смотрел на итальянцев иными глазами: беременные женщины, шустрые мальчишки, резвившиеся под развешанным старым бельем, группы людей, крепко державших свои знамена. Ни возгласы, ни дуновение ветра не нарушали это предгрозовое затишье. Я окликнул шофера такси и попросил его отвезти меня на Корсо.

Нас остановила толпа людей, шедших впереди колонны. Они откликнулись на призыв участников антифашист-

ского Сопротивления, бывших узников гитлеровских концлагерей. Надписи на плакатах гневно осуждали «скандальное дело Капплера». Людской прилив, затопивший все вокруг, возбужденно шумел. Старики с загоревшими лицами и седыми волосами, люди помоложе, новесившие на грудь или державшие в руках фотографии членов своих семей, затянутые черным крепом. Их родственники были убиты эсэсовцем Капплером 24 марта 1944 года в Адриатинских пещерах.

Я держал в руке газету, заголовки которой отражали гнев итальянского народа: «Бони требует, чтобы Италия помиловала Герберта Капплера», «Палач собирается покинуть военный госпиталь в Целио, чтобы закончить свои дни в роскошном германском особняке».

Десять тысяч манифестантов двигались к центру столицы. Мэр Рима Джулио Арган шел в первых рядах. Он заявил прессе, что недопустимо «хоронить во второй раз» 335 невинных людей, убитых СС.

Туман разорвала сирена... Урча моторами, приближались полицейские машины. Карабинеры, явно смущенные тем, что их заставили обрядиться в каски и вооружиться автоматами, чтобы преградить путь мирной демонстрации, отправились обратно в свои казармы. Несколько полицейских джипов остались у госпиталя в Целио, перед которым молча стояли последние манифестанты. Длинное полотнище символически загораживало подход к зданию. Надпись гласила: «Палач Рима не выйдет отсюда живым».

Через некоторое время я оказался в устланных коврами коридорах отеля. Пытаясь утешить иностранца, бармен поспешно сказал:

— Какой досадный день для туризма, месье. Вместо того чтобы отказывать немцам в выдаче какого-то старикашки, умнее было бы взять у них взаймы.

Я едва сдержал негодование. Два года спустя, когда ни в чем не раскаявшийся оберштурмбаннфюрер ускользнул ночью из Целио[1], меня охватил тот же гнев. В течение нескольких месяцев эсэсовец наслаждался роскошным отдыхом в Гессене под охраной вышколенных и предупредительных телохранителей из местной полиции.

[1] Один из депутатов итальянского парламента — некто М. Аккаме — позднее разоблачил роль, которую сыграли в организации его побега пособники — офицеры корпуса карабинеров, тайно руководимых итальянской разведслужбой.

Он умер 9 февраля 1978 года — через тридцать четыре года после своего злодеяния. Его смерть опечалила «добрые души» не только за Рейном, но и в самом Риме, где перед двумя десятками бывших «товарищей по борьбе» из ударных фашистских отрядов была тайно отслужена заупокойная месса прелатом, говорившим по-немецки.

Какими только тайнами не владеют германофилы Рима? Становится известной закулисная роль, которую играл с мая 1945 года монсеньор Алоис Худал. Настоятель немецкой церкви в Риме не смог бы обеспечивать охрану, давать кров и пищу нацистским преступникам, если бы не пользовался поддержкой высоких покровителей.

Тягостные воспоминания об убитых в Адриатинских пещерах напоминают о существовании темных связей между главарями СС и некоторыми прелатами: кардиналами Фюрстенбергом и Вольми, монсеньором Антензана, архиепископом Ла-Паса, и другими. 335 убитых итальянцев — все они были паствой Пия XII, который и по отношению к Риму — верховный священник.

Очевидно, Пий XII никогда не забывал, что́ сказал Гитлер в 1942 году: «Если Ватикан будет раздражать меня, то я разрушу его пинком ноги так же легко, как муравейник...»

Как видно, Пий XII не смог набраться смелости, например, в связи с убийством в Адриатинских пещерах и вслух сказать об ужасах, творимых под прикрытием флага со свастикой. И разве не должен был он после войны удалить из Ватикана ничему не научившихся пособников преступной мафии СС из числа своих священников?

Глава VIII

По следу Эрико Райа

Продолжая поиски сведений, касающихся эсэсовских главарей, я в апреле 1963 года по поручению газеты «Пари-пресс» разыскивал уютное швейцарское шале. Там жил Эрих Райакович, некогда правая рука Эйхмана. Бывший гауптштурмфюрер СС, матерый палач, в свое время хваставшийся тем, что превзошел всех в «радикальном решении еврейской проблемы».

Узкие дороги вдоль северного берега озера Лугано замедляли скорость моей машины с откидным верхом. Я наслаждался тем же мягким солнцем, лучи которого покрывали загаром породистое лицо убийцы Анны Франк — еврейской девочки, ставшей всемирно известной благодаря своему «Дневнику».

Я осмотрел зажиточные кварталы между Моркотом и Мелидой. Жители в один голос говорили, что не знают адреса д-ра Эриха Райаковича. Я начал подозревать, что мои коллеги в миланской газете «Джорно» забыли в спешке телефонных переговоров сообщить мне необходимые подробности. А ведь именно из Милана, точнее, из бюро генерального прокурора Ломбардии, в прессу поступило сообщение о том, что «бывший гауптштурмфюрер СС Райакович, разыскиваемый голландскими органами правосудия, недавно покинул миланскую контору, направляясь, очевидно, в свою вторую резиденцию, расположенную на берегу озера Лугано...».

Я уже пересек дорожную эстакаду в Мелиде и попал в последнюю деревушку, Пуджерну, расположенную высоко в горах. Возле фонтана, где пили воду коза с козленком, старый швейцарец охотно разговорился со мной. На нем была шляпа с широкими полями, какие носят швейцарские пограничники. По его словам, он лично знал многих эсэсовцев. Он говорил:

— Это было в 1944 и 1945 годах там, на склоне. Пуджерна находится на гребне горы между Италией — в то время неофашистской республикой Сало — и крошечным итальянским анклавом Кампионе, на берегу озера. Вы никогда не слыхали о знаменитом итальянском казино «Кампионе», расположенном внутри Конфедерации? В те времена Муссолини замышлял карательную экспедицию против мэра и крупье казино «Кампионе», которые стали на сторону союзников. С помощью батальона стрелков пограничники должны были помешать проникновению на нашу территорию итальянских эсэсовцев, осуществлявших карательную акцию. Сидя наверху в караулке, я видел, как в десяти метрах от швейцарской границы несчастных беглецов беспощадно косили автоматные очереди. В феврале 1945 я видел, как эсэсовцы 29-й дивизии СС «Италия» насиловали и пытали двух молодых югославских женщин. На следующий день они сожгли их трупы. После этого ужасного события нашим стрелкам был на восемь дней запрещен выход из казарм. Эта швейцарская часть была особенно настроена против немцев. В ее рядах собралось немало бывалых солдат из Иностранного легиона и горцев из Юры, провоевавших несколько месяцев вместе с маки́ — голлистскими партизанами. Хорошие парни, скажу я вам. Они смело нападали на фашистов, а это причиняло немало хлопот нашим бернским руководителям, заботившимся прежде всего о том, чтобы избежать пограничных инцидентов.

Прервав свои воспоминания, швейцарский солдат вдруг признался:

— Мой зять работает в ресторане при казино «Кампионе». Он знает всех богатых германо-итальянцев в округе. Человек, которого вы ищете, это определенно Эрико Райа, австриец, которого, я уверен, легко узнать. У него стальные голубые глаза, глубоко засевшие в глазницах. Он управляет в Милане международными компаниями и время от времени приезжает сюда поиграть в рулетку. Играет крупно. Мой зять заметил, что он никогда не появляется в «Кампионе» один. И никогда не бывает в компании женщин. Его всегда сопровождают трое или четверо мужчин, моложе его и весьма крепкого сложения. Служители в шутку говорят: «Раджа и его свита». Один местный полицейский попробовал навести о них справки, но безрезультатно. Говорят, эта банда занимается торговлей наркотиками.

В тот же день я встретил в Лугано лейтенанта кантональной полиции, который, тщательно взвешивая слова, сказал:

— Федеральные и кантональные власти запросили министров юстиции и иностранных дел Голландии. С общего согласия было решено немедленно арестовать д-ра Райа, который опознан как бывший эсэсовский офицер Райакович. Мы и так уже держали под наблюдением его самого и его виллу: из Италии до нас доходили различные слухи. Однако дипломатические отношения с Австрийской Республикой, подданным которой он является, не позволяли нам принимать меры против мирного бизнесмена, который исправно платит местные налоги и несколько раз вносил пожертвования в наши спортивные клубы. Федеральный отдел юстиции и полиции объявил ему свое решение о его высылке из Швейцарии через любой участок границы по его выбору.

— И куда он направился? — спросил я.

— Если бы я и знал это, то не смог бы сообщить об этом кому бы то ни было,— патетически ответил лейтенант.— Так или иначе, доктор Райа в этот момент доставлен в какой-нибудь крупный швейцарский аэропорт на полицейской машине...

Всю ночь я ехал на машине по дорогам, от которых кружилась голова. Наутро я оказался в Мюнхене у своего старого друга Отто Штрассера. Благодаря Ренате, моей секретарше, сменявшей меня за рулем, я почти не потерял времени в этой гонке.

Отто Штрассер с любопытством выслушал меня и сказал:

— Я также, как и вы, считаю, что Райакович решил укрыться в Баварии. Вы, конечно, очень хорошо сделали, что приехали сюда. Через час я постараюсь сообщить вам подробности. А пока отдыхайте у меня дома. Ваша охота на крупного нациста, очевидно, изнурила вас...

Отто разбудил нас только к вечернему чаю. Его голубые глаза блестели.

— Пока конфиденциальная новость,— сообщил он,— но этой ночью она станет известна всему миру. Эрих Райакович прилетел сегодня утром в Мюнхен из Цюриха. Он смешался с группой пассажиров, предъявил баварским полицейским австрийский паспорт на имя Эрико Райа, затем взял такси. Никто из немецких властей, повидимому, не догадывается, с кем имели дело чиновники

аэропорта... Вот что меня поражает. Те, кто знаком с тщательной работой бернской федеральной полиции, не могут представить себе, чтобы опа не оповестила боннскую полицию.

— Однако,— возразил я,— как же вы сами узнали, что Райа благополучно прилетел самолетом швейцарской компании и уехал па такси?

— Возражение вполне разумное. По благоприятному и почти невероятному стечению обстоятельств сержант полиции запомнил, скажем так, этого пассажира и даже номер такси, в которое он сел. Немецкая полиция всегда стремится поддерживать свою репутацию.

Через полчаса я поднимался по покрытой блестящим линолеумом лестнице в доме пограничной полиции. Мои попытки добиться приема у шефа Плинсингера оказались тщетными. Улыбающаяся секретарша стала сдержанной, когда я предъявил журналистское удостоверение парижской газеты. Из-за моего безупречного немецкого произношения атмосфера стала еще более натянутой. В моем присутствии, как заметила моя молодая спутница Рената, знающая свое дело секретарша начала односложно отвечать на бесчисленные вызовы, сигналы которых ярко вспыхивали на светящемся табло. Очевидно, такого непрошеного гостя следовало держать в стороне.

Я воспользовался платной телефонной будкой в коридоре, чтобы позвонить Штрассеру. Отто ответил мне: «Вы там ничего не добьетесь. Когда вам надоест, отправляйтесь на Эттштрассе, в пансион, адрес которого я вам сообщу. Все бывшие эсэсовцы, проезжающие через Мюнхен, любят в нем останавливаться. До встречи, дорогой друг...»

Едва я вернулся в приемную, как ко мне подошел служащий. Он с извинениями протянул мне влажную руку, ссылаясь на перегруженность работой в связи с пасхальным конгрессом протестантов. Перед тем как покинуть меня, он сказал:

— Упомянутый Райа Эрико, австрийский подданный, неожиданно прибыл в ФРГ, взял такси и велел отвезти себя в «Байришер хоф», наш лучший отель... Кроме этого, я, к сожалению, ничего не могу сообщить французской прессе, которая публикует столько небылиц о новой германской демократии...

Я отправился в обветшалый дворец, где осенью 1945 года вместе с моими друзьями из Си-ай-си мы до-

прашивали высших офицеров СС, уличенных в укрытии редких художественных ценностей, приобретенных мошенническим путем.

В машине, которую вела исполнительная Рената, я начал перелистывать досье Райаковича.

Молодой адвокат из австрийского города Грац. По первому браку — зять д-ра Антона Ринтелена, бывшего губернатора Штирии, а затем австрийского посла у Муссолини и одного из вдохновителей аншлюса 1938 года, молодой Райкович, несмотря на свою славянскую фамилию, сделал головокружительную карьеру в СС. Опекаемый, как и другие молодые юристы, герром д-ром Гейдрихом, он был вскоре назначен в отдел Эйхмана, что приблизило его к бригаденфюреру СС Вильгельму Харстеру, ответственному за оккупированную территорию Голландии.

Я непременно хотел задать несколько вопросов бывшему исполнителю и идеологу истребления евреев в период войны. Имя Райаковича связано с секретным проектом, большей частью забытым или совсем неизвестным современным историкам,— проектом создания еврейского поселения на равнине Ниско — значительной территории между Варшавой и словацкими Карпатами — местности заболоченной, с плохим климатом. Об унылой равнине Ниско с содроганием писали еще хроникеры времен Наполеона...

На втором этаже дома на Эттштрассе, который мне указал Штрассер, меня встретила улыбающаяся женщина.

— Герр профессор Шмидт сказал мне, что я могу встретить здесь... герра Райаковича.

(Я нарочно упомянул профессора Шмидта: в «вечной Германии» их такое множество!)

— Он как раз ждал кого-то,— ответила она мне.— Несомненно, вас... Но он ушел около часа назад со своей женой Джулианой, захватив два маленьких чемодана. Видимо, он торопился... «Мерседес» с самого утра ждет его...

Мне осталось лишь сфотографировать номер[1] роскошного автомобиля военного преступника. Через четыре дня Эрико Райа прибыл в Австрию. Воспользовавшись интенсивным автомобильным движением, а возможно, и по-

[1] Номера машины M-DW 801.

собничеством полиции, он предстал с высоко поднятой головой, улыбаясь, перед венским судебным следователем. К великому удивлению его самого и его адвоката г-жи Джоан Досталь, он был тут же арестован. Сердобольный суд приговорил его... к двум с половиной годам заключения.

Румяные, дородные и моложавые патентованные убийцы — те самые, которые использовали малолетних девочек в концлагерях как подопытных кроликов, а их старших сестер посылали в бордели для «капо», перед тем как засвидетельствовать истощение и необходимость прибегнуть к «лечению» газом «Циклон-Б»,— средь бела дня разъезжают в «мерседесах» последних моделей, разводят цветы на своих роскошных виллах, играют на аккуратно подстриженных зеленых газонах с белокурыми детишками и внуками.

Несколько раз я, признаться, играл роль шпика. В Шлезвиг-Гольштейне, Ганновере и Баварии я устраивал засады на тихих улицах за изгородью или у ворот из кованого железа, приглядываясь к занятиям и повадкам бывших палачей.

Трижды мне удалось смотреть им прямо в глаза. То было молчаливое противоборство. Обычно они, прищурив голубые или серо-голубые глаза, инстинктивно отводили взгляд в сторону, по исподтишка, боязливо вновь поглядывали на меня с молчаливой ненавистью. Мы никогда не заговаривали. Да и о чем? Однако эту непримиримую конфронтацию можно было бы представить себе в виде такого диалога:

— Итак, герр профессор, вы помните времена, когда были образцовым убийцей?

— О, это было так давно... И к тому же вызывалось потребностями тотальной войны. Мы, немцы, привыкли исполнять приказы наших командиров. Нам приходилось столько сражаться, не правда ли?

— Калечить и убивать детей — такова, выходит, тотальная война?

Такой представлялась мне беседа с профессором Хорстом Шуманом в фешенебельном пригороде Франкфурта-на-Майне, человеком весьма уважаемым окружающими, близким другом известных врачей и высших полицейских чинов, не испытывающим никаких угрызений совести. Этот нацист изменил свой облик. А было так.

К моменту разгрома немцев в мае 1945 года д-ру Шуману было тридцать три года. Он тайно покинул концлагерь Равенсбрюк, где еще не были сожжены его последние жертвы — женщины. Одетый в штатское, с медицинским саквояжем в руке, с фальшивыми документами в кармане синего пиджака, в которых он значился военным врачом, возвращавшимся с Восточного фронта. В израненной Германии 1945 года даже мелкий знахарь мог понадобиться. В течение шести лет Шуман работал по своей специальности на крупном руднике в Бамбеке. На двух леденящих кровь процессах над нацистскими медиками — в 1946 году в Нюрнберге и в 1949 году в Тюбингене — было названо и его имя, была доказана его зловещая роль в качестве бывшего начальника лагерей смерти в Зоннепштайне и Графенеке. Доктор затаился, дождавшись, пока международный скандал постепенно утих. В 1951 году подняла тревогу ГДР: с беспредельной наглостью, всегда ему присущей, Шуман потребовал выписку из муниципальных книг своего родного города Галле, находящегося на территории ГДР. Благодаря попустительству властей он обзавелся паспортом на свое настоящее имя. Теперь он желал обзавестись бумагами, дающими ему право на получение государственной пенсии, а также на оформление разрешения... на охоту. Власти ГДР переслали копию заочного приговора, осуждающего Шумана за военные преступления, оккупационным властям и правительству Федеративной Республики Германии. Прошло всего два года после процесса в Тюбингене — международный скандал мог возобновиться. В данном случае связи «доброго Хорста», столь почитаемого на руднике, могли и не помочь. У юстиции д-ра Аденауэра могло не оказаться выхода.

И Шуман сбежал сначала в Италию, а потом в Египет. О нем снова забыли — до 1959 года, пока один журналист из протестантского журнала «Крист унд вельт» во время поездки в Судан не обнаружил в дебрях Ли-Джубу «соперника» знаменитого д-ра Швейцера, занимавшегося изучением сонной болезни. Молодой репортер ничего не знал о прошлом бедного «отшельника», который оперировал негров в непосредственной близости от границы французской Экваториальной Африки. Он узнал о нем лишь после того, как за публикацией его статьи последовал взрыв негодования. Высокомерный Шуман уже

не считал нужным скрывать свое настоящее имя и спокойно позировал перед фотообъективами...

Только в 1966 году д-р Шуман был выслан в ФРГ. Во время первой явки в суд в 1970 году он симулировал гипертоническую болезнь и был госпитализирован. Привезя из Африки бронзовый загар и рецепты местных знахарей, он умел поднимать свое давление и температуру до желаемых показателей. Однако западногерманское правительство не намерено было отпускать герра доктора, поскольку боннскому министерству финансов пришлось выплатить весьма кругленькую сумму в 10 миллионов марок в качестве возмещения ущерба 1357 гражданам, на которых Шуман практиковал методы стерилизации.

Неудачливый «соперник» д-ра Швейцера во время войны исправно служил вермахту и был замечен благодаря своему рвению. При содействии шефа СС Гиммлера он организовал медицинский штаб специального корпуса, где составлялись «типичные схемы продолжительности жизни» узников концентрационных лагерей. Получив сообщение из штаба СС в Берлине о плане Гиммлера полностью уничтожить население восточных стран, совет по здравоохранению собрал с этой целью тридцать пять врачей. Каждый из них, дававший когда-то клятву Гиппократа, должен был провести отбор среди тысяч детей, женщин и мужчин всех возрастов. Среди этих тридцати пяти палачей, в частности, были доктора Вебер, Халмерсон, Тило, Кёниг, Менгеле, Китт, Эндрес, Клер, Шерте, Стессель, Панжик, Мильхнер, Кауц, Эрлихман, Клауберг, Гейде.

Некий д-р Палух из Института гигиены изложил Эйхману во время его пребывания в Польше «теоретический рацион питания», предусмотренный для евреев и поляков: 1744 калории для рабочих, занятых тяжелым физическим трудом, и 1302 калории для обычных рабочих.

Этот предельно скудный рацион питания был отклонен РСХА как «расточительный». Берлин потребовал сократить его на 15 процентов. Эсэсовское начальство концлагерей, которому вменялось в обязанность реализовывать данный «медицинский план», считало оскорбительным для рейха, если заключенные жили более года... Бригада Шумана также предусматривала использование заключенных в качестве подопытных животных. Вот не-

которые операции, проводившиеся Шуманом: кастрация, удаление яичников, облучение рентгеновскими лучами с целью вызвать злокачественные заболевания и т. д.

Доктора Халмерсон и Эндрес совершали свои ежедневные обходы блоков, насвистывая, и тех, кто имел несчастье как-то помешать их хорошему настроению, они обычно отправляли в газовые камеры. Однажды менее чем за час Халмерсон отправил туда 500 вконец ослабленных заключенных. Узника, предназначенного для ликвидации, помещали в зубоврачебное кресло. Пока двое эсэсовцев держали его за руки, третий завязывал ему глаза и закреплял неподвижно голову. После этого со шприцем подходил псевдосанитар. Он вонзал длинную иглу в сердце и вводил фенол. В большинстве случаев инъекция делалась неумело, и жертва теряла сознание. Тогда ее увозили в соседнее помещение, где приканчивали ударами дубинки... Некоторые из «санитаров» (обычно из числа «капо») сходили с ума. Другие становились маниакальными садистами. Д-р Клер установил «норму» — 500 жертв в день. Когда такого количества не набиралось, он отправлялся в блоки и сам выбирал жертвы, которых силой уводили в «зубной кабинет».

Ликвидировав таким образом поляков, СС готовилась к уничтожению русских военнопленных. Первыми в списке значились коммунисты, политкомиссары и интеллигенты.

Задуманная акция представляла собой сложную дипломатическую проблему, хотя Советский Союз не был участником Конвенции об обращении с военнопленными. В Берлине было решено, что следует тщательно замаскировать эту операцию. Вновь прибывающих в лагерь русских раздевали и помещали в блоки, где даже зимой не топили и можно было «согреться» только теплом обнаженного тела. Затем им выдавали холщовую одежду и — некоторым — башмаки. Экипированных таким образом русских отправляли на работу — строительство дорог. Их нещадно избивали. За малейший перерыв в работе их отправляли в бункер, где, голые, они подчас находились при минусовой температуре. Это завершало процесс ликвидации; советские военнопленные умирали от истощения и холода. В лагере Штрутхоф (в Эльзасе) некий Штивиц устанавливал, двигаются ли еще его жертвы, при помощи раскаленного железного прута. Умирающих приканчивали ударами дубинок.

Советские пленные умирали не в госпиталях, а в бараках. «Медицинской» причиной смерти на 60 процентов были перитонит и пневмония. Это делалось на случай, если последует запрос со стороны Международного Красного Креста. Чтобы завершить этот сюжет, я напомню, что медицинская команда под руководством Хорста Шумана, кроме Штрутхофа, орудовала в таких концлагерях, как Освенцим, Хельмо, Биркенау, Собибор, Майданек, Треблинка, Красник, Катовицы, Дубровник, Кошчежин, Хоров, Торунь, Нове-Място.

Пока я писал эти строки, из моего досье выпал пожелтевший от времени листок. Речь губернатора Франка, произнесенная в 1942 году: «Я открыто заявляю, что несколько сотен польских интеллигентов будут вскоре уничтожены, поскольку мы закончили подготовительный этап нашей беспощадной борьбы. Фюрер приказывает нам ликвидировать все руководящие кадры Польши. Несколько позже мы сократим количество тех, кто останется в живых. Я настаиваю: мы не должны поддаваться никаким эмоциям, если вскоре расстреляют или отправят в газовые камеры еще 17 тысяч человек. Речь идет о жертвах войны. Я напоминаю вам, что все здесь присутствующие числятся военными преступниками в списке, находящемся в сейфе Рузвельта. Я имею честь фигурировать в нем первым...»

Юстиции Франкфурта-на-Майне понадобилось четыре года, чтобы составить обвинительное заключение против Шумана, касавшееся его программы эвтаназии. Несмотря на две тонны изобличающих документов, 82 свидетеля, присутствующих на суде, и 34 письменных показания, ни словом не было упомянуто ни о его программе стерилизации, ни о его «гигиеническом плане» в отношении заключенных Освенцима и Бухенвальда. Когда журналисты осведомились о причинах такой медлительности у судьи Манфреда Шнитцерлинга, они услышали в ответ, что, заваленные сотнями подобных досье, суды просто не имеют времени и возможности, чтобы опросить всех свидетелей.

В случае, если у Шумана ослабла память, автор может порекомендовать ему уцелевшего узника 10-го блока концлагеря Освенцим греческого еврея Давида Шимши родом из Салоник, который служил подопытным кроликом в экспериментах палача-профессора. Вот что сказал Шимши:

— Однажды зимой 1942 года по приказу д-ра Вирца у нескольких женщин были удалены под местным наркозом матки и заморожены. После нескольких таких опытов многие женщины были отправлены в газовые камеры лагеря Бжезинка. Из-за гормональных изменений, вызванных нанесенным увечьем, молодые девушки быстро старели, становясь на вид пожилыми женщинами. Во время медицинского обследования десятка девушек-подростков в возрасте от тринадцати до шестнадцати лет роль зрителя играла важная персона, прибывшая из Берлина. То был оберштурмбаннфюрер Эйхман, который имел обыкновение лично присутствовать при опытах Шумана, имевшего официальное звание медицинского советника.

Один из присутствовавших при этом санитаров рассказал Давиду Шимши, что произошло дальше: «Полдюжины эсэсовцев с эмблемой «Мертвой головы» с презрением рассматривали носилки, на которых лежали несчастные нагие девочки. Распростертые на серых одеялах вермахта, они затравленно глядели огромными глазами, сжав белые губы. Их животы, вздутые от голода, жутко контрастировали с костлявыми бедрами. «Груз для Биркенау готов»,— доложил унтер-офицер СС, стоя на вытяжку перед своим шефом. Тот приказал отобрать тех, кто имел силы подняться, и послать их на короткий срок в бордель для «капо». Остальные будут отправлены в лагерь смерти. Оберштурмбаннфюрер заметил: «Эти девочки выглядели просто старыми... Были ли они вообще когда-то молодыми?» Сержант с услужливой готовностью объяснил, что «таково последствие многочисленных «медицинских опытов» и экспериментов герра профессора Шумана, которые придали им такой старческий вид».

А теперь коснемся дела Альберта Ганцмюллера, который занимал высокий пост в министерстве транспорта «третьего рейха». В его обязанности входило снабжение СС вагонами для скота и грузовиками, в которых обреченных транспортировали в лагеря смерти. Обвиненный в пособничестве геноциду, Ганцмюллер сумел затянуть дело на пятнадцать лет... Причина: его защитник был «перегружен» досье «более важных военных преступников». В своих тирольских кожаных штанах, с огромной пивной кружкой, окруженный родственными по духу

забулдыгами, Ганцмюллер имеет все основания оставаться оптимистом. «Если по моему процессу и начнется расследование,— заверяет он,— то произойдет это не раньше, чем через пять-шесть лет. А за это время многое может измениться, не так ли?»

А вот Иоганнес Тюммлер. Он был шефом гестапо в Катовицах (Польша). Возглавляя чрезвычайный трибунал, он выносил только два приговора: немедленная казнь или отправка в Освенцим. Обвинительные документы доказывают, что он лично отправил на виселицу 658 человек. Как и многие другие, Тюммлер пытается оправдаться отговорками о выполнении приказов и подчинении командирам во время «тотальной войны». 10 июня 1970 года суд в Эльвангене (Баден-Вюртемберг) отказался судить Тюммлера. Вслед за этим суд первой инстанции в Штутгарте отклонил обвинительный акт прокурора. В конце концов его досье было похоронено, поскольку ни следователи, ни адвокат не видели оснований для обвинения этого «бедного гражданина». Получая пенсию, Тюммлер спокойно живет сегодня на своей вилле в Аалене (Баден-Вюртемберг). А его адвокат до сих пор утверждает, что здоровье у Тюммлера неважное.

Однажды бывший юридический советник из США на Нюрнбергском процессе д-р Роберт Кемпнер выступил в газете «Интернэшнл геральд трибюн» с предложением, не лишенным юмора: «Почему бы не открыть частную клинику для господ военных преступников? Средства, необходимые для приобретения участка, могли бы быть заимствованы у одного из руководителей крупного акционерного общества, который недавно внес залог в 750 тысяч марок в ожидании собственного процесса по обвинению в совершенных военных преступлениях». Как все-таки вольготно нацистским убийцам в Западной Германии! Судебный следователь из Гессена уклонился от вызова в суд двух крупных военных преступников — эсэсовцев Фридриха Шульца, шестидесяти четырех лет, и Хартмута Пульмера, шестидесяти шести лет, виновных в убийстве многих тысяч поляков. Какова же причина прекращения уголовного дела? Та же самая — плохое состояние здоровья. В постановлении об их освобождении не хватает только теплых и искренних пожеланий счастливого и заслуженного отдыха на пенсии.

Откуда такое снисхождение? Само германское правосудие далеко не безупречно: многие судьи, постоянно по-

вынаемые в чинах, сами были такими же. Так, судья Эрнст Элерс — оберштумбаннфюрер СС, бывший шеф нацистской полиции в Бельгии, отвечавший за операции по уничтожению мирного населения «на Востоке». Опознанный в 1962 году, когда он был рядовым судьей в гражданском суде земли Шлезвиг-Гольштейн, он оставался на своем посту до 1975 года.

Что касается гауптштурмфюрера СС Фрица Мердше, занимавшего руководящее положение в нацистской полиции и дважды заочно приговоренного к смерти военными французскими трибуналами, то он после 1945 года стал судьей гражданского суда во Франкфурте и одновременно главным редактором юридического издательства «Бекферлаг». По линии «правосудия» он получает солидную пенсию. Словом, живет не тужит.

Отвечая защитникам этих коричневых адвокатов, могу сказать, что у некоторых из них — прошлое законченных убийц. Таков, в частности, один из палачей Варшавы и Треблинки обершарфюрер СС Гейнц Аузрсвальд. Он долгое время был преуспевающим адвокатом. Этот нацист участвовал в депортации 300 тысяч человек в лагеря смерти, а ныне занимает фешенебельный кабинет на Кёенигсаллее, 40, в Дюссельдорфе, имеет великолепный дом в Лохаузене, в привилегированном предместье самого богатого города Западной Германии. Среди его клиентов — магнаты финансовых компаний и промышленных корпораций Рейнской области.

Другой адвокат — берлинец Максимилиан Мертен, чьи преступления в Салониках не забыты греческими патриотами. Он сбежал из Греции в марте 1944 года, увезя с собой огромное богатство, отнятое у его жертв, что обеспечило Мертену безбедное существование в Западном Берлине после войны. Он умер несколько лет назад, завещав своим наследникам значительное состояние, грязно и преступно нажитое, но принятое ими без всяких колебаний.

Каждому свое. В моих руках пухлое досье Эрнста Хейнрихсона, звезды адвокатского сословия в Бамберге (Бавария). Это тот самый Хейнрихсон из парижского гестапо, который убил полковника Андре Рондена, имя которого присвоено новому Дому Радио в память о его работе в качестве военного представителя Национального комитета Освобождения. Когда Хейнрихсону напоминают о его прошлом, он хладнокровно вспоминает о гаупт-

штурмфюрере СС Гансе Дитрихе Эрнсте, своем коллеге, руководившем нацистской полицией в районе Анжера. Он четырежды был заочно приговорен к смерти во Франции — и то ничего; Эрнст и по сей день остается адвокатом в Леере (ФРГ).

Не следует забывать и о шефе гестапо в Тулузе, эсэсовце Карле-Гейнце Мюллере, заочно приговоренном к смерти военным трибуналом Бордо в 1953 году. Под его руководством гестапо в Тулузе проводило массовые казни и пытки участников Сопротивления, отправляя их в концлагеря. Перед уходом в отставку в 1976 году Мюллер занимал высокий пост в Целле (ФРГ).

Такой зловещий и далеко не полный список преступников в черных мантиях, ставших служителями правосудия в Западной Германии.

Глава IX

Человек из Севильи

В немалой степени пополнила историю неонацизма информация, поступавшая из Мадрида.

Начиная с 1945 года военные преступники и «рыцари свастики» стремились пересечь Пиренеи. То был своего рода «дранг нах зюден»[1].

Уже в 1944 году во время тайной встречи в «Мезон руж» в Страсбуре человек № 4 в нацистской иерархии Эрнст Кальтенбруннер взвесил выгоды возможного перемещения эсэсовцев во франкистскую Испанию. И не ошибся: режим Франко до конца своих дней надежно укрывал поборников «тысячелетнего рейха».

Современная Испания стремится обрести новое лицо. Однако ей в большей степени, чем другим латинским странам, необходимо бороться против губительных генов фашизма. Целые банды неонацистов окопались в Мадриде и по всей Испании. Пять мадридских адвокатов, близких к профсоюзному движению, были убиты ультраправыми террористами. Были нападения и без кровопролития, но не менее жестокие. Так, в Барселоне были разгромлены помещения каталонского журнала левокатолического направления «Аджиорнамьенто». Стены его редакции «украсились» огромными знаками свастики. Несколько недель спустя в «Банко Атлантико», специализировавшийся на краткосрочных кредитах, проникли гангстеры в масках, вооруженные револьверами. Они унесли семь миллионов песет. На этот раз уголовная полиция сработала неплохо: после нескольких часов расследования она арестовала штаб группы «Круз Иберика». О ней стоит рассказать.

---

[1] «Натиск на Юг», по аналогии с гитлеровским «дранг нах остен» («натиск на Восток»).— *Прим. ред.*

В начале послефранкистской эпохи в Мадриде была создана группа «Седад». Она существует и сегодня, постоянно напоминая о себе. Наделавшая шуму своим возникновением в качестве организации «нового европейского порядка», она пользовалась содействием некоторых муниципальных советников, назначенных во времена Франко. Многие ее члены открыто носили черные и коричневые рубахи и восторженно выкрикивали имя Адольфа Гитлера.

Постепенно группа «Круз Иберика» утвердилась как неонацистское ядро буржуазной мадридской молодежи. Кроме того, она служила вербовочным пунктом для новичков. Бывшие эсэсовцы, а также несколько прелатов, находящихся в опале у Ватикана, но обладающих немалыми капиталами, задумали ее во время тайной встречи в Севилье, всего лишь десять — двадцать дней спустя после смерти Франко. Платформой «Круз Иберика» стал слегка замаскированный нацизм в сочетании с отрицанием коммунизма, иудаизма, капитализма и масонства. Редактор журнала «Круз Иберика» разгневанным тоном заявил мадридским полицейским, которые стали допрашивать его после ареста:

— Нас поддерживают весьма крупные промышленники Германии и Италии. Знаете ли вы, что в наш совет попечителей входит полковник Леон Дегрель, лучший католик Бельгии?

Это заявление одного из организаторов нападения на католический банк не зарегистрировано в протоколе допроса. Но я подтверждаю его подлинность и хочу напомнить, что НСДАП была создана в католической Баварии и пользовалась поддержкой католиков в Германии.

Услышав разговор о Леоне Дегреле, я почувствовал нарастающий гнев. Подобно Адольфу Эйхману, бывший главарь бельгийского нацизма, предатель своей родины, один из высших чинов в войсках СС и жестокий палач, разыгрывавший из себя добродетельного христианина, он заслуживает самого сурового наказания.

Казалось, его конец наступит в 1961 году. И если в то время эта попытка сорвалась, то здесь не моя вина. «Выдача без суда и следствия», если позволительно такое выражение, потерпела неудачу вследствие оплошностей одного неопытного человека...

О провале я узнал утром 31 июля 1961 года. В приемной редакции крупной газеты, где я ждал своего друга, парижского журналиста, работали два телетайпа. Один передавал новости на французском языке, другой — известия, распространяемые крупным американским телеграфным агентством. В одинаковом ритме оба повторяли последние сообщения из Испании. «Нескончаемое постукивание франкистских кастаньет,— сказал мой приятель.— Пойдем-ка выпьем кофе...» Тут он заметил, что я буквально заворожен движением бумажной ленты. Мои глаза были прикованы к информации, выстукиваемой одним из телетайпов: «Мадрид, 30 июля. Прокурор военного трибунала потребовал длительного тюремного заключения для четырех обвиняемых, признавшихся в том, что они пытались похитить на испанской территории бывшего шефа бельгийской партии рексистов Леона Дегреля. Главные обвиняемые — израильский журналист Цви Алдуби и француз Жак Фейнсон. Двое испанцев из Севильи (где должно было произойти похищение), у которых были найдены компрометирующие документы, будут отвечать за участие в похищении. Названные Алдуби и Фейнсон арестованы 6 июля на пограничном посту Ла-Хункера. Оружие, боеприпасы и подстрекательские листовки изъяты из машины с французским номерным знаком...»

За три месяца до этого я был втянут в необычную авантюру.

Окно моей квартиры распахнулось под порывом весеннего ветра. Не зажигая света, я поднялся, чтобы закрыть его. И тут заметил массивный неподвижный силуэт, темневший на тротуаре напротив. Человек с пышной шевелюрой неотрывно глядел на фасад старинного строения, считавшегося историческим памятником, где я обитал вместе с моими иконами.

Босиком и в пижаме, прислонившись к оконному проему, я наблюдал за незнакомцем. Улочка была такой узкой, что расстояние от незнакомца до моего окна едва составляло четыре метра. Что мог он делать в этот ранний час на пустынной и тускло освещенной мостовой? Наконец, он извлек из кармана клочок бумаги и взглянул на него при свете зажигалки. Внезапно, оглядевшись вокруг, он толкнул входную дверь. Я услышал его тихие шаги на лестнице, затем около моей двери и, наконец, короткий тихий звонок.

Недавние события сделали меня осторожным: шумный процесс над одним немцем, избежавшим денацификации, бесконечные нападки германской реваншистской прессы, наконец, многочисленные угрозы в анонимных письмах и телефонных звонках... Я быстро натянул брюки и сунул в карман браунинг. Звонок прозвенел снова, также тихо.

Скорее из любопытства, чем из бравады, я решил вовсю распахнуть дверь моей квартиры.

— Что вам нужно?

Послышался неуверенный голос, произнесший по-французски с сильным акцентом:

— Вы Александров?

— Да... Но почему вы следили за моим домом? Кто вы?

На этот раз голос ответил по-английски:

— Я только что приехал. Я вам привез письмо от нашего общего друга Квентина Рейнольдса из Нью-Йорка.

Эти слова рассеяли мои подозрения. Мой приятель Рейнольдс уже присылал мне разных субъектов, которые были не в ладах с общепринятой моралью. Я щелкнул замком.

Передо мной стоял человек лет тридцати, статный, со смуглым лицом, одетый в свободный серый костюм. Он назвал себя, едва улыбаясь:

— Цви Алдуби, журналист из Тель-Авива и Нью-Йорка.

Его взгляд был устремлен на полки, ломившиеся от книг. Он сказал, что читал много статей обо мне и знает о моем несколько прямолинейном способе следить за перемещениями военных преступников. Вечерний поезд, на котором он приехал из Брюсселя, прибыл с большим опозданием.

— Время не ждет,— сказал он.— Завтра я отправляюсь в Женеву, Берлин и Рим. Мне нужно сейчас же рассказать вам об очень важном деле.

Усадив ночного гостя в единственное в моей комнате кресло, я присел на краешек кровати в ожидании того, что он мне сообщит. Для начала он потребовал соблюдения абсолютной секретности. На его глаза, показавшиеся мне веселыми и беспечными, внезапно набежала тень и вокруг них образовалась сеть мелких морщин. Тон стал более резким. За несколько мгновений он постарел, представ человеком весьма самоуверенным, способным

действовать хитро и цинично. Впоследствии я убедился, что он не отдавал себе отчета в очевидной дерзости своего поведения.

— Мне необходима ваша помощь,— заявил он.— Впервые я намерен не писать о сенсационном событии, а сам создать это событие — политическое похищение, которое займет первые полосы всех крупных газет. Не волнуйтесь. Я действую не один, мне оказывают моральную и финансовую поддержку несколько организаций бывших узников концлагерей и участников Сопротивления...

— Из какой страны? — перебил его я.

— Из Бельгии.

Для меня все стало ясным. Я улыбнулся.

— Нет смысла дальше скрывать,— сказал я.— Вы намерены отправиться за Пиренеи, чтобы похитить Леона Дегреля и передать его правосудию Бельгии. Вот уже шестнадцать долгих лет бельгийские власти ждут, что перед ними предстанет в наручниках бывший главарь рекситов... В самом деле, лучше поздно, чем никогда. Однако как вы собираетесь осуществить свой проект?

В течение получаса Цви всемерно демонстрировал дружелюбие и гибкость, утверждая, что ничего от меня не скроет... Довольно скоро, после того как он повторил фразу о «горстке решительных людей, способных на все даже во франкистской Испании», я понял, что более или менее точный план у него еще не созрел. Если он явился ко мне в такой неурочный час, то, совершенно очевидно, в надежде на то, что, зная подноготную дела Эйхмана, я смогу снабдить его чем-то ценным. Он хотел по возможности быстро рассеять сомнения остальных участников операции. Кстати, о них он говорил весьма туманно: какой-то профсоюз вместе с федерацией бывших узников якобы предложил ему, сказал он мне, не утруждая себя доказательствами, аванс в 3 миллиона бельгийских франков (60 тысяч долларов).

Мне бросился в глаза энтузиазм, с которым он говорил о других финансовых поручительствах, обещанных ему. В Нью-Йорке журнал «Лук» якобы готов заплатить ему 100 тысяч долларов за «подробное» интервью арестованного Дегреля при условии, если в нем будут содержаться сведения о местонахождении Мартина Бормана. Центр по розыску военных преступников во Франкфурте якобы тоже пообещал ему такую же сумму... Короче, Алдуби, согласно его собственным словам, был одно-

временно вершителем правосудия и неустрашимым журналистом, мечтавшим заполучить главный выигрыш в серии «великих репортажей». «Дайте мне два дня на размышление»,— сказал я ему на прощание.

Мой ночной гость, несмотря на его недомолвки, пробудил дремавший во мне более двадцати лет интерес к личности Дегреля. Я никогда не верил, что среди приверженцев Гитлера были правоверные католики, равно как и добродетельные протестанты.

Два или три телефонных звонка в Брюссель, встреча с одним из друзей из Израиля, который временно жил в парижском квартале Бастилия, старое измятое досье, извлеченное с верхней полки шкафа — и я возобновил расследование. Серия фотографий, сделанных во время Нюрнбергского процесса, оживила в памяти курьезные распри между «апостолом нового порядка» и... вермахтом. 26 января 1943 года генерал Редер, отвечавший за положение в Бельгии, направил своему командованию в Берлин резко отрицательную характеристику главаря рекситов:

«Популярность партии рекситов из-за неуравновешенного характера Дегреля и его слабых организаторских способностей стремительно падает... Число ее представителей в парламенте сократилось с 21 депутата в 1936 году до 4 — в 1939 году... Когда Дегрель вновь объявился в Брюсселе в июле 1940 года, германская администрация попыталась заручиться его поддержкой. К сожалению, другие германские службы, в частности в Париже, пробудили в нем безрассудные надежды. Наша администрация не могла потакать его диктаторским замашкам, его непостоянному и импульсивному характеру...»

Действуя в обход вермахтовских генералов с моноклями, Дегрель установил в то время тесные контакты с рейхсфюрером СС Гиммлером. Бывший воспитанник иезуитов, восторженный поклонник фюрера, он стал вхож в кабинет человека, ежедневно решавшего вопросы жизни и смерти тысяч европейцев. Гиммлер, увлекавшийся генеалогией и оккультизмом, забавлялся, слушая этого валонца, одержимого арийскими концепциями, который обещал покорить миллионы добрых католиков. В свою очередь и Кальтенбруннер полагал, что Дегрель

является превосходным приобретением. Он присвоил ему высшее офицерское звание СС. Однажды сам Гитлер подтвердил свое удовлетворение по поводу того, что мог причислить Дегреля к своему окружению.

Когда Цви Алдуби, довольно обеспокоенный, вертя шляпу в руках, вновь пришел ко мне, я сообщил ему о некоторых сведениях, полученных в то утро:

— Как известно, в частности из репортажа Франсуа Бриньо в «Пари-пресс», Дегрель живет в Севилье, а не в Мадриде. Важная деталь: он никогда не был натурализовавшимся испанским гражданином. Благодаря оказываемому ему покровительству, он пользуется удостоверением на имя Хуана Санчеса[1]. Его занятия неясны: что-то вроде представительства германских фирм в Испании, продажа недвижимости и т. д.

Я сухо добавил:

— Его адрес, который держится в секрете,— вилла «Карлина» в местечке под названием Константина, в нескольких километрах от Севильи. Верный слуга, два пса-волкодава и сейф, в котором заперты незначительные бумаги... Ваш нацист сейчас без денег и без связей.

Очевидно разочарованный холодностью моего тона, Цви разгорячился:

— Нет, вы не имеете права устраниться от этого дела... Квентин много рассказывал мне о вашей жизни, полной приключений. Если только вы больны...

— Я чувствую себя лучше всех. Но для меня Дегрель представляет не больше интереса, чем крыса в сточной канаве. Ведь он никому не угрожает, по крайней мере сейчас. Правда, такой «феникс» способен возродиться из пепла[2]...

Чтобы успокоить своего собеседника, который находился в полном замешательстве, я дружелюбно добавил:

— Не будьте ребенком. Я знаю, что вы уже получили внушительный аванс и не хотели бы разочаровывать снарядивших вас людей в Бельгии... Я обещаю вам кое-какие сведения и весьма полезные связи...

---

[1] Этот разговор происходил в 1961 году. С тех пор я узнал, что новое вымышленное имя Дегреля — Леон Хосе де Рамирес Рейна.

[2] После того как над виллой Дегреля нависла угроза конфискации за долги, он, превратившись в Рамиреса Рейна, обосновался в Торребланке, около Малаги, где поселился в уютной гасиенде «Ла кабана». Там он активно занялся политикой.

Из симпатии к бывшим узникам и участникам Сопротивления я оказался вовлеченным в несколько легкомысленную затею, имея дело с весьма неопытным компаньоном. Мне пришлось доказывать ему свою компетентность. За несколько ночей я собирался восстановить жизненный путь Дегреля.

Штандартенфюрер СС Леон Дегрель в конце апреля 1945 года пересек сначала Шлезвиг-Гольштейн, а затем Данию, пробираясь в Норвегию, где закоренелые нацисты возводили свой последний бастион. Этот оплот рухнул, как карточный домик, а две последние подводные лодки отплыли с таинственными пассажирами на борту. В аэропорту стоял готовый к отлету «хейнкель». Это был персональный самолет Шпеера, министра вооружения «третьего рейха», который отнюдь не хотел держать ответ перед союзниками за то, что руководил промышленной империей, населенной рабами нацизма.

При содействии трех собратьев по несчастью (один из них был пилот из Фергельтунгсваффе СС [1], имевший выданный Кальтенбруннером пропуск, который позволял ему беспрепятственно бывать в Дании) беглый штандартенфюрер захватил двухмоторный самолет. Перед тем как зарядить боеприпасами пулеметы, они мощными ударами оглушили двух механиков из люфтваффе, один из которых скончался. Как видим, не щадили никого, даже своих.

К счастью для беглецов, баки самолета-разведчика были до краев наполнены горючим. Дегрель поставил на карту все. Он приказал пилоту взять курс на Лондон, затем развернуться над Роттердамом и наконец новый поворот на запад... Лавируя, самолет пролетел на малой высоте над Бельгией. Несколько раз наземные прожекторы освещали «хейнкеля». Однако он всякий раз исчезал за горизонтом. Этому в немалой степени способствовало то, что вояки из наземных и воздушных служб союзников пили в глубине ангаров. Война была окончена. И недельное повальное пьянство победителей оказалось невольным сообщником нацистских беглецов. У меня, увы, немало доказательств на этот счет.

Леон Дегрель и его сообщники переоделись в гражданскую одежду, готовясь к любым неожиданностям.

[1] «Оружие возмездия» — карательный авиаотряд, в который входили летчики-испытатели, находившиеся под непосредственным командованием Гиммлера.

После семи часов лета в предрассветной мгле возникла проблема с горючим. Влекомый единственным мотором самолет, дальность полета которого не превышала 2800 километров, стал давать перебои над бухтами Наварры. Нацелившись на бледно-золотистые пески пляжа в Сан-Себастьяне в Испании, пилот посадил «хейнкель» на брюхо. Пропеллер врезался в землю. Разбитая кабина пилота отлетела и скрылась в волнах. Толпа зевак помогла пассажирам спастись. Все они были серьезно ранены. Фалангистские врачи продолжительное время лечили и опекали их, «соблюдая» клятву Гиппократа.

В госпитале Мола Дегрель имел достаточно времени, чтобы кое-что вспомнить из своей бурной жизни, которую он вел в течение последних двадцати месяцев. В раненой руке он сжимал то, что осталось после аварии: рыцарский крест с дубовыми листьями, врученный ему лично фюрером. Принимая Дегреля в «волчьем логове», Гитлер сказал тогда: «Если бы я имел сына, то хотел бы, чтобы он был похож на вас».

В феврале 1944 года, после того как он едва не был захвачен в плен в Черкассах, Дегрель получил специальный отпуск, который провел во Франции... Сам Гиммлер поручил ему объединить на Западе сторонников нацистского порядка негерманского происхождения. Дегрель получил право говорить на равных с Лавалем, белый галстук которого так контрастировал с его темными политическими замыслами. Главарь рекситов уже имел в кармане приказ фюрера, только что переданный ему маршалом Моделем, согласно которому бельгийская территория, отвоеванная в ходе наступления Рундштедтом, перейдет под его управление.

Мечты Дегреля на его больничной койке оберегал целый отряд агентов, присланных из окружения Франко. Посольство США в Мадриде требовало, чтобы беглец оставался под «строгим медицинским надзором», опасаясь, что он отправится в Южную Америку. Франкистская же полиция безопасности со своей стороны побаивалась, как бы его не убили партизаны из числа испанских республиканцев. Франкистские пособники рекситов, обосновавшихся в Сан-Себастьяне, разработали тщательный план срочной эвакуации Дегреля.

Однако ничего не вышло. Послу Соединенных Штатов надоело преследовать преступника, который был объявлен «несчастным тяжелораненым». Дегрель, поднявшись

на ноги в августе 1945 года, уже играл в госпитале... в футбол. «Чудесное выздоровление главаря рексистов заслуживает того, чтобы фигурировать в истории травматологии»,— воскликнул в то время мой друг Губерт Халлин, представитель бельгийских участников Сопротивления. Через бельгийское посольство в Мадриде ими был передан объемистый том материалов о политических и уголовных преступлениях, совершенных Леоном Дегрелем. Я приведу из него несколько выдержек.

В декабре 1944 года, оказывая вооруженную поддержку наступлению Рундштедта в Арденнах, Дегрель расстрелял двадцать восемь участников Сопротивления в бельгийской деревушке Банд и еще четверых в Штейнбахе. 1 января 1943 года он подослал убийц из своей коллаборационистской организации к бургомистру одной из коммун в пригороде Брюсселя.

Летом 1944 года бригада «Валония» под командованием Леона Дегреля состязалась в жестокости с регулярными войсками СС в районе Тарту. Старинный ганзейский городок и прилегающие к нему деревни испытали ужас, превосходивший тот, что наводили здесь тевтонские рыцари семь веков назад. В ярости от того, что ему приходилось постоянно спасаться бегством от русских, этот садист заставлял убивать сотни мирных граждан, вешая на деревьях вдоль пути своего отступления десятки молодых людей, заподозренных в сочувствии партизанам и коммунистам. Большое число очевидцев, в частности из числа прибалтов, живущих в Западной Германии, заявило о своей готовности дать показания бельгийскому военному трибуналу, намеревавшемуся судить Дегреля.

В середине июня 1961 года я пригласил Цви выслушать мои основательно документированные соображения.

— В вашем проекте есть два слабых места: прежде всего, не рассчитывайте на какое-либо содействие со стороны бельгийских властей. Это было бы иллюзией. Прошло шестнадцать лет, и многое изменилось. Кроме того, вы придаете слишком большое значение роли Дегреля в международной сети уцелевших эсэсовцев. Совершенно очевидно, что не он осуществляет постоянную связь с Борманом. Скорее это генерал СС Дорман, который настолько скрытно живет в Сантандере, что всегда отказывал в интервью даже «симпатизирующим» журналис-

там... Не рассчитывайте также на помощь со стороны американского журнала «Лук».

Я открыл папку с документами и протянул ему две большие фотографии:

— Вот два совсем недавних снимка Дегреля. Он очень изменился с тех пор, как живет в изгнании... Вы бы его вряд ли узнали. Мне их доставил английский журналист. На увеличенной, но очень четкой фотографии, которая у вас в руках, Дегрель стоит рядом с бывшим сотрудником-хорватом, которого легко узнать по его маленькой черной шапочке. Дегрель с руками, скрещенными на груди, кажется мрачным в своем темном костюме. Это фото сделано в мае 1958 года по случаю поминальной мессы в годовщину смерти Гитлера, которая состоялась в церкви Сан-Ильдефонсо в Мадриде. По окончании церковной церемонии ветераны из «голубой дивизии» и молодые испанцы с золотыми значками свастики в петлицах запели гимн фалангистов.

— Браво,— воскликнул Алдуби.— Мне же после посещения шести крупных фотоагентств удалось достать только клише 1943 года. Какой же у вас план?

— Единственная возможность схватить Дегреля — это выманить его на побережье с помощью тонкой хитрости, такой, чтобы, черт возьми, комар носа не подточил. Я возвращаюсь с юга Франции, где установил кое-какие полезные связи...

Серые глаза Алдуби смотрели на меня с ребяческим вниманием. Он закурил сигару, явно воображая себя на первых страницах сотен крупных газет.

Мой план, как я полагал, был достаточно изобретательным. Команда Алдуби должна была выбрать порт стоянки: Альмерия, Аликанте или Пальма-де-Мальорка. Предпочтительнее на Средиземноморском побережье, чтобы поставить там на якорь судно для увеселительных прогулок, снабженное мощным мотором. После того как я посвятил в дело одного канадского моряка, специалиста по «торговле блондинками» в Западном Средиземноморье, который оказался в затруднительном положении из-за таможенного досмотра, я нашел наконец нужного человека: капитан В., англичанин, с розовым и свежим лицом, окутанный клубами дыма от табака «Данхилл».

— Его яхта с мотором типа «Фэрмейл» потребляет жуткое количество горючего,— объяснил я Цви.— Предыдущий владелец увеличил мощность мотора по каким-

то неясным причинам, которые нас мало интересуют. Главное заключается в том, что это судно никогда не имело никаких проблем с морской полицией. На прошлой неделе оно стояло в бухте Лобёф, в «маленьком Шанхае» — квартале развлечений старых Канн. За одну ночь плавания, даже не форсируя моторы, В. легко может покинуть испанские воды и выйти в открытое море.

— Капитан В.,— резюмировал я,— бывший пилот английской авиации, разгромленной в 1940 году близ Дюнкерка, провел три года в лагере в Саксе, перед тем как совершить фантастический побег. Он бегло говорит по-немецки, может сойти за шведа или ирландца. Курьезная деталь — второй член экипажа, по имени Вольфганг, был лейтенантом гитлеровского флота. Он чистокровный пруссак, его брата повесили на крюк мясники во время репрессий летом 1944 года. Эти два моряка, спаянные дружбой, ненавидят всей душой все, что имеет отношение к Гитлеру и его последователям. За вознаграждение в 5 тысяч долларов Вольфганг фон С. обещал «забыть» всю авантюру после ее успешного осуществления.

Чтобы заманить Дегреля, Алдуби должен был направить в Константину, пригород Севильи, прекрасного актера. Например, Вольфганга, играющего роль случайного репортера неонацистской газеты, издаваемой в Западной Германии. В ходе беседы с Дегрелем надо было рассказать о своих взаимоотношениях с бывшими друзьями Ялмара Шахта, финансового гения фюрера — Германа Абса, директора «Дойче банк», и со всей кликой западногерманских бизнесменов, столь же процветающих, как и скорбящих о «славном прошлом». В разговоре должны проскользнуть некоторые конкретные факты, касающиеся ХИАГ (международной организации бывших эсэсовцев), чтобы вызвать доверие бельгийца. Как крайнее средство, если он не решится сесть в машину и доехать до яхты, чтобы там пообедать, была предусмотрена вторая встреча. В этом случае шефу рексистов было бы вручено поддельное рекомендательное письмо, написанное от руки за подписью Эрика Кернмейера, неонацистского публициста, автора многочисленных писаний о «зверствах союзников» во время второй мировой войны.

— При установлении контакта с Хуаном Санчесом нужно быть очень осторожным,— убеждал я Алдуби.— Он по натуре подозрителен и злобен. Он завидует своему

сообщнику Скорцени из-за его шумной светской жизни. Телохранитель Дегреля, франкист, должен, несомненно, известить политическую полицию Мадрида о визите в «Карлину».

Оказавшись на вашей яхте и получив сильное снотворное, Дегрель будет упакован в джутовый мешок и помещен в закоулок якорной камеры. В одиннадцать часов вечера яхта отплывет на «рыбалку»... В открытом море судно сменит флаг и устремится к французскому берегу в районе Коллиура. Бывшие участники Сопротивления французские каталонцы должны будут немедленно отвезти этот тюк в багажнике дипломатического «ситроена» на маленькую пограничную станцию на франко-бельгийской границе.

Я предусмотрел и такое: если испанская полиция поднимет тревогу, тюк будет перегружен в международных водах. Моя собственная яхта «Бриак», 15-метровое судно, выполнит эту задачу, перед тем как направиться на Сардинию. Вызванный условной радиограммой, канадский пилот, владелец двухмоторного самолета «бичкрафт», мог бы подняться со спортивного аэропорта, расположенного в Италии, и перелететь ночью в Бельгию.

Все было предусмотрено.

Я трижды виделся с Алдуби в его номере в отеле «Коммодор» на бульваре Османн. Мы провели в Париже несколько вечеров. Покупая карту Испании, он показал мне пачку 100-долларовых банкнот и толстую чековую книжку, однако из жилетного кармана вытаскивал французские деньги. Ночью в Сен-Жермен-де-Пре в кафе «Бонапарт» он вывалил свое состояние на круглый столик и предложил гарсону «не стесняться». На узких скамьях, обитых красным бархатом, на которых посетители сидели друг против друга, он громко разглагольствовал о своей роли исполнителя правосудия и необходимости «выкурить» важных военных преступников.

Мое беспокойство по поводу легкомысленного характера Цви возрастало. Мой старый друг, директор международного агентства печати, которому я его представил, сообщил мне по телефону с упреком, что Алдуби предложил ему за большую сумму «исключительный» репортаж о производстве в Израиле атомной бомбы и о сверхсекретных исследованиях, которые будто бы ведутся в пустыне Южно-Африканской Республики... Агентство, о котором идет речь, весьма компетентное в том, что каса-

ется проблем Ближнего Востока, считало, что это грандиозный блеф. Когда я сделал Цви выговор, он небрежно пожал плечами и обозвал меня «наивным человеком».

— Виктóр,— заявил он, по-свойски беря меня за рукав пиджака,— прости, но я не последую твоим советам. Сейчас 1961 год, и мы должны действовать новыми методами... Мне представили настоящих профессионалов, способных сделать куда больше, чем простые писаки вроде нас с тобой.

Два дня спустя, почти случайно встретив его в своем квартале, я еще раз убедился в своих подозрениях.

— Да,— признался он,— я обратился к двум парням из преступного мира. Они аполитичны и совершенно не рискуют привлечь внимание полиции. Эти двое, мой друг и я отправляемся в Испанию в начале июля. И да здравствует автомашина! Я не признавался тебе, что страдаю морской болезнью...

Через пять недель я увидел перед собой движущуюся белую ленту телетайпа с плохими новостями. В течение всего августа ультраправая пресса Федеративной Республики Германии и многих других стран не скрывала своего ликования. Она клеймила «подонков-мстителей», которые вполне заслуживают того, чтобы оказаться за решеткой. «Счастливая звезда все еще покровительствует шефу рекситов...»

Начиная с того лета 1961 года сам Леон Дегрель вновь сыграл роль звезды в Интернационале изгнанных эсэсовцев [1]. Но это уже другая история [2].

---

[1] Издательство «Эдисьонес сарманта» опубликовало книгу «Мемуары фашиста: шеф рекситов Леон Дегрель». Вот одна лишь выдержка из этой книги: «Миф о шести миллионах уничтоженных евреев не что иное, как подлый маневр с целью выманить деньги у налогоплательщиков ФРГ. Концентрационные лагеря? Еще один миф иудейско-марксистской пропаганды. Это были центры переподготовки, которые контролировали сами евреи. Что касается печей крематориев и газовых камер, весь мир теперь знает, что речь идет о самой низкой провокации, изобретенной еврейской пропагандой. Кроме того, лагерь Дахау был построен евреями из Голливуда после войны, чтобы снимать там антинемецкие фильмы».

[2] 4 марта 1983 года, выступая по мадридскому телевидению, Леон Дегрель с явным замешательством отвечал на обвинения, выдвинутые против него Виктором Александровым и другими историками. Свободный испанский гражданин и надменный «идальго» оправдывал свое нацистское прошлое «заслугами» в борьбе против советского народа...

Глава X

Три смерти Мартина Бормана

Весьма любопытные некрологи появляются периодически в течение последних лет в Западной Германии, а еще чаще — в Южной Америке. Короткие анонсы, распространяемые информационными агентствами, либо броские заголовки падких до сенсаций газет объявляют о предполагаемой смерти Бормана то в Парагвае, то в Аргентине, то в Боливии. Мировая пресса тут же подхватывает очередную новость о кончине Мартина Бормана, чтобы уже назавтра забыть об этом не поддающемся проверке известии.

Несколько недель спустя те же газеты спохватываются и опровергают такого рода информацию, вслед за чем смакуют тему о тайной жизни знаменитого беглеца в комфортабельных асьендах Андийских Кордильер. Так бывший ближайший сподвижник фюрера рейхсляйтер Мартин Борман становится журналистской сенсацией № 1.

Достаточно серьезные органы печати приняли участие в хитроумной игре с погребением этого палача. Среди них прежде всего «Рундшау», кёльнский еженедельник, известный своими связями с правительственными кругами. Он объявил в сентябре 1962 года, что раскрыл тайну Бормана. В статье корреспондента из Буэнос-Айреса Курта Палена говорилось, что бывший нацистский рейхсляйтер скончался от тяжелой болезни в общей палате городского госпиталя в Сан-Карлос-де-Барилоче (в Патагонии), где был зарегистрирован под вымышленным именем.

Теме мнимой кончины, при которой роль безжалостного мстителя исполнил рак, был посвящен бездарный роман, продиктованный бывшим эсэсовцем Эрихом Видвальдом корреспонденту «Санди таймс» М. Терру.

Я ограничусь тем, что изложу вкратце эту версию, которую время обратило в ничто.

Э. Видвальд, так и не нашедший времени, чтобы повторить свой рассказ перед судьей или офицером полиции, утверждал, что бежал вместе с Борманом из дымящихся развалин осажденного Берлина. Став телохранителем своего бывшего патрона, он последовал за ним в «самый южный пункт на границе Бразилии и Парагвая». Их резиденция, расположенная в миле к западу от реки Парана, называлась так: «Колония Вальднер 555». Это глухая местность, защищенная с одной стороны бурными водами реки, с другой — непроходимыми болотами. Там находился вооруженный отряд немецких, украинских и польских беглецов. Нечто вроде неприступной крепости.

Видвальд, покинувший в 1958 году эту колонию, утверждает, что вновь встретил Бормана в Монтевидео в 1965 году. Тот «стал неузнаваем» в результате пластической операции, которая избавила его лицо от маленького шрама, заметного на всех архивных снимках, но оставила на видном месте вздувшуюся неровную кожу. Тем временем он переехал на ранчо бывшего генерала СС Рихарда Глюкса, когда-то отвечавшего за сбор драгоценностей, принадлежавших обреченным евреям, а теперь благопристойного фермера, имеющего два личных самолета и обитающего на берегу озера Ранко в отдаленном районе Чили. Борман, одетый в белоснежную рубашку, брюки для верховой езды и сапоги фермера, всегда появлялся только замаскировавшись — в черных очках и широкополой ковбойской шляпе... Верный Видвальд, по его собственным словам, сопровождал бывшего рейхсляйтера в Европу в 1958 году, чтобы заполучить ценный пакет с перечнем банковских счетов, открытых тремя кредитными заведениями. Этот маловероятный вояж привел их, в частности, в Сантандер. Таким путем Видвальд смог узнать, что Генрих Мюллер, самый известный из нацистских беглецов после Бормана, «еще недавно содержал бакалею-закусочную в Натале, в Бразилии».

Это неправдоподобное сочинение заканчивается рассказом о пребывании Бормана в Уругвае, одной из немногих стран Латинской Америки, где доверенное лицо Гитлера подвергалось риску преследования со стороны весьма активных ультралевых групп.

Что касается «путешествия» Бормана в Сантандер в 1958 году, то добавлю, что Видвальд должен был бы упомянуть в доказательство подлинности этого признания имя штандартенфюрера СС Эжена Доллмана, бывшего правой рукой и личным секретарем рейхсляйтера и спокойно «укрывшегося» в 1947 году во франкистской Испании... Либо гауптштурмфюрера СС Гельмута фон Руммеля, еще одного «герра доктора» из штаба «черного корпуса», якобы убитого австрийскими партизанами в мае 1945 года перед бункером в Аусзе, набитым шедеврами живописи. На самом деле он выжил и в 1957 году обосновался в Испании [1].

В остальном этот человек, выдававший себя за подручного самого известного беглеца планеты, ограничился некоторыми сведениями, тоже сомнительного свойства: генерал Глюкс якобы живет не тужит в Чили, пресловутый д-р Менгеле якобы работает главным врачом в гарнизоне Антониу-Лопеса на военной территории, которая примыкает к северной границе Парагвая; гестаповец Мюллер наполняет пивные кружки в Натале и т. д.

Когда я задал вопрос по поводу такого рода «разоблачений» С. И. Томасу Саломони, послу Парагвая в Бельгии, он оглушительно рассмеялся.

— Разумеется,— сказал он,— в Парагвае много немецких беглецов. Мы ценим их качества. Но я совершенно не представляю себе, чтобы отпрыск семьи крупных промышленников, каким является Йозеф Менгеле, к тому же обладатель весьма престижного диплома, похоронил себя в такой дыре. Не лучше ли вообразить его в компании с очаровательной блондинкой у бассейна на роскошном курорте. Люди, которыми вы интересуетесь, относятся к разряду тех, кто предпочитает наслаждаться жизнью.

Подобная точка зрения, весьма характерная для южноамериканского мышления, кажется более предпочтительной. За исключением коротких периодов «облав» (Борману незамедлительно становилось известно, когда израильтяне начинали его розыск по всей Бразилии),

[1] Его обнаружили в 60-х годах энергичным управляющим баварским сталелитейным заводом и юридической конторой в Мюнхене.

люди, подобные рейхсляйтеру и врачу-убийце из лагерей смерти, вели роскошную жизнь в Южной Америке, где им никто не мешал. Менгеле в свою очередь все это время получал (его начали активно разыскивать только с 1956 года, с помощью Интерпола — с 1964 года) значительные суммы от своих родственников, живущих в Западной Германии. Разве он не продолжает быть крупным акционером фирмы по производству сельскохозяйственных машин, находящейся в Гюнцбурге?

Что касается Мартина Бормана, то он вполне мог вести жизнь европейских магнатов, которые якобы потерпели банкротство, но, несмотря на это, обеспечили себе весьма комфортабельное существование на огромном континенте по ту сторону океана. Именно магнатов. Никакое другое сравнение не было бы лучше. Но вернемся в 1944 год.

В то время как Германия с безумной яростью вела войну против половины мира, наиболее значительный человек в нацистской системе после Гитлера использовал свое привилегированное положение, чтобы совершать весьма крупные аферы. Этот бывший управляющий небольшим имением в Мекленбурге ловко предоставлял другим заниматься большой политикой. Сам же предпочитал выгоды чисто материального свойства.

Весной 1944 года Бормана охватил страх. Грозная операция по высадке союзников назревала на Западном фронте. Он был единственным в рейхсканцелярии, кто отдавал себе отчет в том, что имеющиеся там укрепления уязвимы, что вермахту не хватает пушек и огнеметов, а люфтваффе — самолетов и, наконец, что моральное состояние германских войск находится в упадке.

Со свойственной ему оперативностью и скрытностью он предпринял операцию под названием «Рейнгольд» («Золото Рейна»). Объявленная государственной тайной, она состояла в эвакуации из Европы основных ценностей СС и нацистской партии: иностранной валюты, драгоценных металлов, бриллиантов и т. п.

Из тех сведений, которые могли получить в 1945 году военные корреспонденты, имевшие тесные связи с экономическими службами контрразведок союзников, акция «Рейнгольд» была закончена к маю 1944 года.

Разжиревший Геринг был недоволен: уплывали некоторые массивные золотые дароносицы, которые он приглядел для своей личной коллекции. Однако Гитлер, ко-

торого Борман сумел уговорить, заставил всех замолчать. Необходимо, говорил он, чтобы «третий рейх» располагал за границей некоторыми средствами, которые можно было бы использовать «после высадки союзников».

Эти вывезенные сокровища составляли, по оценкам финансовых экспертов после войны, около 50 миллионов долларов. Каким же образом они могли быть эвакуированы в то время, когда вся Европа была окружена флотами союзников? На этот счет имеются точные данные.

Эту операцию, судя по всему, осуществили три подводные лодки, выбранные Борманом для того, чтобы пересечь океан: У-Бот-977 и -530, номер третьей неизвестен. Их командирами были кадровые офицеры: капитан Гейнц Шафер, увенчанный наградами как ас подводной войны, капитаны Вермут и Нибур. Дипломат-шпион Дитрих Нибур незадолго до этого был выслан из Аргентины под давлением США.

Эти три подводные лодки связывали Европу с другими континентами, главным образом с Южной Америкой, даже после того, как акция «Рейнгольд» была завершена. Перевозя то ценности, погруженные сначала в Сен-Назере, затем в других портах Атлантики, то секретных агентов, они удачно обходили все преграды союзников. Своего рода «подводный тоннель» связал в то время европейское побережье с аргентинскими берегами. Капитаны Шафер и Вермут стали его «лоцманами».

В этой связи коснемся некоторых тайн последних дней гитлеровского военно-морского флота. Куда могли исчезнуть, не оставив ни малейшего следа, семнадцать подводных лодок буквально на следующий день после безоговорочной капитуляции, подписанной адмиралом Дёницем? Что с ними стало? Даже если учесть, что советский подводный флот уничтожил несколько из них, а другие подорвались на минах и погибли, то какие-то должны были остаться. И хочу напомнить заявление газеты «Эль диа» в Монтевидео, которая в 1945, а затем в 1947 году сообщала, что несколько «нелегальных» У-Бот нашли убежище у пустынного побережья Патагонии. «Сам Борман высадился на аргентинской территории»,— писала «Эль диа». Американские службы безопасности, для которых подобные сообщения были скорее неожиданными, располагали, похоже, на этот счет лишь куцыми сведениями. Южная Америка так велика и так мало

населена, и ее берега так нелюдимы и нередко заняты немецкими поселенцами, что тайная высадка двухсот-трехсот человек представляется чрезвычайно легким делом.

Помимо Бормана, разведки союзников обнаружили в Аргентине следы двух странных личностей — двух германо-американцев, исчезнувших в тот момент, когда их должны были арестовать: Эусебио Перес де Гусмана и Родольфо Гарсиа. Только несколько лет спустя станут известны их настоящие имена.

Перес де Гусман не кто иной, как Дитрих Нибур, а Гарсиа — Эрих-Отто Мейнен. Не был ли последний, этот дипломат-шпион, организатором побега Бормана? Весьма возможно. Не следует забывать, что нацист № 2 был не просто беглецом, а миллиардером, имевшим множество сообщников, которых он щедро вознаграждал. Еще два имени фигурируют в списке из числа неонацистов, «засеченных» в 1945 и 1946 годах в Аргентине: Хосе Вилльянуэва, он же Готфрид Зандштеде, и Рикардо Веласкес (Фриц Кюстер). Оба они значатся в картотеке гестапо, найденной в Берлине. Нибур, Мейнен, Зандштеде и Кюстер замаскировались под бизнесменов и, похоже, купались в золоте...

Прошли годы. Борман (или его тень) исчез в бесконечных пространствах. «Холодная война» и события в Корее отвлекли службы безопасности западных держав, для которых Борман, даже если он цел, не представлял большой политической угрозы. К тому же не было абсолютно точного подтверждения, что Борман действительно скрывается в Южной Америке. Лишь горстка людей, располагающих недостаточными средствами, предоставляемыми чаще всего частными организациями, продолжает разыскивать нациста № 2.

Думаю, что Борман не погиб на пепелищах поверженной фашистской столицы. Судьи Нюрнбергского процесса не без оснований предположили, что этот наследник Гитлера сам организовал собственное исчезновение и свои «похороны».

Этот человек, по натуре холодный и расчетливый, своей дородностью напоминающий собаку боксера, во времена диктатуры был самым информированным. Он получал более полные и более систематические сведения, чем

даже сам Гитлер, ибо все шло через его руки и он умело этим пользовался. Он все читал, делал необходимые пометки своей волосатой рукой, даже если они не соответствовали «гениальным предвидениям фюрера».

В рейхсканцелярии Бормана называли сфинксом. Геринг и сам Гиммлер опасались его, поскольку у него в отличие от них не было никаких слабостей... Не будучи ни морфинистом, как первый, ни двоеженцем, как второй, он занимался только своей работой. Неутомимо, день за днем он прибирал к рукам аппарат НСДАП. Он следовал за фюрером по пятам... Одетый в мундир и галифе, Борман присутствовал на всех заседаниях генерального штаба. Не было случая, чтобы он был застигнут врасплох. Среди нацистов не было человека, который мог бы ему противостоять. Никто не осмеливался открыть Гитлеру глаза на то, что его самый доверенный человек стал крупным банкиром нацистских бонз. Борман дошел в своем макиавеллизме до того, что использовал самого кровожадного Гиммлера. Рейхсфюрер СС действительно имел две семьи: одну — с законной женой, другую — со своей секретаршей. Обе женщины имели от него детей и постоянно требовали дорогих подарков. Испытывая «нужду», Гиммлер обращался за помощью к Борману, который одалживал ему значительные суммы, в частности 80 тысяч марок для строительства второго дома (Вальтер Шелленберг упоминал эту «деталь» в своих воспоминаниях). Разумеется, под проценты, равные пятнадцати...

В кулуарах Международного военного трибунала в Нюрнберге упоминалась дата — 12 мая 1945 года. В этот день в Берлине был разыгран мрачный фарс. Гроб из белого дерева был доставлен на ручной тележке на кладбище Вайсензе, расположенное в пригороде восточной части столицы. На церемонии присутствовали две старые женщины, вытиравшие глаза краешками передников. Никто уже не помнит, кем они были. Несколько лопат земли, и не осталось ничего, кроме неизвестной могилы. Когда офицеры контрразведки раскопали могилу и вскрыли гроб, они нашли там только обрывки мундира, набитого камнями и бутылками из-под лимонада...

В 1956 году, когда автор этих строк осматривал те места, он насчитал по крайней мере двенадцать могил с фамилией Борман, которая, кстати, не так уж часто встречается в Берлине.

С февраля 1946 года службы безопасности уже больше не попадались на удочки Бормана. Они занесли его имя в список главных военных преступников, однако умолчали о неудаче с раскрытием гигантской сети нацистских беглецов, организованной задолго до подписания безоговорочной капитуляции.

Среди всех свидетельских показаний относительно Бормана, которые я собрал начиная с 1945 года, одна фраза повторялась словно рефрен: «Борман умел выходить сухим из воды».

Еще в Берлине, будучи военным корреспондентом, я имел возможность наблюдать шаг за шагом за поисками американской комиссии по военным преступлениям. Мне было разрешено даже бывать на некоторых допросах. Это кое-что дало.

Однажды вечером я присутствовал при допросе спесивого эсэсовского офицера из службы «коричневого дома» в Мюнхене. Поздно ночью он «помягчел» и сообщил некоторые сведения относительно эвакуации архивов этого «дома». Когда капитан американской армии задал ему последний вопрос: «Действительно ли вы верите, что Мартин Борман погиб в последние часы Берлина?», он выпятил грудь и сухо ответил: «Нет!»

Несколько мгновений спустя, когда сержант-стенограф приводил в порядок свои записи, а капитан снимал с вешалки фуражку, он добавил:

— Вы слишком плохо знаете самого изворотливого из всех наших шефов, к тому же самого богатого, если верите, что он мог позволить поймать себя, как крысу, вашим службам... Только идиоты вроде меня ничего не предусмотрели...

Подготавливая в 1960 году книгу о поимке Эйхмана, я терпеливо поднимался по ступеням иерархической лестницы израильских «параллельных служб». Тогда я и вспомнил слова, брошенные на допросе разочарованным, но неизменно высокомерным офицером СС. Наконец я оказался в скромной квартире, расположенной в квартале неподалеку от Бастилии. Один из главных «охотников», которые схватили за шиворот организатора геноцида, жил в том же городе, что и я.

Человек, встретивший меня, расположился в темном углу, очевидно плохо перенося яркий свет настольной

лампы. Он сидел в широком кресле, согнув ноги. Его массивная голова казалась высеченной из мрамора. Ему стоило, по-видимому, больших усилий заставить себя рассказывать о событиях мировой войны, равно как о его охоте за нацистами.

— Итак, Мартин Борман жив?

Это был мой первой вопрос, заданный в упор.

Неподвижный взгляд темных и печальных глаз. Затем он сказал:

— Вот уж кто живее всех! Я сам его преследовал во время различных экспедиций, которые мы организовывали до 1958 года. Теперь другие люди сменили нас...

Я обещал М. Ф., как я называл его позднее в моих статьях, сохранить в тайне его настоящее имя.

— Под каким же именем,— спросил я,— живет сейчас главный сообщник фюрера?

М Ф. снял свои очки, тщательно протер их и снова водрузил на нос. Слегка улыбнулся:

— Гольдштейн! Множество бывших нацистских беглецов в Латинской Америке выдает себя за немецких евреев, отказывающихся вернуться на Рейн. Такая маскировка им весьма удобна, и, что весьма любопытно, к ней позволено прибегать лишь самым главным из них.

Я знал от друзей, что М. Ф. истратил все свое состояние и неоднократно рисковал жизнью, пытаясь напасть на след Бормана на затерянных территориях Нового Света. В 1953 году его выводы были таковы: Борман жил тогда в Бразилии, замаскировавшись под европейского еврея-коммерсанта. Очевидно, у него было достаточно средств... А вот М. Ф. пришлось несколько раз прерывать свой поиск из-за недостатка денег. Преступники зачастую лучше оснащены и обеспечены, нежели правосудие, которое им противостоит. Эта истина хорошо известна тем, кто следит за метаморфозами мафии СС!

Как бы прочитав мои мысли, М. Ф. прервал молчание:

— Действительно, Борман — большой ловкач. Он всегда был первой скрипкой в партийной канцелярии НСДАП. Сила Бормана состояла в том, что он никогда не покидал Адольфа Гитлера. Он был его верным псом, его тенью. Всегда находясь рядом с диктатором-мистиком, часто погруженным в депрессию, нерешительным и

неустойчивым, особенно после Сталинграда, Борман воплощал саму непреклонность национал-социализма. Он стоял у истоков всех декретов и приказов, столь роковых для многих народов Европы, а в конечном счете для самой Германии. Шла ли речь о создании специальных военных частей, об уничтожении поляков и романских народов, о ликвидации евреев — повсюду под приказами, адресованными генералу Йодлю, губернатору Польши Франку и даже самому маршалу Герингу, неизменно стояла подпись рейхсляйтера Бормана. В 1945 году телеграмма, исключающая маршала из нацистской партии, была подсказана и подписана Борманом.

Мой хозяин был прав. Я и сам изучил множество досье и знал, что всемогущие Геринг и Гиммлер никогда не осмеливались нападать на него, и тем более в открытую. А их коварные доносы и наветы вызывали у фюрера приступы бешеного гнева. Получалось так потому, что Борман всегда одерживал верх над коалициями любых прихлебателей Гитлера. Сверяя жизнь по часам своего хозяина, он никогда не ложился спать раньше двух часов ночи. Борман знал, что после обеда фюрер загрузит его сотней поручений и директив, которые необходимо перепоручить огромному административному и военному аппарату, действующему «в мировых масштабах». Ни один человек, как бы высоко он ни стоял, ни один министр или посол не могли встретиться с Гитлером, минуя приемную редко улыбавшегося Бормана.

Из рассказов Шелленберга и Шпеера после поражения со всей очевидностью следует, что Борман «перекрывал все подходы к нацистскому трону». Перед его дверью в результате хорошо разыгранных задержек целыми часами топтались промышленники-миллиардеры или генералы, увешанные орденами, но не проявившие должного почтения к рейхсляйтеру. Известно, что Гитлер разгадал этот маневр и одобрял его с легкой улыбкой. Контролируя партийный аппарат, Борман постепенно разделался со всеми своими тайными противниками. Эту работу он прекратил только за 24 часа до смерти фюрера. В то время как Геринг, Риббентроп, Гиммлер, Геббельс, Розенберг, Кейтель, Фрик, Йодль, Франк, Штрейхер и Лей были повешены или покончили с собой, сам Борман «испарился».

В течение нескольких часов между самоубийством Гитлера и ночным побегом из бункера группы высокопоставленных нацистов во главе с Борманом рейхсляйтер сохранял удивительное спокойствие. «Он казался почти веселым»,— говорил генерал СС Ганс Баур, личный пилот фюрера. Было ли это связано со злорадством или чувством удовлетворения тем, что он наконец-то становился человеком № 1 в нацистской иерархии, и еще тем, что ему уготовано выжить?

Пока мы оба размышляли о беглеце, М. Ф. сидел, полуприкрыв глаза. Потом он сказал:

— Борман стал почти таким же массивным и тучным, как его умерший враг Герман Геринг, который оспаривал у него благосклонность фюрера.

Устроившись в кресле, я делал заметки, забрасывая моего собеседника вопросами:

— Не расскажете ли вы мне, как преследовали нового главаря мирового нацизма?

— Мы вели поиск эсэсовцев на средства, которые поступали из частных источников.

— С какого времени?

— С 1948 года. Первая группа, отправившаяся в Бразилию и Аргентину, добилась немногого, она выявила лишь несколько имен второразрядных военных преступников.

— Мне сказали в Тель-Авиве, что вы сами возглавили этих добровольцев в 1951 году.

— Это правда. И в начале 1952 года, оказавшись на месте, я смог установить контакт с двумя бывшими эсэсовцами, которым я сделал заманчивые предложения. Следует заметить, что мои финансовые возможности были ограниченны, однако эти молодые немцы удовольствовались тысячей долларов каждый за то, чтобы навести меня на след Бормана.

— Как их звали?

— Даух и Крюгер. Первый был механиком в гараже, второй — мастером на шоколадной фабрике. Неплохие парни. СС подобрала их в отрочестве и настроила на свой лад, но после разгрома у них начали открываться глаза... Наши молодые провожатые, оплаченные нами и, по-видимому, лишенные каких-либо комплексов, привезли нас сначала в Порту-Алегри. Однако эта дорожка никуда не привела. Она была слишком устаревшей. Я учитывал, что наши два бывших эсэсовца активно вращались в

кругах нацистских иммигрантов. Поскольку я им не дал никакого задатка, они с жадностью ожидали двух тысяч долларов. Они хотели открыть маленькую мастерскую по ремонту автомобилей во Флорианополисе. Я ограничился тем, что оплатил им жилье и скупо оплачивал пиво, которое они ставили своим информаторам...

— Много ли было в те времена молодых нацистов в Аргентине и Бразилии?

— По нашим подсчетам, «население со свастикой» составляло около 10 тысяч душ в этих двух странах. Я не говорю о вновь прибывших.

— Как они забрались так далеко?

— Из Италии в качестве «дипи», из Испании, где бывшие германские консулы и дипломаты снабжали их новыми паспортами, главным образом южноамериканскими. Для Бразилии и Аргентины иммиграция молодых холостых немцев, да к тому же хороших специалистов, с экономической точки зрения была выгодной.

— Могли бы вы назвать имя человека, ответственного за этот полуподпольный поток иммиграции?

— Разумеется! Это генерал авиации Ганс Рудель, принявший весьма активное участие в «трудоустройстве» не только военных преступников, но и мелкой сошки из числа эсэсовцев... Даух и Крюгер дали нам возможность напасть на след Бормана в штате Санта-Катарина, в Блуменау, местности с немецким названием и традиционно населенной немцами, австрийцами и выходцами из Судет. Мартин Борман жил на уединенном ранчо примерно в 35 километрах от этого городка. Отборная охрана, окружавшая рейхсляйтера и состоявшая из бывших унтер-офицеров СС, делала операцию технически крайне трудной.

— Хотели ли вы его взять живым или мертвым?

— Живым, насколько это возможно. Но мы не поколебались бы ликвидировать его, если бы сопротивление оказалось непреодолимым. Разве он не был приговорен к смерти в Нюрнберге? Мы бы только привели в исполнение всемирно одобренный приговор...

— Значит, это был штурм?

— Он был назначен на 10 ноября 1952 года. 30 октября мы встретились с нашими «гидами», с которыми старались видеться как можно реже, чтобы не вызвать к ним подозрения. Мы передали им задаток. 8 ноября они явились ко мне ужасно расстроенные и объявили, что

Борман со своим отрядом спешно покинул свое убежище. На следующий день они вновь явились и, едва переведя дух, сообщили, что Борман находится в отеле «Нуово мундо» в Баие.

— Вы все еще доверяли Дауху и Крюгеру?

— Конечно. Эти ребята стали совершенно своими, хотя и допускали промахи, задавая слишком много вопросов. К тому же мы, естественно, не могли рассчитывать на содействие профессиональных разведчиков...

— Так что же дальше?

— Не останавливаясь перед затратами, я переправил шесть человек, в том числе наших бывших эсэсовцев, на самолете в Баию. От этого большого порта нас отделяло более 4 тысяч километров. На улицах Баии было оживленное движение, там выросли десятки новых зданий. В отеле мы узнали, что разминулись с Борманом всего на двадцать минут. Два бразильца-свидетеля опознали его по нашим фотографиям. Он сел в такси с двумя «мускулистыми секретарями». Машина затерялась на улицах, ведущих в предместье. Было ясно, что он не собирался ехать на вокзал или в аэропорт. Тогда мы пришли к выводу, что Дауха и Крюгера разоблачили, и какой-нибудь информатор, работавший в аэропорту, предупредил по телефону мнимого «бизнесмена», остановившегося в «Нуово мундо».

— Вы, конечно, избавились от их услуг?

— Не сразу. В конце концов, они были для нас своего рода собаками-поводырями. Их поиски приводили к новым переездам, весьма ощутимым для наших финансов. Из Баии мы отправились в Куритибу, штат Парана, куда вел след Бормана. Оттуда в Понта-Гросу, к счастью, расположенный неподалеку. Даух уверял нас, что на этот раз все приготовлено к тому, чтобы мы наконец схватили Бормана. И снова неудача: накануне нашего приезда Борман покинул штат Парана на местном двухмоторном самолете. Тот факт, что он выбрал достаточно мощный самолет, указывал на его намерение осуществить длительный перелет. Маршрут полета, представленный в аэропорт, из которого вылетел самолет, не был соблюден.

— Вы уверены, что речь не идет о каком-то другом беглеце? Ведь вы вернулись ни с чем?

— Да, это точно был Борман. Мы получили подтверждение от сотрудничавшего с нами бразильского чиновника, которому я обещал хранить молчание. Ни с чем,

вы говорите? Не совсем так, поскольку мы нападали на след Бормана на самом севере Бразилии в Жуан-Песоа, городке, где он должен находиться, естественно, под другим именем.

Мой хозяин глубоко вздохнул:

— Местные власти охотно помогли нам провести полуофициальное расследование. В новом удостоверении личности Бормана под номером 19 указывается имя и профессия. Саул Гольдштейн, родом из Германии, коммивояжер. Служащие отеля и ресторана опознали его по нашей фотографии, сделанной восемь лет назад, уточнив, что теперь у него меньше волос, отвислые щеки и двойной подбородок. Он должен весить килограммов 105. Но я думаю, что в течение зимы 1953 года он придерживался строгой диеты. Хороших немецких врачей, бывших «диетологов» в лагерях смерти, немало на Латиноамериканском континенте. Возможно, он сделал также пластическую операцию: способ, с помощью которого мы похитили Адольфа Эйхмана, посеял панику среди всех нацистских беглецов в Аргентине и Бразилии...

М. Ф. далее рассказал о конце своей безрезультатной охоты на Бормана. С напарником он посетил множество затерянных уголков Бразилии, в частности Мату-Гросу, а затем отбыл в Европу. Я поинтересовался, порвал ли он с Крюгером и Даухом.

— Из-за недостатка средств мы были вынуждены отказаться от их услуг. Один из них нанес визит команде, которая сменила нас на следующий год, и потребовал денег. Он обещал сообщить сведения о других известных нацистах и произнес имя Эйхмана.

— И эти сведения были использованы?

— По-видимому. Но я не уполномочен рассказывать вам о расследовании столь же трудном, как и наше, проводившемся уже другими людьми.

Эта беседа происходила в 1960 году. Много лет спустя я вновь встретился с М. Ф.

— Вы думаете, что Борман мертв?

— Он смертен, как каждый из нас... Ему уже 70 лет, но у него отменное здоровье, не подорванное походной жизнью на Восточном фронте. Этот беглец наверняка живет как рантье на удаленной от цивилизации асьенде,

вдыхая чистый воздух андских плоскогорий. Одна деталь убеждает меня в том, что он жив и весьма активен...

— Какая же?

— Периодические объявления о его смерти, о которых мы только что говорили. Мне они кажутся частью сценария, преследующего двойную цель: первая — предотвратить все попытки поисков, проводимых серьезными людьми, а не репортерами газет, жаждущих сенсаций; вторая — возродить в Европе в неустойчивом сознании молодежи, как немецкой, так и других стран, «золотую легенду» об СС и стимулировать пронацистскую пропаганду, не затратив на это ни гроша. Я думаю, что какой-нибудь бывший сотрудник Геббельса мог бы быть руководителем этой далеко задуманной операции.

— Находясь в Чили или в Боливии?

— Вовсе нет. «Обеленный» нацист, который комфортабельно живет в ФРГ и улавливает моменты затишья в нашей повседневной жизни или волнения в душах добрых немцев... Однако я не вправе разглашать некоторые сведения, случайно попавшие мне в руки...

Немало эсэсовцев, мрачные фигуры которых я обрисовал в этой книге, живет по ту сторону Атлантики, ничего не опасаясь, благодаря попустительству западных разведок и помощи, на которую не скупятся некоторые европейские банкиры... Стоит ли удивляться в таком случае, что это связано и с Мартином Борманом? Практически невозможно проверить подлинность рассказов о том, что второй человек в нацистской партии сразу после разгрома «третьего рейха» облачился в респектабельный наряд епископа немецкого происхождения магистра Августина фон дер Ланге-Ленбаха. Но мне они отнюдь не кажутся невероятными.

Однако эти рассказы не утоляют мой голод. То сообщают, что в мае 1948 года на борту корабля некий отец-иезуит, высадившийся в Аргентине под именем Хуана Гомеса и нашедший убежище на вилле под номером 120 на Кайе Санта в богатом пригороде Сан-Мартина, был не кем иным, как Борманом. То говорят, что какой-то старичок с пустым взглядом, который умер в феврале 1973 года в единственной отдельной палате госпиталя Туписа в Боливии, где по ночам, не смыкая глаз, дежурили четыре медсестры (одна из них, самая старшая, по

имени Урсула), и которого звали Рикардо Бауэром, тоже был Мартином Борманом. Все это, так же как и псевдоним Хуан Гомес, как мне кажется, находится в области фантазии...

Искушенный в проблемах, связанных с распространением нацистской заразы, читатель может заметить, что я цитирую, и весьма подробно, некоторые важные пассажи из произведений Ладислава Фараго. Я не буду спорить с этим журналистом, который достаточно ловко избегает упоминания о роковой роли ЦРУ в расселении по разным странам большого числа военных преступников. Он долго ездил по Латинской Америке в надежде поднять крупную дичь.

Я думаю, что дело просто в недостатке у новых историков определенного опыта и интуиции. Со своей стороны я не виню их, ибо сам не раз давал волю своему воображению. Правда, потом обуздывал его в момент передачи рукописи издателю...

Следует также бросить упрек автору обширного и запутанного сочинения «Четвертый рейх»[1] в том, что он не отважился взяться за изучение «тайн» Ватикана. Другое произведение, написанное в Риме при содействии нескольких церковников, безусловно, могло бы поднять завесу над странной перепиской папы Пия XII с немецкими (и даже нацистскими) епископами в период 1942—1944 годов. В нем идет речь о простой пачке писем, предназначавшихся среди прочих магистру Бертраму, весьма прогитлеровски настроенному кардиналу в Бреслау, и магистру фон Фаульхаберу, епископу Мюнхена, которые, разумеется, очень быстро оказались в руках рейхсляйтера Мартина Бормана, самого скрытного и наиболее информированного человека в Европе, преданной фашизмом огню, мечу и крови[2].

[1] Париж, издательство «Бельфон», 1975.

[2] Некоторое время тому назад при строительстве транспортной магистрали в Западном Берлине был найден скелет, который был идентифицирован как скелет Мартина Бормана. Скелет обнаружен на пути неудавшегося прорыва одной из последних групп эсэсовцев, в которой и находился М. Борман.— *Прим. ред.*

Глава XI

Коллекционеры со свастикой

Наконец-то я собственными глазами увидел, что собой реально представляло «нацистское состояние». Речь идет о колоссальных ценностях, накопленных путем грабежей и хищений. Их существование длительное время оспаривалось некоторыми заинтересованными в этом лицами. Лишь небольшая их часть была обнаружена весной 1945 года американскими войсками в тайнике Меркерса в Тюрингии: 278 тонн золота и сотня ящиков, наполненных драгоценностями и акциями на предъявителя.

...Монте-Карло, август 1976 года. Коктейль, который давал знаменитый ювелир Гарри Уинстон в залах отеля «Париж», подходил к концу. Лакеи в ливреях под бдительными взглядами полицейских инспекторов провожают к выходу мужчин в смокингах и женщин, увешанных изумрудами и бриллиантами.

В этой толчее я был представлен странному человеку. Худой и загорелый, одетый у модного портного, он беспокоился из-за пробки, устроенной «роллс-ройсами» и «ягуарами». По его словам, он возвращается с Вайкики, где проводил свой отдых, чтобы получить купленный им «мерседес-600», то есть машину самого высокого класса и соответственно стоимости. Поймав мою восхищенную улыбку, он повернул ко мне свое хитроватое лицо. Неужели я уже видел его?

— А мы с вами старые знакомые, герр барон, не так ли?

Мой вопрос заставил его вздрогнуть. Но он взял себя в руки, приняв добродушный и удивленный вид.

— Вспомните. Тридцать лет назад в Австрии.

Его челюсть отвисла, обнажив мелкие квадратные зубы в безгубом рту.

— Ах, должно быть у графа Шёнборна? Или у Фестетикса?

— Вовсе нет. У барона Клингспора. А точнее, на вилле «Пратер» в Фельдкирхе в 1946 году.

— Какая память! — изумленно покачал он лысым черепом.

Беспокойство, равно как и любопытство, побудили его любезно поддержать компанию и попробовать заставить меня разговориться. Мы спустились по широкой лестнице отеля и перешли на другую сторону площади, чтобы спокойно устроиться в «Кафе де Пари». Теперь вопросы задавал он.

— Вы по-прежнему увлекаетесь произведениями искусства и картинами?

— Я всего лишь любитель.

Австрийский барон уставился на меня вылинявшими голубыми глазами.

— Все та же скромность. Я вспоминаю ужин у принцессы Кински. Вы принесли нам тогда, в эпоху суровых ограничений, несколько бутылок прекрасного вина, не так ли?

В то время как мой визави потягивал белое вино, я вспоминал о моих необычных приключениях на австрийском берегу озера Бодензе в первые месяцы после капитуляции «третьего рейха» в компании «новых друзей», принадлежавших к самым титулованным семьям Европы: Виттельсбахов, Гогенцоллернов, Романовых, Габсбургов и т. д. Они бежали из Центральной Европы, оказавшейся в водовороте разгрома. Большинство из них находились под домашним арестом. Именно тогда я научился быстро отличать фальшивого Каналетто от подлинного, настоящего Мемлинга, разыскиваемого службами союзников, — от скверной копии, подлинную икону — от подделки, изготовляемой на Корфу, а также оценивать великолепную работу по золоту и серебру на табакерках Фаберже.

Во время ужина наш разговор не клеился. Очевидно, барон собирался увлечь меня в менее людное место. Мы условились выпить по последнему бокалу в его номере в отеле «Эрмитаж».

Помещение, которое он занимал на втором этаже, напоминало антикварную лавку. Бронза XVIII века, китайский фарфор, коллекция табакерок, инкрустированных драгоценными камнями, и кубков из позолоченного серебра, великолепная икона школы Рублева, малайский

столик с шахматной доской и живопись XVII века на религиозные сюжеты.

— Что вы скажете о моем товаре? Это только образцы, которые я вожу с собой... У меня их на миллион швейцарских франков. В Базеле в сейфах я храню гораздо более ценные вещи.

Улыбка соблазнителя, появившаяся на его губах, дала мне понять, что он намерен что-то предложить. Он не замедлил это сделать:

— Вы хотели бы заработать?

Он повторил эти слова, поигрывая старинной тарелкой:

— Взгляните... Это — массивное русское золото высшей пробы. Происхождение: императорский дворец Екатерины Второй. Здесь есть все клейма. Эта тарелка из сервиза, состоявшего из 118 предметов, его я храню в Швейцарии. Им пользовались царь Павел I и его сын Александр, который привез его на конгресс в Вену, чтобы отметить создание Священного союза. Однако эти уникальные ценности с клеймом «Санкт-Петербург, 1759» не вернулись в Россию. Я предполагаю, что царь преподнес их в дар австрийскому двору. Вот недавний сертификат о подлинности, выданный известным венским экспертом.

Барон поднес к моим глазам документ, покрытый печатями и надлежащим образом подписанный. Затем он взглянул на меня:

— Вы знакомы со многими людьми, недавно пожимали руку богатейшему шейху Кашуги из Саудовской Аравии. Вам есть смысл заняться продажей этого сервиза. Это будет «золотая сделка» в полном смысле этого слова... Когда вы ее заключите, будут еще и другие. Например, 500 килограммов посуды из позолоченного серебра, коллекция икон XIV века, десяток полотен художников-импрессионистов. Было бы хорошо, если бы вы сбыли этот товар в Саудовской Аравии или в Южной Америке...

— Почему же не в Европе?

— По личным мотивам,— ответил он.— Продайте мне этот сервиз за миллион долларов, и вы получите 15 процентов от стоимости сделки.

Я задал ему вопрос, который считал необходимым:

— А что вам известно о происхождении этих ценностей? Не фигурируют ли они в списках, имеющихся во

всех европейских столицах, где взяты на учет сокровища, украденные СС или специальными посланцами рейхсмаршала Геринга?

Поднеся к самому его носу массивный золотой кубок, я отчеканил:

— Не находилась ли эта вещь в витрине музея в Минске, во Львове или в каком-нибудь венгерском замке?

Барон весь напрягся, его рот напоминал тонкий шрам. Не пожав ему руки, я вышел, громко хлопнув дверью. На следующий день я узнал, что он покинул княжество на своем сверкающем новом «мерседесе».

Тем временем я позвонил своему другу-судье, бывшему узнику Маутхаузена.

— Ваша история меня вовсе не удивляет,— сказал он.— Не воображайте только, что Интерпол готов немедленно схватить за шиворот вашего знакомого. Старое юридическое право пока что защищает его. Оно гласит: после тридцатилетнего владения вещь становится собственностью владельца. Если отсчитывать с 1946 года, то этот срок истек.

Он сокрушенно добавил:

— Мне рассказывали о многих других баронах и баронессах, которые цинично предлагают свои сокровища, вернее, то, что награблено СС. Только если вы сами являетесь владельцем похищенных предметов и имеете возможность это доказать — другого законного средства заставить их отдать награбленное не существует.

Встреча в Монте-Карло, которая поначалу позабавила меня, в конце концов не прошла бесследно. Никакой тридцатилетний срок давности не запретит мне оживить время, когда я впервые повстречался с этим австрийским аристократом, бароном фон К.

Ноябрь 1945 года, Фельдкирх. Как хорошо я его помню!

Мое положение бывшего сотрудника американской разведки и хорошее знание немцев позволили мне досконально изучить некоторые запутанные дела, и в частности грабежи, совершенные нацистами, равно как и американскими военнослужащими, наложившими лапу на огромные припрятанные фашистами сокровища: золотые слитки, сосуды, наполненные алмазами, шедевры жи-

вописи и т. д. Стоимость похищенных ценностей и трофеев, разделенных между бежавшими высокими чинами рейха и некоторыми офицерами оккупационных войск выражается в миллионах долларов. Эта афера стоила жизни полковнику Z., пустившему пулю в лоб. Некоторые американцы предстали перед судом. Однако многие сокровища так и не были найдены.

Я отправился в Фельдкирх в конце 1945 года, чтобы, отдохнув, заняться расследованием. У меня были сведения, что на восточном берегу озера Бодензе я найду тех, кто достаточно информирован о международной торговле исчезнувшими произведениями искусства.

Вспоминается одна грязная история, случившаяся весной 1945 года. Тогда мне помогла форма военного корреспондента. Дело происходило в немецкой деревушке Меркерс, расположенной около города Бад-Зальцунген. Снег толстым слоем покрывал землю между Рейном и лесами Тюрингии. В одну особенно холодную ночь состав из двадцати четырех вагонов остановился на маленькой станции Дорндорфа, рядом с Бад-Зальцунгеном. Из поезда высадился отряд эсэсовцев, гремя сапогами по промерзшей земле. Их приветствовали другие эсэсовцы, державшие на поводках огромных волкодавов. Из-за бомбежек поезд двигался только в полной темноте. Его груз был государственной тайной.

В двадцати четырех вагонах были только ящики. Лишь один оберштурмбаннфюрер СС, отдававший команды хриплым голосом с сильным баварским акцентом, знал, что находится внутри ящиков: иностранная валюта, акции крупных заграничных фирм на предъявителя, жемчужные ожерелья, изумруды, бриллианты, золотые и платиновые кольца в несметных количествах, золотые монеты разных стран и эпох, венецианские дукаты, самые разные раритеты.

Свидетель этой операции, немецкий железнодорожник, позднее рассказывал изумленным американцам:

— Как только локомотив поставили на запасный путь, двое в черных кожаных пальто проверили сохранность пломб на раздвижных дверях. Ящики начали сгружать на грузовики, оцепленные эсэсовцами с автоматами. Один ящик, выскользнув из окоченевших рук грузчиков, упал

и разбился. Я увидел блестевшие в полутьме распятия, дароносицу и другую церковную утварь. Очень медленно из-за гололедицы колонна грузовиков исчезла в ночи, двигаясь по направлению к шахте Кайзерода.

В нескольких сотнях метров под землей в двух параллельных, недавно зацементированных галереях ящики были уложены в штабеля. Почему Гиммлер и его подручные выбрали этот лес для укрытия сокровищ? Объяснение вытекает из предписаний плана «Ольга»: он предусматривал строительство бункера именно в Тюрингии, в Ордорфе, где, защищенный тоннами бетона, Гитлер должен был пережить последние часы поражения в ожидании того времени, когда произойдет «переориентация» союзников, то есть разрыв между Рузвельтом и Сталиным. Спрятанные на расстоянии не более 40 километров от бункера сокровища были предназначены для того, чтобы выторговать снисходительность западных союзников. Узники концлагеря в Бухенвальде, которые укрепляли подземные коридоры Кайзерода, превратили их в гигантские сейфы. По приказу обергруппенфюрера СС Освальда Поля из экономического отдела РСХА около сотни узников в полосатых робах было казнено сразу же после того, как немецкий офицер заколотил последнюю доску ложной двери на поверхности.

Единственный уцелевший из заключенных свидетельствовал:

— Группами по двадцать человек, набитых в клеть, мы спускались на глубину 200 метров, чтобы работать там при слабом мерцании электрической лампочки. Мы не знали, когда был день или ночь.

Этот узник по имени Йозеф Яну вспомнил также название фирмы, использовавшей каторжный труд заключенных: «Людвиг Реннтье и Генрих Кальб».

Штаб 90-й армии США отдал приказ о самых тщательных подземных поисках. Как явствует из «Мемуаров генерала Паттона», он получил 6 апреля 1945 года в 15 часов 15 минут «самое лучшее сообщение за день»: докладывали, что в деревушке Меркерс найдена часть сокровищ нацистов, награбленных ими во время войны. Назавтра последовали новые радостные восклицания, когда генерал Эдди подтвердил, что его люди инвентаризировали банкноты на сумму в миллион долларов. Затем

пришлось взорвать бронированную дверь. Находка оказалась столь поразительной, что в штаб главнокомандующего армиями союзников генерала Дуайта Эйзенхауэра была тотчас же направлена телеграмма. Пять дней спустя Эйзенхауэр посетил это место и лично пересчитал ящики с золотыми слитками из рейхсбанка. В них были золото и другие драгоценные металлы на сумму около 250 миллионов долларов, не считая бумажных денег и полотен великих живописцев, сваленных в кучу.

Американский отдел «G-2» указал Паттону на странные, вызывающие содрогание предметы, содержавшиеся во многих ящиках. Поздней ночью генерал танковых войск записал в своих заметках: «Помимо слитков, луидоров и банкнот мы обнаружили значительное количество мешков, наполненных золотыми украшениями, фаянсом, золотыми коронками и зубными протезами из золота».

3 октября до отказа наполненные американские грузовики прибыли в порт Амстердама. Погруженные на военный корабль «трофеи Паттона» были отправлены в Соединенные Штаты.

Для офицеров из отдела «G-2» и для военного корреспондента вроде меня дело о сокровищах, награбленных нацистами во время войны, отнюдь не было закрыто. Где-то еще наверняка упрятаны «ценности СС»: на нашей планете места для этого найдутся.

Ноябрьский вечер 1974 года, Нью-Йорк. Я на вернисаже модного художника, выставившего эротические полотна. В одном из залов неожиданно лицом к лицу столкнулся с давним знакомым, след которого потерял тридцать лет назад. Молодой лейтенант Ли Вебстер, с которым я когда-то проводил время в Берлине, стал богатым, преуспевающим адвокатом. Естественно, не обошлось без воспоминаний...

Приятная музыка звучала в накуренных комнатах и разносилась в ночи, расцвеченной яркими неоновыми огнями. Ли сказал мне, что он в Нью-Йорке проездом по делу, которое взбудоражило глав двух европейских правительств, а также ведомство Генерального секретаря ООН. Я со своей стороны поведал ему кое-что из моей сугубо частной «охоты за ведьмами», описал ему произведения искусства, не имевшие ничего общего с теми,

которыми нам было предложено восхищаться на вернисаже. Ли улыбнулся:

— Довольно запутанное дело, которое привело меня в Нью-Йорк, касается двух полотен Дюрера, довольно много путешествовавших. До войны они находились в музее в Веймаре. Чтобы спасти их от бомбежек, директор спрятал их в подвале замка в Шварцбурге. Затем замок был занят американскими войсками, и шедевры исчезли... Они объявились в 1966 году в коллекции нью-йоркского мультимиллионера Эдварда Элекофона. Боннское правительство потребовало их возвращения. Германская Демократическая Республика предъявила свои претензии. Очевидно, они вполне законны, поскольку полотна прибыли из Тюрингии, являющейся частью ГДР... На это Бонн ответил, что является единственным германским правительством, признанным Вашингтоном. Тем временем Восточная Германия была принята в ООН. Верховный суд Соединенных Штатов должен разрубить этот гордиев узел.

— Были ли это действительно американцы? — поинтересовался я.— Или полотна украли немцы, переодетые в американскую форму?

Адвокат ничего об этом не знал. Мы закончили наш разговор на террасе его апартаментов в Бикмэн-Тауэрс, на Парк-авеню. Признания коллекционера Эдварда Элекофона не оставляли никаких сомнений. Мы попытались распутать лишь сеть сообщников, через двадцать лет переправивших эти полотна через океан и пустивших их в обращение среди богатых поклонников искусства. Это, безусловно, было делом рук хорошо организованной банды, в которую входили как немцы, так и американские военные.

— Не исключено,— заметил я,— что приспешники Кальтенбруннера, в частности служащие экономического отдела РСХА [1], ранее возглавлявшегося штандартенфюрером Шпацилом, завершили этот грабеж вскоре после капитуляции...

Мой друг одобрил мою гипотезу и в заключение сказал:

— В Берлине 1945 года мы были неразборчивы при найме обслуживающего персонала, выбирая случайных

[1] Отдел Haushalt und Wirtschaft, работавший в тесной связи с SS — Truppenverwaltung, подчинявшимся экономическому управлению, возглавляемому обергруппенфюрером СС О. Полем.

«добрых немцев», которые были способны, по нашему мнению, мыть наши машины или вычищать мусорные корзины. Тогда мы могли бы и Адольфа Эйхмана взять истопником...

Тень нацистского профессионала геноцида проскользнула между нами. Я поделился с Ли Вебстером своими сомнениями:

— Эйхман ответил на 12 тысяч вопросов перед тем, как его повесили на рассвете 1 июня 1962 года во дворе тюрьмы в Рамаллахе. Сотни раз он давал одни и те же показания израильским службам, прокурору, судье. Нет, он действительно не располагал в Аргентине другими средствами, кроме заработка механика... Нет, ему неизвестно о секретных богатствах других нацистских беглецов в Южной Америке. Разве его дети не ходили в залатанных штанишках во время его ареста?

Не издевался ли этот человек, с виду такой покорный и так желавший помочь судьям, в преддверии своей смерти? Не унес ли он в могилу свою чрезвычайно важную тайну?..

— Не подмигнул ли он палачу в последний момент? — спросил Вебстер.— Мне кажется, это похоже па него. Один известный психиатр сказал мне, что такого рода мрачное удовлетворение, которое демонстрировал Эйхман во время долгого процесса, показалось ему подозрительным с точки зрения психиатрии. Однако израильтяне...

— ...не опубликовали стенографический протокол допросов и судебного разбирательства. Торопясь показать пример правосудия, они, возможно, упустили из виду одну из особенностей Эйхмана.

И я рассказал своему другу юристу о деле так называемых «сокровищ Блаальпа» — скромного тирольского городка по соседству с Бад-Аусзе. 5 мая 1945 года, как явствует из показаний свидетелей, в этом районе появился эсэсовский офицер, удивительно похожий на Эйхмана. За его открытой машиной следовали два грузовика, на борту которых, слегка прикрытые брезентом, находились двадцать два больших ящика. На них было написано: «Собственность СС». Грузовики благополучно преодолели горные, плохо вымощенные дороги. Примерно за два дня до прибытия отряда австрийских партизан-антифашистов и первых джипов союзников эсэсовский офицер и его сопровождение исчезли. Грузовики были сброшены в озеро неподалеку. Без ящиков, разумеется...

С тех пор ходит слух, что часть секретных нацистских сокровищ погребена в засыпанной пещере.

— По-видимому, в коридоре шахты длиной почти в километр? — перебил меня Ли.

— Отнюдь нет. Шахта была открыта и обследована. В ней было спрятано несколько сотен картин, большей частью украденных из церквей Италии и Венгрии. Нет, во время Нюрнбергского процесса ходили слухи, что Эйхман «снял сливки» с нескольких временных тайников, где находились только драгоценности, слитки, большое количество серебряных талеров времен императрицы Марии-Терезы, которые остаются в обращении на берегах Красного моря.

В те времена один баварский крестьянин показывал своим друзьям картину, написанную художником-импрессионистом. Эксперт признал в нем Клода Моне. Когда извлекли картину, так долго валявшуюся в буфете, крестьянин воскликнул: «Но я же заплатил за нее... Я отдал килограмм картошки одному неопрятно одетому эсэсовцу, который искал еду для своих приятелей, прятавшихся в лесу. Неплохая цена за эту мазню, не правда?»

— Значительная часть произведений искусства, награбленных СС,—прервал мой друг адвокат,— была тем не менее найдена. Как и оригинал знаменитой гравюры Дюрера «Рыцарь, Смерть и Дьявол», датированной 1513 годом, которую сам Гитлер, неравнодушный к Дюреру, заставил своих телохранителей из «Мертвой головы» снять со стены в верхней галерее музея Нюрнберга. Это касается и частных коллекций Геринга и Риббентропа, не говоря уж о личном собрании фюрера. Американская комиссия по защите исторических памятников, возглавлявшаяся до 1946 года судьей Оуэном Дж. Робертсом, проделала большую работу в этой области.

— Я согласен с вами и отдаю должное хранителям Фонда Ротшильда в Париже, музея «Метрополитен» в Нью-Йорке, проделавшим гигантскую работу по переписи награбленных шедевров. Не следует забывать при этом федеральную полицию ФРГ, которая внесла свой вклад в возвращение сокровищ. Необходимо особенно отметить чутье бывшего участника итальянского Сопротивления комиссара Родольфо Сивьеро из Флоренции, который добился возвращения нескольких сотен предметов искусства, украденных нацистами. Самой пострадавшей в этом

отношении была, несомненно, его страна. Сивьеро считал и вновь пересчитывал картины Рафаэля, Тинторетто и Караваджо. В Мюнхене, бывшей столице НСДАП, хранитель Национального баварского музея поведал мне со слезами на глазах, что из 650 произведений искусства, находившихся в личном противовоздушном убежище фюрера, только 50 были возвращены государственным музеям.

— Слишком много хорошо воспитанных немцев, когда им напоминают о грабежах и хищениях эсэсовцев,— сказал я,— воздевают руки к небу. «Война, оккупация,— вздыхают они.— Разве теперь поймешь, кто был грабителем?!» Я приводил им такие доводы: в 57 советских музеях, находившихся в зоне действий гитлеровцев, 98 тысяч произведений искусства все еще считаются утерянными. Из этого количества приблизительно 70 тысяч погибло под бомбами или было сознательно уничтожено. Не только выдающиеся полотна Репина, Верещагина, Айвазовского, Серова, но и картины голландских художников XVII века, полотна Рембрандта... Именно отборные части СС, названия которых множество немцев все еще произносят с почтением, расхищали художественные ценности, входящие в сокровищницу мировой культуры.

— Последний тост, Виктор Александров,— сказал Ли.— За кого бы вы хотели его поднять?

— За тех, кто провел перепись награбленного Герингом,— ответил я, не задумываясь.— Вам известно, что его вдова и дочери пускают слезу перед телевизионными камерами, жалуясь на то, что не получают никакой пенсии, никакого возмещения за ущерб. И это сетуют родные преступника, который на все времена останется самым крупным похитителем произведений искусства в истории человечества...

Следуя примеру заплывшего жиром рейхсмаршала, другие высокопоставленные нацисты составили себе в 1943 и 1944 годах потрясающие коллекции картин. Одного из них звали, зовут и по сей день, Питером Ментеном. Я видел его в окружении дюжих голландских полицейских, арестовавших и допрашивавших его... через четверть века бумажной волокиты или судебной «забывчивости». Это произошло 2 декабря 1977 года на бетонной

дорожке взлетной полосы аэропорта, расположенного около Амстердама, где я только что сам приземлился и услышал по радио короткое сообщение о его аресте.

Коренастый человек, который прошел мимо меня, демонстрируя притворную уверенность и пряча лицо от зевак, имел пять миллионов флоринов. В течение более 20 лет он занимал привилегированное положение в своей стране, будучи дельцом и коллекционером произведений искусства. Газеты ничего не писали о нем до того дня, когда Питер Ментен согласился дать интервью газете «Телеграф». Его погубило тщеславие или, скорее, безудержная погоня за барышами. Он собирался продать самые ценные из своих полотен, принадлежащих кисти известных живописцев, у Сотби, на знаменитом лондонском аукционе. Чтобы поднять цены, он решил укрепить свою репутацию знатока искусств.

Интервью, опубликованное на страницах «Телеграф», насторожило журналиста Хавива Канаана. Он проконсультировался с друзьями, имевшими солидные архивы. Три дня спустя появилась статья, в которой Канаан разоблачал Ментена, бывшего оберфюрера СС из бригады голландских штурмовиков, который занимался теперь тем, что перепродавал награбленное им в оккупированной Польше.

Другие журналисты тоже пошли по следу бывшего эсэсовца. Прежде всего Ганс Кнооп, главный редактор голландского еженедельника «Аксан». Затем Вибо ван де Линде, корреспондент голландского телевидения. Наконец, Мартин Вальзер из западногерманского еженедельника «Штерн», известный своими острыми статьями.

Питера Ментена должны были арестовать в середине ноября. Однако он исчез, не оставив в своей вилле из сорока комнат в пригороде Амстердама ничего, кроме шелковой пижамы. Этот побег превратил «дело Ментена» в международный скандал. Политический кризис потряс голландское правительство, и оппозиция, не особенно заботясь о доказательствах, немедленно объявила, что министр юстиции Ван Агт и спикер парламента, депутат Леопардус Кортенхорст причастны к этому побегу. Сообщалось, что Ментен послал им «конверты», содержащие по 400 тысяч франков.

Те же журналисты обнаружили Ментена в Швейцарии, где он скрывался под чужим именем. Федеральные власти в конце концов согласились выдать бывшего эсэ-

совца при условии, что Ментен отправится в Голландию. В Цюрихе под надзором Интерпола его посадили в самолет фирмы КЛМ. В ожидании суда посольства СССР, Польши и Израиля в Гааге представили обширные досье о военных преступлениях бывшего эсэсовца.

Семидесятивосьмилетний Питер Ментен пользовался услугами целого ряда известных адвокатов. Согласно их мнению, его преступления, совершенные во Львове, Подгородце, Урице, представляются «весьма отдаленными во времени». Возможно, Ментен — коллекционер с руками, запятнанными кровью,— мечтал закончить свои дни в одном из дворцов Монте-Карло. Ведь грабители из СС входят в высшие слои общества. Однако голландское правосудие приговорило Питера Ментена к 15 годам, которые ему придется провести не в Монте-Карло, а в тюремной камере.

Глава XII

СС в оазисе

Эсэсовские оборотни бродят по нашей планете. И сегодня с ними можно встретиться в самых разных местах...

Они напоминают о себе финансовыми скандалами, продажами с торгов, светской хроникой в крупных газетах, переворотами в «третьем мире», а также бандитскими нападениями и ограблениями.

Недавно их эхо донеслось из Иерусалима. Там заседал военный трибунал, который должен был вынести приговор по запутанному делу. Следствие по нему тянулось целый год и совершенно не освещалось ни в местной, ни в иностранной прессе.

Достоянием гласности стала лишь одна деталь: трое арабов, личности которых не были установлены, оказались на скамье подсудимых вместе с двумя гражданами Федеративной Республики Германии. Представитель военного суда, капитан, был несловоохотлив. Он лишь сообщил, что немцев звали Томас Рейтер и Бригитта Шульц. Молодому человеку — двадцать четыре года, а девушке — двадцать три. Обвиняются в попытке убийства... Они были вооружены гранатометами и выпустили две ракеты в самолет компании «Эл-Ал», когда он взлетал с неназванного африканского аэродрома. Сотня пассажиров была на краю гибели. «Террористам не удался их план, они были быстро задержаны кенийской полицией»,— заявил офицер. Правительство Найроби, поддерживающее дружественные отношения с Израилем, поторопилось тайно выдать их Тель-Авиву.

Кем же были нападавшие? Израильские официальные лица хранили молчание. В кнессете пошел слух: молодые немцы не имели никакой связи с известными террористами из группы Баадера, наиболее воинственного отряда левых экстремистов ФРГ. Их сообщники-арабы

оказались иракцами, противниками баасистского правительства в Багдаде, ультраправыми студентами, которые жили в Вене и Мюнхене. Они не были сторонниками Организации освобождения Палестины.

На взлетной полосе в Найроби трагедии удалось избежать, однако израильские власти продолжали сохранять секретность. Лишь один высокопоставленный израильский функционер попытался пролить свет на действия экстремистов.

— Есть,— сказал он,— совпадение в том, что эти двое немцев предстали перед тем же трибуналом, который отправил Эйхмана на виселицу... Речь идет об «исторической преемственности», создающей немало проблем для нашего посла в Бонне... Однако наши самые заклятые враги находятся в самих странах Запада и всегда будут стремиться уничтожить нас. Речь идет о нацистах, об их молодых последователях и проповедниках обновленных профашистских теорий. Вот уже тридцать лет, как они тайно осели также на земле некоторых стран Востока... Будущее покажет, какие угрозы несут всем нам неонацисты...

Голос этого человека звучал патетически. Он напомнил нам, что уже двадцать четыре года в странах Ближнего Востока можно слышать распевающих гитлеровский гимн. Эти шумные встречи «бывших» в тени эвкалиптов или финиковых пальм указывают на близость места расположения беглецов из отдела IV-Д РСХА, в свое время занимавшегося осуществлением программы «радикального решения еврейского вопроса».

Среди этих оазисов — знаменитый Гелиополис (Город солнца), воздвигнутый бельгийским бароном Эмпеном в пустыне недалеко от Каира; зеленый и цветущий остров Замалек, омываемый водами Нила: удаленное и роскошное предместье Каира Маади, расположенное к югу от египетской столицы...

Разжиревший король Фарук был, пожалуй, первым, кто на скорую руку «денацифицировал» гитлеровцев. Десятки тысяч этих вояк находились в лагерях военнопленных британской армии в зоне Суэцкого канала. Механики Роммеля днем и ночью вылизывали принадлежавшие Фаруку американские лимузины яркой окраски. Доверенное лицо Фарука итальянец Поули Бей нашептывал ему:

— Сир, есть и другие солдаты Гитлера, еще более способные и более враждебно настроенные по отношению к проклятым англичанам: бывшие члены СС и гестапо, в настоящее время вынужденно оказавшиеся не у дел.

Ему было нетрудно убедить Фарука, который помалкивал о своих контактах в разгар войны с Вильгельмштрассе, поддерживавшихся через великого муфтия Иерусалима. Тучи саранчи со свастикой устремились в страну пирамид.

Событием, которое встревожило прессу стран, победивших гитлеровскую Германию, и заставило пролиться немало чернил, был побег Ганса Вальтера Цех-Неннтвича. Этот бывший оберштурмфюрер, замаскировавшийся под «дипи», высадился в Александрийском порту и был встречен в Каире на удивление открыто. Во время обильных возлияний, когда шампанское лилось рекой, он неосторожно проговорился о существовании уютного убежища людей Гиммлера на берегах Нила.

Такое убежище было задумано давно. Вероятно, во время тайного совещания в отеле «Мезон руж» в августе 1944 года в Страсбуре. Либо в апреле 1945 года, когда подобные планы разрабатывались в бункере Гитлера его ближайшими сотрудниками.

Личный пилот фюрера Ганс Баур сделал на этот счет несколько признаний. Они заслуживают доверия, поскольку этот офицер-летчик был не рядовым пилотом, а генералом полиции СС, специально подобранным в марте 1932 года «коричневым домом» в Мюнхене. За тринадцать лет он слышал тысячи доверительных высказываний фюрера, поддерживал дружеские связи с Муссолини, регентом Хорти, царем Болгарии Борисом, Пьером Лавалем, Отто Скорцени и др. Вплоть до самоубийства Гитлера он обедал с ним за одним столом и был его преданным слугой, которому было поручено сжечь останки диктатора. В январе 1938 года он покинул здание канцелярии для выполнения странной воздушной миссии в Африке в качестве командира «юнкерса-52» с «техническими» остановками в Риме, Триполи, Каире, Хайфе, Хартуме, Джубе и т. д. вплоть до Иоганнесбурга. Фон Риббентроп, министр иностранных дел Гитлера, лично занимался организацией встреч Ганса Баура с представителями колониальных властей Южной Афри-

ки. В то же время Бальдур фон Ширах путешествовал по Малой Азии, предваряя воздушное турне д-ра Геббельса в исламские страны.

В своей книге, появившейся в 1956 году, Ганс Баур плаксиво повествует о последних часах Адольфа Гитлера. 30 апреля 1945 года вечером он в последний раз вошел в подземную комнату фюрера. Тот протянул ему руку: «Баур, я хочу с вами проститься... Я собираюсь покончить с собой». Ошарашенный пилот запротестовал. Это казалось ему абсурдным. Он пытался разубедить Гитлера, который жаловался угасшим голосом на то, что «предан своими собственными генералами», что солдаты, еще находящиеся в его распоряжении, «отказываются сражаться», и т. д.

Баур принялся умолять Гитлера, в то время как Геббельс и Мюллер терпеливо ждали за дверью. Он предложил Гитлеру бежать вместе с ним. Вот как он писал об этом в 1956 году: «Я пытался заставить его изменить решение... У нас еще есть самолеты,—убеждал я фюрера,— которые готовы доставить нас в Аргентину, Японию или еще лучше — к арабским шейхам, одобрявшим его позицию в еврейском вопросе...»

По словам «летающего» оберфюрера СС, Гитлер ужасно боялся, что его усыпят в подземном убежище новым газом, которым якобы располагали русские, а потом отвезут в СССР и живым выставят на всеобщее обозрение на Красной площади.

Из-за самоубийства Адольфа Гитлера и Евы Браун, сжигания трупов и колебаний Бормана, Мюллера и генерала СС Рауха Баур покинул бункер только тридцать шесть часов спустя. Он не успел присоединиться к дивизии СС группенфюрера Штайнера, отступавшей на север от Ораниенбурга, и тем самым упустил случай начать свою вторую карьеру среди рассеявшихся по свету нацистов, бежавших под солнце Африки или Южной Америки... Генерал полиции собирался улететь еще раньше, 29 апреля, на одном из всепогодных самолетов «строч». Пилот Ханна Рейтш ежедневно сажала их на взлетную полосу, наспех построенную между Бранденбургскими воротами и Триумфальной колонной, ради чего были до основания спилены липы в центре разрушенного Берлина.

Я слышал немало подтверждений версии, согласно которой до самых последних часов апреля 1945 года

существовал план спасения фюрера на самолете. Это была бы несколько насильственная эвакуация. Она могла состояться, если бы рейхсляйтеру Мартину Борману удалось убедить своего хозяина, превратившегося в душевнобольного. Речь шла о длительном перелете, давно продуманном пилотом, исследовавшим отдаленные уголки Африки,— о перелете, который затмил бы операцию, проведенную Отто Скорцени по спасению Бенито Муссолини.

Что же касается Ганса Баура, то он попал не в пустыню на западе Египта, не в Хайфу и не на таинственные берега Красного моря. Личный пилот Гитлера Ганс Баур очутился сначала в московской Бутырской тюрьме, а затем в лагере для военнопленных...

За неимением более именитых гостей Гелиополис встречал с распростертыми объятиями эсэсовца Цех-Неннтвича. Его поместили в большом и комфортабельном здании недалеко от роскошной виллы, которую Фарук приготовил для своего друга — великого муфтия Иерусалима. Приглушенным голосом Цех-Неннтвич рассказывал о своем друге Хусейне Гаафере, личном переводчике с арабского у покойного фюрера. В действительности это был немец родом из Берлина по имени Иоганн Эпплер, натурализовавшийся египтянин с 1934 года. Разговор шел также о делах германо-египетского треста «Оппенгейм — Гесс и К°», возродившегося весьма незаметно, чтобы не встревожить крупные английские компании, столь могущественные на Ближнем Востоке.

Посмеивались над приключениями марокканского эмира в изгнании Абд-эль-Карима, только что сбежавшего с французского грузового судна, проходившего по Суэцкому каналу. В то время Жорж Бидо хотел заключить его в тюрьму...

Время приятно проходило между «Оберж де пирамид», роскошным ночным клубом по дороге в Гизу, и Королевским охотничьим и стрелковым клубом для самых избранных, где было так приятно летними вечерами, когда от вод Нила веяло прохладой... Здесь плели сети очередных заговоров. Добившись первых успехов, сеть подпольной эвакуации бывших эсэсовцев превратилась в контору по трудоустройству, которая успешно переправляла в Египет беглых палачей.

Их имена, переданные мне в 1962 году, были исключительно арийского происхождения, тогда как их псевдонимы — семитского. Например:

Бернгард Бендлер, бывший капитан СС, разыскиваемый за военные преступления, в частности, польскими властями. В тени минаретов он обосновался как бикбаши (полковник) Бешир Бен Салах;

Алоиз Брюннер, один из заместителей Эйхмана, занимавшийся травлей евреев в Салониках и Будапеште, сообщник своего брата Карла (следы которого автор этой книги разыскал в Тироле, перед тем как тот был повешен в 1946 году). Известен в почтовом отделении Гелиополиса под именем Али Мохаммеда;

Фридрих Бюбль, бывший агент гестапо, технический советник египетской полиции с 1952 года, значится под именем Бен Аман;

Иоахим Дёмлинг, офицер подразделения СС, затем шеф гестапо в Дюссельдорфе, оказался в своей стихии, в качестве Ибрагима Мустафы, устанавливая «должный порядок» в политических тюрьмах Египта;

Леопольд Глейм, бывший шеф полиции безопасности в оккупированной Польше; выждав два года, надел красную феску как Наам Аль Нашар и был произведен в полковники, занимался политическими заключенными; опыта для этого у него вполне хватало;

Людвиг Хейден, журналист и пропагандист НСДАП, обратился в ислам, переменив бункер Гитлера на святыни Мекки;

Генрих Виллерман, работавший в административных службах концентрационных лагерей. Разыскиваемый робким правосудием правительства Аденауэра, он предложил свои услуги специалиста в Египте и был назначен управляющим лагеря политических заключенных в Самарахе, около Александрии, под именем Хуссейна Ахима Аль-Файуна.

Многие другие высшие нацистские чины собрались в стране пирамид. Вернер Вельтшалле, Зайпер, Хитхофер и другие станут завсегдатаями «Гроппи», роскошных открытых кафе в центре Каира, принадлежавших одному амбициозному швейцарцу, который в 1940—1944 годах оказал ряд услуг контрразведке правительства Черчилля.

Известно, что кабинет короля Фарука проявил великодушие по отношению к этим беглецам. Каждый из них получал в сорок раз больше, чем любой каирский поли-

цейский. Помимо этого официального жалования, многие нацисты нашли другие возможности для обогащения.

Вторая волна нацистской эмиграции на Ближний Восток — та, которая была связана с падением Перона в Аргентине,— оказалась еще более «удачной». Составлявшие ее эсэсовцы присоединились к клану торговцев наркотиками и фальшивомонетчиков. Поскольку «третий рейх» воскресить невозможно, не лучше ли, считали они, наводнить опиумом «вырождающуюся демократическую Европу».

Эти похождения бывших нацистов стали мне известны от моего верного друга, помогавшего в моих поисках. Два напечатанных на машинке листка, в спешке засунутых в большой желтоватый конверт, позволили мне поднять тревогу среди читателей нескольких французских, итальянских и скандинавских газет. Тем не менее я чувствовал себя неудовлетворенным, и поэтому пришлось отправиться в длительный рейд по Ближнему Востоку осенью 1965 года.

На террасе кафе «Кассит», что на улице Дитценгофф в Тель-Авиве, я встретился со своим информатором Эгоном В. Мы затронули неизвестные широкой общественности аспекты суэцкого кризиса и его тревожные последствия для Ближнего Востока. Он сказал мне: «В Порт-Саид проникли немцы — крайние националисты, управляемые из-за границы генералом Геленом. Среди них бывшие эсэсовцы, верные нацистским идеям, которые в них вдолбили в молодости. Нельзя забывать, что германское проникновение в страны ислама началось еще с пангерманизма, с этого идейного предшественника гитлеровского фашизма. Речь идет о наиболее зловещей разновидности колониализма, об опасности которого необходимо предостеречь все малоискушенное в политике население этой части мира. Начиная с арабов...»

Я познакомился с Эгоном в 1946 году в Германии. Внук прусского генерала, еврей по матери, он всегда чувствовал двусмысленность своего положения. Этот протестант-лютеранин жил тогда в Израиле. Он имел хороший архив, пополняя его в течение почти двадцати лет.

В 1960 году Эгон жил уже в Рейнской области, в комфортабельной квартире, которую ему как «жертве нацизма» предоставило западногерманское правительство. Там я и увидел его «коллекцию бабочек со свастикой»,

представлявшую собой старый альбом, который он заполнял с 1944 года. Бывший солдат вермахта, раненный в ногу, но освобожденный от военной службы скорее за «антигерманские настроения», Эгон был отправлен в концлагерь Дора. Здесь он записал на оберточной бумаге приметы эсэсовцев из лагеря смерти, а также их многочисленных подручных. После освобождения он продолжал свои записи и поиски палачей.

Когда мы были в Яффе, он повел меня в старый арабский дом и, плотно закрыв ставни, вручил мне кипу листов. «Роман об СС в оазисах»,— сказал он.— Своего рода завещание».

Вот что я, в частности, там прочитал: «Навьюченный тюками верблюд, размеренно покачиваясь, вышагивал по кольцевому бульвару Иерусалима... Два человека, стоявшие на тротуаре, наблюдали за суетой современного восточного города. Они, по-видимому, только что приехали: на них были зеленые габардиновые плащи. Их невозможно было спутать с христианскими паломниками, которые стекались сюда в это время. Их Бог — не в Вифлееме, а в Австрии.

У этих двоих не было повязок со свастикой: они оставили их в Берлине. Они представляли службу безопасности гитлеровской Германии, а точнее, отдел II/112 СД, вершивший делами евреев под началом гестапо. Они на время по высочайшему приказу оставили свои мрачные кабинеты на Принц-Альбрехтштрассе и пересекли Средиземное море.

Из двух немцев тот, что постарше, имел более высокий чин. Под серой фетровой шляпой, едва скрывавшей лицо, можно было узнать оберштурмфюрера СС Герберта Хагена [1]. У его спутника лицо было невыразительным. Тем не менее в характеристике, имевшейся в СС, было указано: «Внешность нордически-арийской расы».

СД поручило им деликатную миссию — «проникнуть на территории, контролируемые министерством по делам колоний в Лондоне, и в еврейские кварталы палестинских городов». Эта миссия оставалась секретной даже для дипломатов с Вильгельмштрассе... Только в наши дни обнаруженный подлинный документ с собственноручной подписью Хагена дает представление об этой разве-

[1] Позднее он станет правой рукой генерала СС Карла Оберга, шефа полиции СС во Франции. В настоящее время спокойно живет в Варштейне.

дывательной операции и о задачах, поставленных перед двумя офицерами СС, делавшими вид, будто они всего-навсего прогуливаются по Иерусалиму 1937 года. В документе говорится: «Разрешение 50 тысячам немецких евреев ежегодно покидать рейх означало бы...

...фактически направлять их сюда и укреплять израильскую коммуну в Палестине, яволь! (так точно!)

— Эти свиньи быстро создали бы здесь независимое еврейское государство!

— Но рейх не допустит этого. Сделанное нам предложение увеличить число еврейских эмигрантов в обмен на экспорт некоторых новых видов сырья для нашей промышленности неприемлемо. Наш доклад на этот счет будет, несомненно, содержать отрицательные рекомендации...

Двое эсэсовцев сначала посетили Весенний овраг, еврейский город, недавно возникший в пригороде старой арабской Яффы. На них произвела впечатление современная перспектива улицы Алленби. Повторяемое тысячу раз имя Дитценгоффа, основателя Тель-Авива, вызвало у них нервный тик. «Русский еврей», да к тому же еще немного «парижский»... Затем они отправились осматривать провинцию, особенно немецкие колонии, расположенные в плодородной долине. Фермеры, которых они встретили, в большинстве своем принадлежали к секте немецких тамплиеров, основанной в 1868 году Хоффманом из Вюртемберга.

Спутник Хагена предпочел Сарону и ее зеленеющие плантации. Этот человек с постоянно беспокойным взглядом был очарован зелеными елями, которые тамплиеры прижили на средиземноморской почве. Не напоминали ли они ему Линц, австрийский город его молодости? Он часто будет рассказывать о Сароне своим сообщникам-эсэсовцам. Эйхман будет даже утверждать, что родился в Сароне и там близко познакомился с иудаизмом. Эта легенда пустит корни.

В Иерусалиме эсэсовцев ждало разочарование. Берлинские шефы поручили им важную задачу: установить контакт с великим муфтием. Однако Хаджи Амина эль Хуссейни, главу мусульманской коммуны и лидера арабских экстремистов, невозможно было найти. Он, видимо, скрывался... Оправдает ли он свою макиавеллевскую репутацию? Он как-то заявил журналистам, что «самый большой враг арабов зовется Гитлером», поскольку, пре-

следуя евреев в своей стране, фюрер усиливает международный сионизм.

Можно представить себе ярость фанатика Хагена. Его усердие останется невознагражденным, поскольку два эсэсовца получили подтверждение новости, облетевшей консульства: Хаджи Амин действительно исчез. Переодевшись нищим, он сел в рыбачью лодку в Газе. Вскоре он попал в руки контролирующих Ливан и Сирию французов, которые тут же посадили его под домашний арест в пригороде Бейрута.

Два года спустя великий муфтий найдет себе лучшее убежище — в Багдаде. Затем он полетит в Тегеран, Рим и, наконец, в Берлин. В столице до зубов вооруженного «третьего рейха» он будет вести долгие переговоры с визитерами, которые не могли найти его в 1937 году.

...В Каире, где оба эсэсовца остановились в скромном отеле «Роз», и в Александрии эмиссары Берлина встречались с руководителями ортсгруппен — заграничных филиалов нацистской партии. Они виделись также со многими другими шпионами. Некоторые из них были, несомненно, двойными агентами, что возбудило подозрение британских спецслужб.

Несмотря на радующий глаз вид молодых, спортивных немцев из клуба «Клеопатра», Хаген и его компаньон останутся недовольны. СД поручило им миссию, затрагивающую высокую политику, а они вместо этого собирали слухи. Им необходимо срочно возвращаться в Палестину...

Около моста через Каср-эль-Нил, в здании, охраняемом английскими солдатами, они собрались запросить новые визы в Хайфу. Их посылают из одного кабинета в другой.

Эмиссары отдела II/112 настойчиво упрашивали поставить в их новеньких паспортах отметку «бизнесмены». Можно представить себе такую сцену: заискивающая угодливость двух немцев, зоркий взгляд темноглазой секретарши, египетской еврейки, понимающей значительно больше, чем они предполагают... Наконец, разговор с британским офицером с высокомерными манерами, перед которым — груда досье.

Подчиненный Хагена, который считал себя более хитрым, чем его оберштурмфюрер, решил умаслить англичанина льстивыми речами. Этому эсэсовцу тридцати одного года было пока лишь отведено место статиста

в грандиозном нацистском сценарии. Но он не бездействовал: по ночам он упорно изучал иврит. Главная его цель заключалась в том, чтобы проложить путь наверх в полиции фюрера. В данный момент этот путь лежал через Тель-Авив...

Ему придется выждать более двадцати лет, чтобы вновь увидеть Весенний овраг, но уже в наручниках и обвиненным в геноциде.

Раздраженный немецким лицемерием, хорошо информированный британский майор сухо прервал его:

— Невозможно! Нет визы ни для вас, ни для вашего друга, мистер Эйхман!»

Прочитав эти потрясшие меня строчки, я сразу же нашел в своем досье упоминание о вояже на Восток другого нациста — вояже, наделавшем много шума. Речь идет о главаре гитлеровской молодежи Бальдуре фон Ширахе. В книге под названием «Я верил в Гитлера», опубликованной после двадцати лет заключения в Шпандау, он не распространяется об этом давнем пропагандистском турне; вспомним же, как это было.

В сопровождении по крайней мере пятнадцати спутников в конце декабря 1937 года он посетил четыре восточные столицы: Дамаск, Багдад, Тегеран и Анкару. «Маршрут, почти полностью совпадающий с маршрутом традиционного немецкого проникновения на Восток»,— заметил один хроникер того времени.

Фон Ширах без обиняков заявил арабским журналистам, толпившимся в залах отеля «Ориент-палас» в Дамаске:

— Необходимо подчеркнуть сходство между возрождением панарабизма и пробуждением германской расы, которая сегодня проводит работу по перегруппировке рассеянных элементов немецкой нации.

В апреле 1939 года англичане запретили Геббельсу полет над ливийско-египетской границей. Этот хромоножка утешился информацией, поступившей из Каира: в течение уже нескольких месяцев популярное издание на арабском языке за три пиастра находит покупателей в Египте и соседних странах. На обложке после имени автора значилось «Самый сильный человек в Европе». Книга называлась «Майн кампф». Ее читатели — молодые студенты и особенно националисты из числа уча-

щихся колледжей в Каире и Александрии, записавшихся в «зеленые рубашки» и постоянно затевающие смуты вплоть до кровавых столкновений на столичной площади Солиман-Паши.

Во время кампании Роммеля в песках под Триполи секретные нацистские службы активно действовали внутри соединений союзников. Несколько раз в 1942 году германским агентам удавалось проскользнуть в Верхний Египет, пересекая безжизненные пространства великой западной пустыни... В сопровождении сообщников-бедуинов они добирались до Каира и находили приют в плавающем доме на Ниле с помощью Анвара Садата, который, кстати, упомянул этот эпизод в своей книге.

Март 1944 года. Германские армии повсюду отступают. Тем не менее РСХА полно оптимизма. Именно в этот момент шеф нацистской контрразведки отправляется в инспекционную поездку в Анкару. В предместье города, в глубине склада, он поднимет тяжелую портьеру. Двое его агентов предварительно отодвинут гору ковров. Там находится мощный коротковолновый радиопередатчик. «Вскоре,— расскажет он позднее,— нас вызовет Александрия, и я смогу убедиться в споровке наших арабских радистов».

Визитера зовут Вальтер Шелленберг, который мог бы в том, что касается Ближнего Востока, кое-чему поучить самого Уинстона Черчилля. Этот мастер шпионажа руководит в течение года центральной службой безопасности рейха. Она не имеет ничего общего с носившими кожаные пальто людьми из СД. Шелленберг — четко работающий юрист. В Турции он ведет игру со своими собственными агентами.

Уже давно РСХА располагает на берегах Босфора организацией «Ремо» — эфективной сетью агентов, опутавшей весь Ближний Восток. Ее тайный глава — итальянский журналист по имени Замборини. Германский военно-морской атташе в Анкаре, прекрасно осведомленный об истинном лице этого псевдожурналиста, поздравляет Шелленберга с бесценной информацией, поступающей от Замборини, о передвижении военных кораблей по Суэцкому каналу. Шелленберг довольно улыбается. Его ждут более серьезные дела.

В каждой стране он содержит дорогостоящую параллельную сеть агентов. В экстренном случае эти запасные агенты имели право обратиться по рации непосредственно к нему. После разгрома рейха Шелленберг ограничился весьма кратким признанием: «...Моя организация № 2 возглавлялась турком, египтянином и арабом, которым я предоставил возможность самим выбрать себе помощников. Они основали коммерческую фирму, занимавшуюся коврами, старинными украшениями, золотом и серебром. За последние годы эта фирма разрослась и распространила свою сеть на весь Ближний Восток... Я переводил значительные суммы в их распоряжение...»

Шеф контрразведки ничего к этому не добавил. Он весьма охотно и много рассказывал о Гитлере, Гиммлере, Канарисе и других покойниках, но, когда речь заходила о Ближнем Востоке, он держал язык за зубами. Подобной же скрытностью отличаются и «Воспоминания» Бальдура фон Шираха и других высших гитлеровских чинов, как только в их мемуарах речь заходит о ближневосточных делах.

Между тем «тайная война» «третьего рейха» на Востоке изобиловала невероятными событиями. То, что об этом известно, либо исходит от союзников, либо является результатом неожиданных открытий. Подобно тому как большой отлив обнаруживает обломки неизвестного кораблекрушения, так и «шестидневная война» между Израилем и арабами сама по себе стла разоблачением старых афер, предпринятых РСХА.

Серьезную неудачу нацистов, которую следует вменить в вину скорее Шелленбергу, чем его сопернику адмиралу Канарису, недавно раскрыл Хавив Канаан. Этому израильскому писателю, занимавшемуся расследованием деятельности Эйхмана, на этот раз помог неожиданный случай. Несколько позже он сыграет свою роль в деле Ментепа. Бывший офицер палестинской полиции во времена британского мандата, Хавив Канаан после двадцатилетнего перерыва столкнулся с Фаизом-бей Идрисси, занимавшим высокий пост в полиции. Узы старой дружбы связывали еврея и араба. В богатом доме последнего они вели продолжительные беседы за первоклассным турецким кофе. Как-то иорданец напомнил израильтянину о своих служебных заслугах. «Разве не я,—

сказал он,— помог взять в плен немецких парашютистов в 1944 году?» Писатель чуть не подпрыгнул. Зная своего бывшего начальника, он не мог считать это бахвальством. Тщательное расследование позволило ему обнаружить необычное дело, которое англичане отказывались предать огласке.

Весной 1944 года специальный немецкий отряд обосновался в пещере в окрестностях Иерихона и установил контакт с «пятой колонной» среди местного населения. Эта группа была раскрыта лишь осенью, после высадки союзников в Нормандии. Практически она прошла мимо историков второй мировой войны.

Для Фаиза-бея все началось 6 ноября того же года. Его информаторы предупредили майора палестинской полиции, что на рынках в этом районе Западного берега Иордана циркулируют сомнительные золотые монеты. Тщательное расследование побудило их допросить бедуинов, стоявших лагерем вблизи Иерихона. Они признались, что нашли мешок, наполненный золотыми монетами и банкнотами британского банка[1], на каменистом дне пересохшей речушки. Кроме того, бедуины сообщили, что заметили поблизости трех таинственных европейцев, которые, казалось, что-то разыскивали.

Фаиз-бей Идрисси, дальний родственник короля Ливии, поднял на ноги британскую службу безопасности Си-ай-ди. Контрразведчик Артур Фредерик-Жильз прочесал весь этот пустынный район. Он обнаружил хорошо спрятанные парашюты, коротковолновый передатчик германского производства, автомат с запасными обоймами, боеприпасы, два немецко-арабских словаря. Кроме того, он нашел дюжину ящиков. В двух из них находились предметы первой помощи, десять остальных были наполнены странным белым порошком. Бедуины признались, что видели, как летевший ночью на бреющем полете самолет сбросил в речку мешок, в котором оказались банкноты. Анализ, произведенный в Иерусалиме, показал, что белый порошок оказался ядом, не имеющим запаха и вкуса.

В отеле «Кинг Дэвид» состоялась важная встреча руководителей Си-ай-ди, арабского легиона Глубб-паши и британской разведывательной службы. Фаиз-бею была

[1] Фальшивые фунты стерлингов, сфабрикованные в концлагере Заксенхаузен.

поручена особая миссия: тщательно прочесать горный район по соседству с Иерихоном. Пятьсот иорданских солдат под командованием британских унтер-офицеров прибыли, чтобы помочь ему разыскать трех таинственных европейцев.

12 ноября 1944 года было установлено наблюдение за входом в пещеру, расположенную в миле от деревни Вади-Келт. Из пещеры вышел крестьянин-араб с пустой корзиной в руке. Его видели и в последующие два дня. Очевидно, он приносил еду...

Вооруженный до зубов отряд окружил пещеру утром 16 ноября. Полковник Вильсон на немецком языке предложил укрывшимся сдаться. В противном случае он грозил взорвать пещеру. Из нее вышли три человека с поднятыми руками: майор люфтваффе, капитан СС и араб в штатском.

Во время допроса в отеле «Кинг Дэвид» арестованные во всем сознались. Араба звали Абдул Латиф, он же Кейфель. Старый знакомый британской контрразведки, признавшей в нем знаменитого посредника по нелегальной переправке немецких капиталов, укрывшегося в 1935 году в Берлине.

После содержания в лагере для военнопленных в зоне Суэцкого канала двое немцев в 1947 году были освобождены. Абдул Латиф и сейчас живет в Каире...

Этот краткий экскурс в прошлое показался мне необходимым, чтобы объяснить события 50-х и 60-х годов, когда нацистские преступники осели в арабских странах. Зная это, можно лучше понять ту легкость, с которой мафия СС акклиматизировалась в этом регионе.

Глава XIII

На берегах Мертвого моря

В 1966 году, во время длительной поездки по странам Востока, мне, признаюсь, довелось побывать в самых неожиданных уголках этого региона. Так диктовали обстоятельства. Война 1956 года представлялась тогда уже далеким прошлым, а возможность арабо-израильских конфликтов 1967 и 1973 годов даже не возникала в богатом воображении арабских политических деятелей и бизнесменов.

Древний Бейрут, четырехтысячелетнюю столицу Ливана, по сравнению с которой Лондон и Париж младенцы, лихорадило... На сцену недавно открытого казино в Мамелтейне, что на дороге в Джубейль, паровой локомотив вывозил самых красивых девушек Европы. В его кабинетах шейхи в тюрбанах вели крупную карточную игру. Восточные выскочки, нефтяные принцы и спекулянты, разбогатевшие на махинациях в «третьем мире», проводили здесь ночи напролет. Похоже, Ближний Восток конкурировал с американским Западом.

Кроме того, здесь активно обменивались политическими и экономическими новостями. Двадцать кабаре на улице Фениси, три новых дворца в Бейруте, с висячими садами и роскошными бассейнами, служили местом различных тайных сборищ. Торговля валютой, оружием, вывоз гашиша, вырабатываемого на плоскогорье Бекаа, импорт современного сложнейшего электронного оборудования, развлечения с девушками с берегов Балтики — все перемешалось здесь.

Я же предпочитал уют старомодного отеля «Сент-Джордж» с его баром, обтянутым бежевым бархатом, где задолго до меня останавливались майор де Голль и генерал Вейган — еще в те времена, когда верилось, что второй из них готовится спасти Францию. Я любил

встречать сумерки на высокой террасе, до которой доносился шум волн... Среди приезжих в основном европейцы, многие из них сильно загорели под испепеляющим восточным солнцем.

— Ночи в Ливане бесподобны,— любил повторять пожилой англичанин по имени Сидней.— Они вселяют бодрость и располагают к... сделкам и заговорам.

Усы этого семидесятилетнего человека порыжели от табака «Данхилл». Он предпочитал рубашки цвета лаванды, которые делали его похожим на вечного студента Оксфорда. На его лице оставили отпечаток десятилетия, проведенные в Египте и Палестине,— именно там он долгое время жил, прежде чем обосноваться в Ливане. В 1917—1920 годах он знавал генерала Алленби и знаменитого шерифа Хуссейна, положившего начало династиям королей Иордании и Ирака. Был он знаком и с неким британским полковником, прозванным бедуинами Аль Хураном — загадочным Томасом Эдуардом Лоуренсом, автором «Семи столпов мудрости», который, похоже, передал Сиднею, тогда молодому, свою склонность к риторике. Когда же я попытался вызвать его на откровенность, он вроде бы невинно, но многозначительно поглядел на меня. Дважды он позволил себе дать мне кое-какие советы, которые оказались весьма ценными.

— Когда вы соберетесь посетить арабскую часть Иерусалима,— изрек он однажды вечером,— то избегайте паломников. Это весьма надоедливые типы. Обходите Святые места и продавцов сувениров. Развлекайтесь лучше с игроками в азартные игры в притонах на берегу Мертвого моря.

Этот совет меня озадачил. Разве не обсуждал я только что с Сиднеем серьезные дела? Ведь я напомнил этому ветерану войны в песках, что под египетскими фесками и чалмами бедуинов прячутся те, кто прежде носил каски с эмблемой «Мертвой головы»?

Неделю спустя, возвращаясь после посещения русских православных монахов, которые жили неподалеку от Сен-Сепюлькра, я решил посидеть в холле отеля «Мон-Скопус». Построенный по типовому американскому проекту, «Скопус» кишел разным людом: английские и французские туристы, священники из Америки, офицеры армии короля Хуссейна, делегация католических монашек из Баварии... Но среди них не было тех, кого я рассчитывал обнаружить,— бывших оберштурмбаннфюреров СС.

В холле мне встретилось одно знакомое лицо. Это был весьма услужливый иорданец, который помог мне в сутолоке крохотного аэропорта Восточного Иерусалима. Я знал только, что зовут его Ибрагим, что родом он из знатной исламской семьи и занимается туризмом. Он, судя по всему, полагал, что меня, как западного журналиста, должна заинтересовать проблема модернизации его страны. Он забросал меня вопросами. Я похвалил чрезвычайную опрятность этой части иорданской территории. Рассеянно улыбаясь, он любезно предложил мне свои услуги.

— Может быть, мы совершим прогулку по берегу Мертвого моря,— предложил я, вспомнив совет Сиднея.— Там наверняка есть какое-нибудь заведение для туристов, где мы смогли бы отведать кебаба?

— Есть кое-что и получше! — проговорил он с таинственным видом.— Заведение, достойное Французской Ривьеры...

Ибрагим осторожно вел «олдсмобил» по бесконечным зигзагам дороги, отделявшим нас от самой глубокой впадины на земном шаре. Чтобы спуститься на тысячу метров, пришлось проехать шестьдесят километров по узкой дороге, извивающейся между чахлым кустарником и известняковыми скалами.

Ибрагим объяснил, что везет меня в казино у Мертвого моря, в отель-ресторан с ночным баром, который посещают богатые клиенты, играющие здесь в рулетку и карты.

— Там можно встретить дипломатов из Аммана, бизнесменов из Иордании, офицеров войск ООН., а также очень хорошеньких «хозяек» родом из Европы,— добавил он.

Дважды наш лимузин должен был остановиться перед кордоном иорданской полиции — суровыми людьми в британской униформе черного цвета. Меня удивило то, что они были в касках.

— Только ночью,— улыбнулся Ибрагим.— Это мера предосторожности против контрабандистов...

Маленький мост был перекинут через Иордан, в серых водах которого младенца Иисуса крестил Иоанн Креститель.

Ибрагим указал мне на реку рукой со множеством колец:

— Это арабская вода, и израильтяне никогда ее у нас не отберут!..

В казино игра шла по-крупному. Хотя казино по виду и размерам было скромнее подобных заведений Бейрута, столы, за которыми играли в баккара, напоминали кабинеты в Монте-Карло. Пачки иорданских фунтов стерлингов переходили из рук в руки перед глазами уставших египетских крупье.

Чувство подавленности, овладевшее мной в автомобиле с кондиционером, еще больше возросло. Этот притон, находившийся в центре библейской земли, шокировал своим кричащим убранством и персонажами, которые, казалось, сошли со страниц «Процесса при закрытых дверях» Жана Поля Сартра. Крупная молодая женщина, со вкусом причесанная и подкрашенная, поддерживала вялый разговор с иракцем в длинном белом одеянии, скрадывавшем его толстый живот. Явно утомившись, она повернулась ко мне и произнесла по-английски:

— Меня зовут Хейди, я одна из шести европейских девушек из персонала этого заведения...

Были и другие весьма приветливые девушки для развлечений в казино у Мертвого моря: одна из Ниццы, другая из Бельгии. Но у меня были свои причины пригласить пообедать белокурую Хейди. Молодая немка была удивлена и счастлива тем, что может поговорить со мной на родном языке.

— Я была преподавателем танцев в Бремене, когда меня и десяток других немок и датчанок завербовал импресарио. Он предложил хороший контракт в Бейруте. Ливанское кабаре оказалось элегантным и очень корректным по отношению к нам, но хозяин разорился. Мы попытали счастья в Дамаске, где вели борьбу с новым патроном и его сводниками.

Подумалось, сколько их, белокурых артемид и диан, которые отваживаются пуститься по пыльным дорогам Ливана или Африки, чтобы пережить там малопривлекательные «тысячу и одну ночь».

— Иногда, как с вами, я могу поговорить на своем родном языке,— добавила она.— В этом районе немало соотечественников, занимающихся нефтяным бизнесом или совершающих деловые поездки. Работа у них достаточно секретная... В прошлом месяце я познакомилась с неким Хассаном. Он завел разговор о женитьбе...

— Но Хассан не немецкое имя!

— Он родился в Гамбурге, но паспорт у него египетский. Ему лет шестьдесят, бегло говорит по-арабски. Глушит шампанское, но никогда не рискнет поставить хоть один фунт на игорном столе. Однажды посетитель-австриец окликнул его: «Эй, Генрих!» Разозлившись, мой клиент ударил его ладонью по руке.

— Известна ли вам по крайней мере египетская фамилия Хассана?

— Увы, он мне о многом рассказывал, но не сказал, кто он такой. Может быть, у него ревнивая жена? Он вовсе не гуляка. Горюет от того, что не может ловить щук в Дунае, и коллекционирует пластинки Шуберта, которые покупает в Бейруте.

В погоне за быстро сменяющими друг друга событиями два дня спустя я оказался в Никосии с ее более свежим воздухом. Кипр был охвачен новым приступом лихорадки. На всякий случай я описал своему другу Эгону приметы Хассана-Генриха, о котором говорила девица из бара.

Утром в моем номере в Никосии зазвонил телефон. Это был Эгон. Отрывистым голосом он сказал:

— Завтра утром я буду на Кипре.

И больше ничего.

На следующий день в баре отеля мы с ним обнялись. Под тенью эвкалиптов, вдали от греческих и турецких шпионов, мы разговорились.

— Ваш любитель шампанского,— пояснил Эгон,— как две капли воды похож на Хассана Солимана — эсэсовца, чье настоящее имя Генрих Шеллман. Он возглавлял в 1944 году гестапо в Ульме, в верховьях Дуная!

Я узнал, что в начале 60-х годов Шеллман был замечен в Танжере. Он занимался экспортными операциями в фирме «Астрамар». На деле по поручению некоего Георга Пухерта, владельца флотилии судов, доставляющих контрабанду, он проявлял интерес к продаже оружия. Когда последний стал работать исключительно для ФНО [1], Шеллман расстался со своим сообщником. Бывший эсэсовец, которого с распростертыми объятиями приняли испанские экстремисты, завел знакомство в Пальма-де-Мальорка с эмиссарами ОАС.

[1] ФНО — Фронт национального освобождения Алжира.

К тому же Пухерта подвел замок зажигания его «мерседеса». Однажды, повернув ключ на четверть оборота, он привел в действие заряд пластиковой бомбы, на которой подорвался.

Не исключено, что ее подложила под капот французская профашистская группа «Красная рука», сотрудничавшая с ОАС.

— По последним сведениям,— сказал в заключение Эгон,— Генрих владеет домом в Багдаде, где выполняет роль представителя немцев, живущих в Гонконге. Это еще одна ветвь мафии бывших нацистов, занимающихся махинациями с золотом, отборным жемчугом и т. д. Однако ему надоела торговля всякими дорогими побрякушками, и он вернулся к контрабанде оружием. Этого нациста явно привлекает запах крови.

Возвратившись на террасу «Сент-Джорджа», я подсел к столику Сиднея. Он встретил меня с едва скрываемой иронией:

— Ну и как, была крупная игра на берегу Мертвого моря? Или отыскали мумий со свастикой?

Я ответил ему только, что поболтал с хорошенькой немкой и встретил в Никосии приятеля. Коротко изложил соображения Эгона. Покачав головой, Сидней сказал:

— В этом объяснении нет ничего невероятного. Многие подпольные структуры нацизма смогли пережить разгром «третьего рейха». Это, в частности, две сети информаторов, подчиненные Гейдриху и Шелленбергу: прежде всего сеть «Аладин», имевшая пункты связи в Анкаре, Багдаде и Алеппо. Свое название она получила из-за уменьшения размеров радиопередатчиков благодаря «волшебной лампе», изобретенной инженером из концерна «Телефункен». Один из радиопередатчиков был обнаружен британской военной полицией вблизи вокзала в Александрии. Однако радиста, маскировавшегося под египетского нищего, так и не удалось схватить. Было лишь известно, что он действует под прикрытием торговца коврами и антиквариатом. Арестовали персидского купца Хана Халила по кличке Паперть, торговавшего в Каире драгоценностями. Но он повесился в камере лагеря Файед. Уцелевшие агенты сети «Аладин» организовали затем бегство пленных немцев из Африканского корпуса, которых мы содержали в зоне Суэцкого канала. Сеть «Аладин» быстро росла...

— Вплоть до 50-х годов?

— Вне всяких сомнений. Беглые эсэсовцы примыкали к двум уже существовавшим структурам: «Аладину» и «Ремо»... Как известно, Шелленберг содержал параллельную сеть шпионов, не зависящую от первой и весьма надежно укоренившуюся в Турции. К сожалению, наши союзники, примкнувшие к нам в последний момент,— турецкие разведслужбы, помогавшие знаменитому Цицерону, слуге посла Великобритании, бывшему берлинскому шпиону,— помалкивали на этот счет. Говорят, что в 1949 году «Аладин» и «Ремо» были прибраны к рукам напористыми людьми, присланными из Мюнхена.

— Генералом Геленом?

Сидней, услышав это имя, улыбнулся. С хитрым видом добавил:

— ...Присланными теми, кто был заинтересован в том, чтобы использовать ярых антикоммунистов и насадить их в жизненно важных центрах Ближнего Востока, даже если это приведет к соперничеству с англичанами...

Глава XIV

В сточной канаве бизнеса со свастикой

Радио Монте-Карло, задающее тон сибаритам, сообщило потрясающую новость. Это произошло в 16 часов 2 ноября 1977 года, в яркий солнечный день. Диктор прерывающимся голосом прочитал сообщение:

«Волнение и замешательство охватили город Хьюстон, штат Техас. Ночью по всему городу были расклеены объявления. Они обещали... вознаграждение в сумме 5 тысяч долларов за каждого убитого еврея или негра, труп которого будет представлен организации ультраправых...»

Я отодвинул стакан с чаем: перехватило горло. Я вновь увидел проложенные, словно по линейке, улицы Хьюстона, города, где я недавно побывал. Массивные здания нефтехимического завода. Фанфары, трубившие старые военные марши у подножия хьюстонских небоскребов. Темнокожие подростки, игравшие в футбол. Бульдозеры, сносившие старые кварталы. Дюжие полицейские с невозмутимым видом. Газетные киоски, информирующие, что можно свободно купить любое смертоносное оружие, которое даже высылается почтой...

Невольно возникает аналогия между Новым Светом и «третьим рейхом». Я точно знаю, чьих рук это дело, потому что незадолго до этого изучал деятельность кланов Техаса, Калифорнии и Иллинойса, члены которых щеголяют в униформе с нарукавными повязками со свастикой.

Мне тут же захотелось позвонить за океан и расспросить м-ра Х., приемного сына богатейшего держателя акций компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси», пресытившегося театральным меценатством и начавшего финансировать «молодежные лагеря», где воскрешались ритуалы «третьего рейха»... Может быть, он успокоит меня, разуверив насчет выходок американских нацистов, опро-

вергнув авторов отвратительных объявлений? Или на другом конце провода окажется всего-навсего наглый телохранитель? Экстремисты любят выставлять напоказ свое неуважение к журналистам.

Зловещая сделка, предложенная неизвестными из Хьюстона, заставила вспомнить убийство братьев Кеннеди, возрождение ку-клукс-клана и другие террористические акты, которые я изучал во время моего последнего визита в США.

Вскоре Хьюстон забылся, уступив место метрополии развлечений и контрабанды — Майами.

Еще более продажный, чем Хьюстон, главный город Флориды является каналом, по которому направляется вся контрабанда на Карибские острова и в Латинскую Америку. За высокими фасадами сотен ослепительных дворцов на берегу моря, в роскошных барах кого только нет: крупные уголовники, мафиози, готовые на все кубинские контрреволюционеры, подручные латиноамериканских диктаторов, владельцы яхт, ждущие выгодных контрабандных сделок. Наконец, там немало агентов ФБР или ЦРУ, чья собственная добропорядочность отнюдь не внушает доверия.

В баре отеля «Версаль», где я остановился, со мной разговорился лейтенант местной полиции, поведавший мне о своей ностальгии по прошлой, чуть ли не героической эпохе. Он вспоминал, как во время второй мировой войны объединенными усилиями всех служб флота Соединенных Штатов выслеживались связные нацистских подводных лодок, а также агенты абвера.

— В мирное время,— сказал он,— конституция 1787 года гарантирует каждому возможность заниматься тем, чем он хочет. Подозреваемый в чем-либо остается на свободе до тех пор, пока ему не предъявят доказательное обвинение. А тем временем в Майами, Тампе и Лодердейле процветают фашистские колонии. «Уотергейтское дело», вызвавшее негодование миллионов граждан США, лишний раз разоблачило несостоятельность федеральных властей... Но есть те, кому все это выгодно. Например, испанцы, тоскующие по франкизму. Бывшие вояки из «голубой дивизии», мадридские полицейские, прошедшие школу гестапо, почувствовали себя не у дел при новом испанском режиме. Раньше времени уйдя в отставку, они не угомонились. Их привлекли остатки богатств Батисты, Трухильо и Хименеса.

— Не было ли среди них людей из Португалии? — спросил я.

— Один или два. Видимо, они приезжали ненадолго для установления контактов. Они нашли убежище в Сан-Паулу или еще где-то в Бразилии. Общий язык и одинаковые полицейские замашки роднят их с карателями из «эскадрона смерти».

В марте 1972 года я посетил остров Сен-Мартен — святая святых контрабандистов Центральной Америки.

Любопытный островок. Безводный, совершенно плоский, площадь — 93 квадратных километра. Осенен двумя трехцветными флагами. Первый, водруженный в Мариго,— французский. Второй, поднятый над въездом в Филипсбург,— голландский. «Очень спокойный островок, куда иностранцы приезжают, чтобы кончить жизнь самоубийством»,— прочитал я в майамской газете, которую мне предложили в самолете голландской авиакомпании, доставившем меня на остров.

Шофер такси в Филипсбурге повел себя весьма странно. Даже не выслушав, он отвез меня во дворец в голландской части столицы. То было сочетание отеля с казино, осаждаемого американцами, только что прибывшими из Майами. Я отказался выгружать свой чемодан, настойчиво повторяя водителю:

— В Мариго, пожалуйста.

— Нет, сэр!

Он отказался везти меня в Мариго и обращался со мной с уверенностью, присущей мафиози. Как мне потом объяснили, мафия владеет на острове несколькими наиболее комфортабельными отелями и десятком баров весьма сомнительной репутации.

Расплатившись с толстым метисом, открыто бойкотировавшим территорию Франции, я вступил в переговоры с водителем другой колымаги. «Две столицы» разъединял лишь плакат перед банановой плантацией: «Добро пожаловать во французскую зону». Я подумал, что немалое число гангстеров теплой карибской ночью пересекало до меня эти самые безмятежные в мире пограничные посты. Среди них Федерико Швенд, перуанский бизнесмен, за передвижениями которого с 1967 года следили некоторые мои друзья. И несомненно, тот самый «парагваец», о ко-

тором журнал «Ньюсуик» писал, что он был «складом наркотиков»[1].

— Да, это так. Мы принимали клиентов из Южной Америки, говоривших по-французски с парижским акцентом,— подтвердил бармен в заведении «У Жозефа». Это был негр высокого роста, когда-то работавший механиком в «Фоли-Бержер».

Расположенная в 150 километрах от Гваделупы, к которой она административно относится, эта часть Сен-Мартена походила на французскую префектуру... Маленькие базары, где торгуют сирийцы и ливанцы и где можно купить что угодно: французские духи, японские транзисторы, швейцарские часы, консервы из Калифорнии — и все без таможенной пошлины.

В ресторане «Сан-Тропез» в Мариго я пил пиво в компании двух коммерсантов и одного полицейского в штатском.

— Могу я встретиться с месье Буве? Я много слышал о нем,— осведомился я у них.

Ответом было ледяное молчание. Мои компаньоны прервали разговор.

— Анри Буве умер прошлым летом, мистер,— сухо произнес официант, говоривший по-английски с акцентом.

Только на следующий день я понял, как я промахнулся... Мне объяснили, что Анри Буве, владелец конкурирующего заведения «Мини-клуб», человек весьма искушенный во всех видах коммерции и часто ездивший в Соединенные Штаты, умер не совсем обычным образом: его нашли задушенным в собственной постели.

А я-то хотел встретиться с ним, побеседовать о некоторых немцах, которых часто видели в Мариго... Увы! Кто-то опередил меня... Несомненно, тот, кто много знал о нераскрытых убийствах, совершенных за последние годы.

— Советую вам развлечься,— услужливо предложил мне мой хозяин.— Здесь нет недостатка в пикантных «малютках». Вы можете также побывать у японцев в их «веселом доме».

Разместившиеся на целой флотилии рыбацких лодок, замененных ныне судами-заводами, японские охотники

[1] Речь идет об Огюсте Рикоре, который был выдан в 1974 году Соединенным Штатам. Скончался в тюрьме.

за крабами пользовались здесь привилегированным положением. Чтобы развлечь сотню холостяков, занятых тяжелым физическим трудом, бизнесмены из Токио устроили на голландской территории, власти которой были более снисходительными на этот счет, роскошный дом терпимости.

Покидая Сен-Мартен, я узнал лишь две вещи.

Во-первых, времена крупной контрабанды наркотиками в этом небольшом франко-голландском кондоминиуме миновали. Другие острова, такие, как Антигуа, Сен-Бартельми, Мари-Галант и Сент-Томас, заинтересовали контрабандистов. Импортеры наркотиков шли на самые различные ухищрения: затопление мешков с героином вблизи уединенных рифов, использование специально обученных водолазов и т. п.

Во-вторых, мне стало известно, что в 1962—1968 годах Сен-Мартен был излюбленным местом развлечений для заправил нацистской мафии из Латинской Америки, которые время от времени наведывались сюда.

В Филипсбурге я нашел очевидца этих визитов. Маленького, кругленького человека, ставшего голландским подданным, хотя родился он в Берлине. С явным акцентом жителя берегов Шпрее он объяснил:

— Мои родители имели в Шёнефельде фабрику по производству сосисок. Дело процветало. К несчастью, моя мать была еврейкой. В 1937 году мы эмигрировали: сначала в Париж, затем на Яву. В 1946 году осели здесь. Вскоре, занявшись починкой часов, я получил возможность часто говорить на своем родном языке. Признаюсь, я встретил много незаурядных людей, проезжавших через этот кусочек земли. Однако Сен-Мартен посещают прежде всего торговцы «коричневым сахаром» (разновидность героина). В Соединенных Штатах эти джентльмены нелегальной торговли получают двадцать лет тюрьмы. В Иране и Турции за это полагается смертная казнь. А у нас? Они отделываются лишь четырьмя годами тюрьмы, и то часто условно.

Мой собеседник Энрико В. Крен, казалось, был счастлив поделиться со мной плодами своих долгих наблюдений:

— Два недавних события, которые, возможно, вам известны, свидетельствуют об этой контрабанде: исчезно-

вение мошенника Моска́ и скандальный арест банды Шох-Бретен-Ривейры, у которой было изъято наркотиков на 100 тысяч долларов. Неплохо для американских властей, это ясно, однако много ли говорится в мировой печати о голландской сети?

Некоторые полицейские из голландской службы по борьбе с контрабандой наркотиками признавались мне, что у истоков этого бизнеса, которые находятся в Латинской Америке и на Дальнем Востоке, но пути которых пролегают через Голландию, стоят бывшие эсэсовцы, выполняющие роль «мозгового треста» и финансистов уголовных операций мирового масштаба одновременно.

Возьмем, к примеру, двух известных нам пройдох: Альтмана-Барбье и Фрица Швенда. Их никогда официально не обвиняли в торговле наркотиками. Они пользовались покровительством высокопоставленных людей в Перу, Парагвае, Колумбии, которую они посещали постоянно — не с целью спекуляции валютой, а ради контрабанды наркотиками. Колумбия, как известно, является узловым пунктом этой торговли. Во время моей последней поездки в Барранкилью я получил об этом представление, поговорив с одним из своих агентов по продаже иностранных хронометров. Отправка наркотиков из Колумбии в Соединенные Штаты производится на протяжении многих лет в крупных масштабах. Из Картахены, Риоачи, Сьенаги суда отправляются по Карибскому морю, выгружая по ночам товар в мексиканских портах Тампико, Веракрус, Матаморос, чтобы затем переправить его в США. Другой путь пересекает Виргинские острова, американское владение в Антильском море. С островов Санта-Крус и Сент-Томас груз доставляется на яхтах или каботажных судах к восточному побережью Соединенных Штатов.

Альтман-Барбье держал в своих руках нити всей сети бывших нацистов, укоренившихся в Колумбии более двадцати лет назад. Это, скажу вам, нахрапистая публика... Бывший капитан подводной лодки гитлеровского военно-морского флота, знающий Антильские острова лучше, чем Гельголанд, потопивший в 1941—1944 годах немало торговых судов общим водоизмещением в 200 тысяч тонн, стал стратегом централизованной контрабанды наркотиками в Колумбии.

Оттого, что Барбье и Швенд так долго держались на поверхности, они стали только более опасными. За

преступлениями, совершенными на Сен-Мартене, угадывается смертоносная рука в коричневой рубашке, рука бывшего главаря гестапо. Среди тех, кто поддерживает эту контрабанду, некто Бехер или Бекер. Не следует путать его с полковником СС Куртом Бехером[1].

Мой информатор из Филипсбурга добавил:

— Бехер, о котором идет речь, возглавляет экспортно-импортную фирму в Макао. Он повсюду имеет своих агентов: в Амстердаме, Гонконге, Буэнос-Айресе, Неаполе и здесь тоже. Я имел возможность встретиться с ним в Сингапуре. Мне нужна была ссуда в 100 тысяч долларов для закупки часовых механизмов... К сожалению, сделка не состоялась, поскольку бывший штурмбаннфюрер потребовал в качестве залога 51 процент акций моего предприятия и вдобавок закладную на мой дом в Филипсбурге. Когда я сказал ему, что это методы ростовщика, он ответил, покуривая гаванскую сигару, что научился делам такого рода у евреев. От одного голландского банкира в Сингапуре я узнал о прошлом Бекера (так он значится в его парагвайском паспорте). Бекер в течение длительного времени был помощником одного человека, на двадцать лет его старше. О нем много говорилось в период между двуям мировыми войнами...

— По-видимому, речь идет о небезызвестном Янке? — спросил я.— Весьма своеобразная личность. О нем я написал в одной из своих книг десять лет назад.

— Да, я читал ее перевод на испанский. Но хотел бы уточнить, что лично знал «духовного отца» Бекера в Берлине за год до разгрома «третьего рейха». Высокого немца с круглым черепом и оттопыренными ушами, одетого на американский манер. Сын землевладельца из Померании, он долго скитался в поисках удачи по Америке, пока не разбогател в 20-х годах в Сан-Франциско, занявшись весьма своеобразным рэкетом. Санитарные правила Соединенных Штатов запрещали вывоз в Китай умерших сынов Неба. В голову Янке, который, помимо прочих своих обязанностей, был также чиновником иммиграционной службы, пришла идея новой и зловещей контрабанды. За 300 долларов он перевозил в Шанхай или Кан-

[1] Последний в настоящее время руководит процветающей международной транспортной фирмой в Бремене. Как и Эйхман, он ответствен за депортацию в Освенцим в 1944 году многих жертв фашизма.

тон умершего китайца, спрятанного в дорожный сундук или в гроб с двойным дном. Эта «коммерция двойного дна» стала прибыльным семейным бизнесом, процветавшим в течение полувека. Упаковывая трупы китайцев, ожидаемых в буддистских сектах, Янке отправлял также «пакеты» в адрес Кемпетаи (японского гестапо), чьи калифорнийские агенты связи ему были хорошо известны. Он переправлял не только усопших китайцев, желавших быть похороненными на родной земле, но и вполне живых сынов Неба, виновных в «нанесении ущерба» интересам микадо своим сотрудничеством с администрацией Соединенных Штатов. Кроме того, среди тысяч японских «садовников» на тихоокеанском побережье он вербовал кадры для будущих штурмовых отрядов японской «пятой колонны». Предприимчивый Янке греб деньги лопатой. Он не упускал ни одной благоприятной возможности, чтобы услужить Берлину. К нацистам он примкнул еще до того, как НСДАП захватила власть. А когда Гитлер объявил себя рейхсканцлером, Янке вернулся в Берлин и, потирая от радости свои огромные красные ручищи могильщика, стал приближенным Рейнхарда Гейдриха — своего рода нацистским Макиавелли. В 1936—1939 годах он, постоянно разъезжая по Европе, Азии и Америке, создавал десятки пропагандистских организаций. Среди них Общество Джорджа Вашингтона, Общество друзей Чарльза Линдберга, тайно вербовавшие приверженцев нацизма в Соединенных Штатах. Янке оставил следы своего пребывания даже во Франции: он рассылал конверты с деньгами журналистам — членам германофильского общества «Франция — Германия». Словом, Янке было позволено то, о чем другие нацисты, в том числе и высокопоставленные, не только не мечтали, но даже и не догадывались.

Этот могильщик, этот палач борцов за свободу, которые имели несчастье помешать его похоронному бизнесу, был помощником всесильного эсэсовца Бекера, которому к началу второй мировой войны едва исполнилось тридцать лет. Он был и близким другом Йозефа Мейзингера, гестаповского резидента в германском посольстве в Токио. В 1940 году Бекер вместе с Мейзингером и агентом СД Энгером организовал систему похищения «желтых», а заодно и «белых», путешествовавших между Японией и Европой. Эта акция была задумана гестапо. Нацистские разведки выслеживали политических противников

рейха и просто подозреваемых в азиатских портах и отправляли их в трюмах в Геную, Лейкос (Португалия), Барселону и Бордо, где их поджидали агенты из Берлина.

Пережив поражение Японии и переждав опасное время в Макао, Бекер теперь держит в руках китайцев, нелегально живущих в Голландии. Сломленные жертвы подпольных махинаций, эти эмигранты легко становятся «курьерами» контрабанды наркотиков с Дальнего Востока в Европу. Толпы таких китайцев прозябают на улочках Амстердама. Нелегко проникнуть в их среду. Многие из них работают в восточных ресторанах города, содержат «секс-шопы», публичные дома и владеют акциями порнографических кабаре. Среди примерно 8 тысяч китайцев, осевших в Голландии, более трех четвертей живет в «желтом гетто» на полулегальном положении по фальшивым документам. Когда они оказываются замешанными в каком-либо деле, они выдают себя за политических эмигрантов, указывая адреса в Гонконге или Тайбэе, которые невозможно проверить. Верховный комиссар голландского отдела полиции по борьбе с наркотиками Герард Тооренаар и директор американского Бюро по борьбе с наркотиками в Западной Европе Пол Найт сталкиваются с непреодолимыми трудностями в своей охоте за главарями банд, переправляющих наркотики в Старый свет. Достаточно вспомнить недавний арест китайцев французской полицией в аэропорту Орли. Их было тринадцать человек. Каждый прятал в одежде по 5 килограммов чистого героина. Все они следовали транзитом в Амстердам, где у них есть сотни хорошо налаженных связей.

...Преуспевающими дельцами являются молодые мошенники, которых во множестве рассылают по США и странам «третьего мира» некие улыбчивые личности, официально работающие в солидных коммерческих представительствах, служащих им всего-навсего прикрытием. Их истинная деятельность осуществляется под покровом ночи на роскошных виллах или асьендах. Все согласовывается по телефону на условном языке. Их служащие вымуштрованы, как солдаты, которым внушают, что малейший неверный шаг с их стороны карается смертью. Репутация их шефов, чаще всего бывших эсэсовских палачей, служит весьма надежной гарантией полного подчинения среди немецких поставщиков наркотиков. Даже

главари сицилийской «Коза ностра» завидуют необычайной живучести их гестаповских партнеров.

Месяц спустя я вернулся на Монпарнас, где зеленели каштаны. Сидя на террасе большого кафе, которое я посещал уже много лет, я поджидал Беату и Сержа Кларсфельд.

В этом кафе, похожем на улей, в котором смешались грязь и снобизм, собирались художники, интеллектуалы или слывущие таковыми. Бывали здесь и фальшивые президенты крупных компаний, крайне левые философы, которым никто не мешал излагать свои взгляды, добытчики наркотиков и люди шоу-бизнеса. Человеческий круговорот, скрывающий массу драм! Мир наркоманов и мафия их поставщиков. Но где же заправилы?

Разговор был серьезным. Беата Кларсфельд, три месяца назад вернувшаяся из Боливии, казалась озабоченной и усталой. Я начал ее расспрашивать.

— Мы хорошо поработали в Боливии,— сказала она, улыбаясь.—Обнаружили тысячи ловушек, которые день за днем Барбье нагромождал на нашем пути. Недобросовестность властей, юридические уловки, пособничество местной знати... Не говоря о существующих возможностях для побега... Израильтяне, охотясь за Борманом в 50-е годы, столкнулись с такой же «проблемой громадных пространств», практически непреодолимых. Представим себе парижского полицейского, разыскивающего преступника и вынужденного проверять картотеки постояльцев в отелях от Стокгольма до... Марракеша. Чтобы «нагнать» пассажира перуанской авиакомпании «Авианка», если вы потеряли его из виду всего на сутки, необходимо «прочесать» пространство в 8 тысяч километров.

— Да, Южная Америка огромна,— подтвердил я.— К тому же здесь, как нигде, вовсю действуют соучастники нацистов. Немецкая колония, основанная после войны, образует, несмотря на свою огромную территорию, компактную структуру, очертания которой можно проследить на картах воздушных сообщений. Эти авиатрассы служили также для передвижения нацистских «крыс», которые «ушли» в Южную Америку. В 1945, в 1947 годах и даже позднее, после падения Перона, было несколько поколений «белых крыс», крупных и мелких, серо-зеленых и в черной униформе с эмблемой «Мертвой

головы», «крыс», переодетых под францисканских монахов... И даже толстая «крыса» в голубой форме люфтваффе — генерал Ганс-Ульрих Рудель. В 50-х годах этот бывший военный пилот заведывал в Бузнос-Айресе благотворительными фондами для немцев (kamaradenwerk), располагающими крупными средствами и оказавшими помощь десяти тысячам нацистам, рассеянным в южном полушарии или на Востоке.

Зоология насчитывает множество видов крыс. У них есть сходство с новой породой — с нацистскими крысами XX века. Те пожирали целые библиотеки, эти, со свастикой, жгли костры, сложенные из книг...

Как уже отмечалось, после встречи в Гаване Рикор (он же Даржеллес) обосновался в Асунсьоне. В начале 60-х годов, владея мотелем «Париж-Ницца», он создал местную организацию и предложил ее услуги «капо» из «Каса марина». Десять лет спустя в газете «Вашингтон пост» от 24 мая 1972 года в статье комментатора Джека Андерсена можно было прочитать, что высшие военные чины и политические деятели Парагвая сотрудничали с главарями контрабанды героином. Андерсен, редко ошибавшийся в своей информации, заявил, что такие высокопоставленные лица, как генерал Висенте Кинонес, глава военно-воздушных сил Парагвая, Пастор Коронель, шеф секретной полиции, и, наконец, генерал Стресснер, пожизненный глава парагвайского государства, находились в центре системы, которая в течение многих лет приносила огромные доходы руководящей касте этой страны. Андерсен отмечал, что несколько сотен частных аэродромов, оборудованных на огромных асьендах, принадлежащих приспешникам диктаторского режима, делают эту интенсивную контрабанду возможной.

У американцев, интересовавшихся этим вопросом, не было никаких сомнений в том, что бывшие гестаповцы Барбье-Альтман и Фриц Швенд, которых так часто видели на аэродроме Асунсьона, входили в парагвайскую сеть, которая в свою очередь была отделением организации, охватившей весь Южноамериканский континент и называемой в США латинской сетью.

Для Огюста Рикора неприятности начались после смерти генерала Патрисио Колмана, одного из самых влиятельных людей в Парагвае. Именно он оказывал Ри-

кору покровительство. Правосудие Асунсьона сочло более благоразумным выдать французского мошенника американским судьям. Признанный судом присяжных одним из наиболее опасных контрабандистов Нового Света, Рикор был приговорен к двадцати годам тюрьмы...

Связи бывших гестаповцев и молодых контрабандистов до сих пор еще недостаточно расследованы официальными службами. Когда автор этой книги затронул этот вопрос на совещании Интерпола в отеле «Мартинес» в Каннах в сентябре 1974 года, ему ответили, пожимая плечами: «Нацистские военные преступники не входят в компетенцию интерпола.» Увы!

Эта банда долгое время опиралась на двенадцатилетний опыт той эпохи, когда посольства «третьего рейха» в Мадриде, Лиссабоне и Буэнос-Айресе нанимали сотни доверенных людей, многие из которых после разгрома Германии активно занялись собственными делами.

Друзья и сообщники Швенда вновь могли ловить рыбку в мутной воде военных диктатур Латинской Америки. «Живые силы» Пиночета, Стресснера и прочих деспотов огромного континента нередко состоят из бывших палачей гестапо, которые поставляют им также специалистов по подавлению народных выступлений.

Активизация неоперонизма в Аргентине и ультраправая диктатура в Чили благоприятствовали свободному передвижению бывших эсэсовцев по Южной Америке. Убийца тысяч невинных людей, изобретатель душегубок, в которых жертвы отравлялись газом по дороге в лагеря смерти, полковник СС Вальтер Рауфф быстро был отпущен на свободу. Он возобновил свою работу в качестве директора завода «Сара Браун» на юге Чили. Пресс-служба генерала Пиночета ограничилась тем, что «опровергла» сообщение, будто сеньора Рауффа приглашали в Сантьяго в качестве эксперта по проблемам борьбы против чилийских социалистов и коммунистов.

В полдень, сидя на террасе одного из дворцов Филипсбурга, я поджидал моего друга Энрико Крена. Он вызвал меня из Майами, пообещав «сюрприз». Выбрав укромное место в тени около бассейна, я размышлял о душном Оране, в котором развернулись события в романе «Чума» Альбера Камю. Еще один заурядный городок, без достопримечательностей, без души и без растительности...

но в котором укрываются все те же чумные крысы с эмблемой СС.

Неожиданно появившийся Энрико улыбнулся и заговорил по-английски. Он имел основания избегать немецкого языка.

— Пойдемте! Вы сейчас увидите крысиного короля...

После нескольких минут ходьбы мы вошли в холл дворца. В те дни в отеле царило оживление из-за приезда западногерманских туристов, фрахтовавших «боинг» или роскошную яхту для путешествия по Карибскому морю. В баре рекой лилось первоклассное мюнхенское пиво.

— В белой шляпе — это он!

Я подскочил от изумления, обнаружив не Фридриха Швенда, худого эсэсовского офицера, столько времени значившегося в моих досье, а светского сеньора Федерико... Этот толстяк, одетый с иголочки, сегодня был явно на виду. Он переминался с ноги на ногу у подножия лестницы, обхаживая крупную женщину с жирными руками, увешанными драгоценностями.

Я разглядывал мясистый нос и оттопыренные уши Федерико. Как он был похож на комедианта! Я разочарованно улыбнулся Энрико. Внезапно Фридрих-Федерико выпятил грудь и снял белую панаму перед молодой женщиной. И сразу стало не до смеха. Затылок, словно вырубленный топором, череп, будто отполированный наждачной бумагой, негнущийся позвоночник — передо мной был не кто иной, как бывший эсэсовец, которого я давно разыскивал.

Догадался ли он, что я за ним наблюдаю? Думаю, да. Суетливо вертясь на ковре холла, Фридрих обеспокоенно обшаривал взглядом присутствующих. На мгновение я поймал стальной блеск его глаз, надежно прикрытых веками, словно у ящерицы игуаны.

Возможно ли, чтобы на этом «острове сладкой жизни» я столкнулся с привилегированным посетителем концлагеря Заксенхаузен? Человек, заставивший чуть ли не обанкротиться Британский государственный банк, теперь давал мизерные чаевые темнокожему официанту.

— Не напоминает ли он старого крокодила? — спросил Крен с презрительной улыбкой.

— Ирония судьбы,— сказал я,— «пожаловавшей» Фридриху Швенду нелепое украшение: огромную бородавку на левой стороне его голого черепа. Она лучше,

чем Железный крест с бриллиантами, делала узнаваемым автора самой гнусной аферы с фальшивыми деньгами за всю историю XX века.

— Если бы вы вдруг подошли к нему, вы услышали бы, как он рассказывает своим немецким друзьям, что страдает от тоски по родине! Он готов, заявляет он, закончить свои дни в Гамбурге. Это действительно не бахвальство... [1]

— Теперь ваша очередь рассказать мне о Швенде! — заметил Энрико.

— Грустная история,— начал я.— Этим делом я занимаюсь с 1945 года... Нелепый старик, появившийся в холле отеля, до войны был красивым молодым человеком... Родился Фридрих Швенд в 1906 году в Бёкингене, в одном из захолустий Вюртемберга. В 1924 году весьма посредственно завершил учебу, получив диплом механика. В те времена главным было прокормить себя. И молодой Фриц, известный своей самоуверенностью, становится рекламным агентом кондитерской. Позднее, действуя довольно нагло и пользуясь рекомендацией школьного приятеля, Швенд перешел на рекламу материалов для аэронавтики. Он уже тогда был не чист на руку, и не миновать бы ему тюрьмы, если бы он «вовремя» не вступил в НСДАП. Помогло ему и то, что он имел контакты с пронацистски настроенными полицейскими. Таким, как он, тогда многое сходило с рук... Далее его след теряется в Триесте. В 1938 году судьба улыбнулась Швенду: старая тетка в Соединенных Штатах завещала ему 50 тысяч долларов, немалую сумму, особенно по тем временам. Он расплачивается с долгами, укрепляет свои позиции в НСДАП, однако из осторожности остается пока на берегах Адриатики...

— Уже молодая акула!

— Не совсем! Он довольствуется приобретением виллы «Розмари» и парусника с мощным мотором. На яхте «Аврора» в сопровождении двух матросов и своей секретарши и будущей супруги, некой Хеллы, он бороздил воды Адриатики... Тогда же он и стал... контрабандистом. Однако события приняли крутой оборот. Рейх напал на Польшу. Разразилась вторая мировая война. Любопытно,

[1] Фридрих Швенд три года спустя «исполнил» свое желание.

что Швенд не был вызван в Германию. Единственное объяснение этому: он фигурировал среди агентов СД без ведома вермахта, считавшего его дезертиром. Осенью 1941 года Швенду было предписано направиться в Австрию. В Клагенфурте его взяли под стражу. Тяжело стало у него на душе: не видать ему больше ни виллы «Розмари», ни яхты «Аврора», с помощью которой он занимался валютными махинациями. А все потому, что завистники обвинили его в контактах с дипломатами нейтральной страны и выдаче ей чертежей экспериментальной подводной лодки. Его шефы из СД отказались выручить своего недостаточно ловкого агента, ведь нацистский рейх только что развязал войну на Востоке. У Швенда было мало шансов избежать штрафных батальонов на русском фронте.

Тогда-то и вмешался Вилли Фрёбен, старый его приятель, которого он страстно просил о помощи. Фрёбен не пощадил Швенда, упрекнув его в том, что тот служил многим хозяевам, усердствовал в пользу абвера. С точки зрения СС, это был грех, который строгие эсэсовские менторы не оставили без внимания. Однако в минуту благорасположения Фрёбен соглашается обсудить возможности «спасения» товарища, павшего так низко. Эта игра «в кошки-мышки» будет продолжаться несколько недель, пока Отто Петер Гробель, один из главарей СД, не освободит Швенда. Операция «Бернгард» была только что начата.

— Вы имеете в виду аферу с фальшивыми фунтами стерлингов?

— Именно. Грандиозный план изготовления фальшивых денег в валюте враждебных стран. По личному приказу фюрера подделка американских долларов, уже почти завершенная, была приостановлена. Гитлер еще рассчитывал умаслить Соединенные Штаты... В 1942 году Швенд был освобожден из-под стражи. Этот эсэсовский служака, никогда не нюхавший пороха, подвергся интенсивной психологической обработке, которая превратила его в робота, готового на все. А дальше было так: Фриц несколько неожиданно оказался в форме майора СС и в роскошном итальянском замке, получая 35 процентов комиссионных от самой грандиозной аферы с фальшивыми деньгами. Об этом я вам еще расскажу...

— Мне это в основном известно. Позвольте в свою очередь сообщить вам о совсем недавних сделках Фрица

Швенда. О контрабанде валютой, разумеется... Как утверждал помощник шефа местной полиции, Швенд не удовлетворялся тем, что поднимал телефонную трубку рукой, унизанной кольцами, и лаконично отвечал неизвестным собеседникам. Он всегда старался скомпрометировать своих собственных подручных. Один из них, американец немецкого происхождения Шнайдер-Мерцк, молодой человек, не пожелавший примириться с эсэсовскими махинациями, полностью разоблачил их, сообщив соответствующие сведения одному высокопоставленному служащему судебного ведомства. Я дам вам почитать несколько выдержек из его свидетельских показаний. В декабре прошлого года они были у меня в руках, когда я приехал в Санта-Клару, симпатичное предместье Чакалькайо, расположенное посредине между западными Кордильерами и побережьем Тихого океана. Там находилась вилла «Кармен», которую можно было принять за настоящий бункер: прожекторы, замаскированные агавами и направленные на террасы, гараж со стальной дверью, прочные и плотные защитные шторы.

Мой друг Крен остановил свой «шевроле» и протянул мне папку зеленого цвета, спрятанную под задним сиденьем автомобиля:

— Вот основные свидетельские показания молодого немца.

«Меня зовут Фолькер Шнайдер-Мерцк. Я приехал в Перу в 1968 году. В феврале 1970 года поступил на работу в Германо-перуанскую торговую палату, на должность секретаря управляющего. В апреле того же года в моем кабинете появился некто Федерико Швенд. В его визитной карточке значилось: Швенд, бывший полковник 8-й бронетанковой дивизии СС. Это имя мне говорило о многом. Я вспомнил о знаменитой, чуть ли не легендарной операции «Бернгард».

Когда дон Федерико пригласил меня к себе домой в Санта-Клару, я почувствовал себя польщенным. Там он представил меня своей семье, своему зятю Цезарю Суаресу, некой Регине, или Джин Альтман (жене Клауса Барбье), и близкому другу дома сеньоре Моретти. Когда в мае 1970 года я перебрался в Чакалькайо, я частенько заезжал по вечерам к Швенду поболтать, выпить аперитив. Не раз меня приглашали на ужин.

Вскоре между нами установились отношения, хотя я продолжал почтительно звать его на вы. Я был счастлив пользоваться такой благосклонностью. Швенд прекрасно знал всю немецкую колонию и давал мне понять, что он имеет самые обширные связи в министерствах Лимы, особенно среди военных. Он утверждал, что является сотрудником секретной службы армии (СИЕ), тесно связанной с ПИП[1], и может решить любую щекотливую проблему. Когда в 1971 году был введен контроль над обменом валюты, Швенд заметил вскользь, что, если у кого-нибудь возникнут затруднения с получением валюты, он сможет подсказать, как уладить дело. Он утверждал, что при его связях и влиянии подобная операция не представляет собой никакого риска.

В октябре 1971 года объявился некий Альберт Гальбан, которому были нужны 10 тысяч долларов. Я поговорил об этом с доном Федерико, который взялся осуществить необходимую операцию. Мне нужно было только передать ему соли, местные деньги, но из соображений безопасности я не должен был никому даже заикаться об этом, повторял он. Швенд вручил мне, под видом гарантии для названного Гальбана, облигации швейцарской компании «Мальто С. А.» на общую сумму 60 тысяч швейцарских франков. В свою очередь дону Федерико были переданы 550 тысяч солей вместе с адресом за границей, куда должна быть переведена эквивалентная сумма в долларах. Однажды вечером Гальбан позвонил мне и обеспокоенно заявил, что доллары все еще не поступили. Швенд остался невозмутимым и объяснил мне, что он вручил деньги некоему отцу Аарону Зильберштейну из секты адвентистов седьмого дня, религиозной организации, остро нуждающейся в средствах для своих «добрых дел».

Через один швейцарский банк я навел справки о «Мальто С. А.» из Лугано и спустя некоторое время выяснил, что это общество было ликвидировано путем ложного банкротства, оставив после себя пассив в 10 миллионов франков. Итак, у меня оказался долг в 550 тысяч солей, больше, чем я мог бы собрать за десять лет работы. Швенд заверил меня, что, «немного подождав и проявив терпение», мы вернем эти деньги. Он обещал мне отправиться в Панаму, где у него достаточ-

[1] Международный отдел перуанской полиции, поддерживающий связи с Интерполом.

но «хорошие отношения с полицией», чтобы взять за горло отца Зильберштейна. «Я раздавлю этого еврея»,— восклицал Швенд, притворяясь возмущенным.

Швенд добавил, что узнал, будто Альберта Гальбана зовут на самом деле Моизом Мюльбауэром, и что «он негодяй». Вскоре он представил мне Клауса Альтмана, президента общества «Трансмаритима Боливиана», который пообещал, что найдет способ вернуть утраченные деньги[1].

В отчаянии, готовый на все, лишь бы вынутаться из этого дела, я поверил тому, что говорил Альтман. Он предложил мне обеспечить фрахтование судов «Трансмаритимы» и таким образом получить приличные комиссионные. Он уверял, что речь идет о «совершенно законной» операции, не связанной ни с каким риском. «Трансмаритима» нуждалась в большой сумме свободных денег для оплаты издержек по фрахтованию и складированию. Заинтересованное лицо получило бы доверенность для фрахтования на предъявителя, которая могла бы быть обращена в наличные деньги в порту назначения. Таким образом, я вручил бы Альтману сумму в 2,2 миллиона солей. Мои комиссионные должны были составить 200 тысяч солей. Я приободрился, поверив в то, что погашу часть своего долга Мюльбауэру.

Каково же было мое разочарование, когда два дня спустя Швенд потребовал возвращения этих 200 тысяч солей...»

Я прервал чтение о злоключениях несчастной жертвы Швенда. Пока Крен просматривал листы тончайшей бумаги, я предался воспоминаниям.

Лето 1945 года. Первые беглецы со свастикой достигли самой южной части Нового Света, в большинстве своем избежав регистрации в полиции генерала Хуана Доминго Перона. В самом деле, даже глава аргентинского государства, принужденный в конце концов объявить войну «третьему рейху», испытывал страх. Он знал, что

[1] Среди документов, найденных в доме Швенда во время обыска, по приказу судьи Сантоса Чичизолы 13 апреля 1971 года, фигурировала обширная переписка между Швендом и Альтманом и неким д-ром Хибером, президентом общества «Мальто». Из писем явствует, что Швенд и Альтман продали Хиберу должность консула Боливии в Лугано. Что касается отца Зильберштейна, он действительно существовал, однако его имя было использовано без его ведома.

союзники скоро найдут в архивах Вильгельмштрассе или СД следы его связей с нацистским миром, его сделок с непосредственным окружением Гитлера, который его заверил в 1942 году, когда он был военным атташе Аргентины в Берлине, что возведет его, простого штабного офицера, не имеющего надлежащего образования, на трон в латиноамериканской части мира.

1946, 1947, 1948 годы... «Странные» беглецы смешались с потоком «перемещенных лиц», опекаемых и сортируемых Международным Красным Крестом и организациями, зависимыми от Ватикана. Это бывшие служители «нового порядка»: немцы, венгры, югославы, итальянцы, румыны.

Наиболее крупные среди германских беглецов тотчас же принимались в пансионе Юрмана, в сортировочном пункте Винсенте Лопес на окраине Буэнос-Айреса. На этот раз местная полиция не сводила глаз с вновь прибывших: она опекала их, оказывая любезное покровительство. Для Хуана Перона международная ситуация на этот раз сложилась неплохо: он получил отсрочку на десять лет.

Kamaradenwerk, это нацистское товарищество, было задумано и управлялось Гансом-Ульрихом Руделем, асом люфтваффе, менее запятнанным, чем его друзья из СС. Согласно схеме, разработанной на встрече в «Мезон руж», оно играло роль конторы по трудоустройству для 7—8 тысяч немцев, бежавших из Европы в страхе перед возмездием. Их быстро снабжали видом на жительство и временной работой. После этого им предоставляли самим барахтаться в паучьей сети бывших нацистов, которая протянулась от Патагонии до побережья Карибского моря. Внутри этой вновь возникшей группировки сложится своя иерархия. Когда-то видный штурмбаннфюрер СС окажется простым рабочим на филиале завода «Мерседес» (например, Адольф Эйхман). В то же время заурядный шарфюрер СС (старший сержант), воспользовавшись многочисленными связями, займет пост главного агронома, управляющего огромной образцовой фермой в пампасах (как Ганс Цаэляйн, бывший телохранитель Гиммлера).

Среди всех этих беглецов один казался отшельником — некий Николас Барбье, или Клаус Альтман. Он родился 25 октября 1913 года в Бад-Годесберге, маленьком живописном городке. Барбье учился в лицее Фрид-

риха-Вильгельма Треве. Отец Барбье умер в 1927 году от ранения, полученного на войне... Охваченный желанием взять реванш, молодой Барбье нанимается в трудовое бюро, вступает в гитлерюгенд, а затем в сентябре 1935 года в отдел IV-Д СД и заносится в списки СС под номером 272 284. Ростом ниже среднего, с упрямым подбородком и широкими плечами, он всеми способами, в частности умением ездить верхом, обращает на себя внимание своих шефов.

В июне 1940 года Клаус Барбье, произведенный в унтерштурмфюреры (младший лейтенант) СС, был откомандирован в Гаагу, а затем в Амстердам, в отдел по делам евреев. Здесь он проявляет усердие. В 1942 году Барбье, награжденного Железным крестом за «чистку» еврейских местечек в районе Зеедижка в Амстердаме, перевели на франко-швейцарскую границу в Дивон-ле-Бэн, в оккупированную зону, расположенную недалеко от Женевы. В ноябре того же года, после оккупации Германией юга Франции, он нашел наконец выход своей жестокости, за которую получил прозвища Экстра и Человек-мотор — так его за глаза называли подчиненные эсэсовцы. Барбье оказался во главе лионского гестапо. Дальше я расскажу о чудовищной деятельности Клауса Барбье против участников Сопротивления, в частности Жана Мулена и Макса Бареля...

Мой друг Крен протянул мне еще три листка с показаниями Шнайдера-Мерцка:

«После того как он оказался втянутым в сети Швенда — Альтмана, молодой статист из Германо-перуанской торговой палаты был выжат как лимон: игра в переписку продолжалась между Лимой и Ла-Пасом, а реальные платежи осуществлялись в перуанский «Банко популар» папвным Шнайдером-Мерцком... На сцене появился третий мошенник, некий Гольц, также бывший эсэсовец, проживавший на высоте 3800 метров на берегу озера Титикака. Он знал как свои пять пальцев укромные тропинки, по которым его джип мог нелегально проникать в Боливию. В телеграммах и телексах между сообщниками применялся условный язык: «двадцать тонн леса» означало 20 тысяч долларов. Перед окошечками № 11 и 17 центрального почтамта в Лиме происходили секретные встречи, в ходе которых совершался обмен маленькими пакетами, туго перевязанными бечевкой...»

— Несомненно, молодой Фолькер еще счастливо отделался,— заметил я своему другу.— В иных обстоятельствах два сообщника-эсэсовца немедленно ликвидировали бы свидетеля, знавшего так много... Однако дело происходило осенью 1971 года, то есть семь месяцев спустя после подписания судебного соглашения между Францией и ФРГ о выдаче военных преступников. Кроме того, 1 апреля того же года боевиками, прибывшими из-за океана, был убит консул Боливии в Гамбурге Кинтанилла, бывший шеф боливийской секретной службы, специалист по пыткам и один из убийц Че Гевары. По этому поводу Беата Кларсфельд сообщила в своей последней книге, что прах дипломата-полицейского был доставлен в Ла-Пас на борту почтового самолета «Люфтганзы» под присмотром Клауса-Георга Альтмана, родного сына Барбье!

Прежде чем вернуться к Барбье, я должен напомнить об одном интервью, взятом осенью 1971 года журналистом Петером Нишком и репортером из Мюнхена Гербертом Джоном. Простодушие и непосредственность, с которыми Швенд отвечал на их вопросы, могут изумить, однако его развязный тон, а зачастую слишком цветистый слог составляли, по-видимому, суть нового персонажа по имени Федерико, роль которого он играл: наглеца, который требовал от европейских адвокатов возвращения того, что осталось от его баснословных доходов от контрабанды во время войны. Когда Нишк и Джон подошли к критическому вопросу — был ли он главным распространителем 200 миллионов фальшивых фунтов стерлингов,— он с готовностью согласился.

— Не имела ли эта операция двойной цели: вызвать экономический хаос во вражеском государстве, обеспечив одновременно приток валюты в «третий рейх»?

— Совершенно верно!

— Похоже, что вы блестяще провели эту акцию.

— О да!

— Как вам удалось завоевать доверие руководителей рейха? Как вы попали в СС и стали штурмбаннфюрером СС?

— Сначала я работал на СД и армейские службы. Лично я не был связан с производством фальшивых денег, я занимался только их распространением.

Швенд признался также, что создал банк по обращению фальшивых денег во франкистской Испании, в «стране в высшей степени приятной и симпатичной». Его подручными были Джордж Шпиц[1], бизнесмен из Мюнхена, и баварский банкир Алоиз Мьедль. Они частенько наведывались в Амстердам в сопровождении своих жен, чтобы покутить и... согласовать детали операции «Бернгард».

— Какова была для каждого из вас доля участия, герр Швенд?

— Мой первый взнос составлял примерно 200 тысяч долларов, настоящих долларов, должен вам заметить. Вклад моих компаньонов состоял из произведений искусства, взятых из весьма известной галереи старинных шедевров. Позднее Мьедль приобрел даже репутацию известного торговца картинами.

— Вот это компания!

— Но я, увы, остался в дураках, будучи единственным, кто вкладывал наличные деньги. Два моих компаньона меня обжулили. До сих пор я не получил ни гроша из вложенных капиталов. Картины, купленные на мои деньги, оказались как бы случайно в Париже у некоего Хошхильдта в тот момент, когда союзники заняли Францию... Я не знаю, шла ли речь о банке или о картинной галерее, а вот Мьедль и Шпиц прекрасно отдавали себе отчет в том, что творили. Между тем Шпиц умер, а я все пытался вернуть обратно либо картины, либо вложенный капитал. Наконец я вынужден был обратиться в суд. Процесс против Мьедля состоялся в Цюрихе. Все, что мне удалось возвратить,— это 50 тысяч швейцарских франков, сумму, которую я лично одолжил ему.

— Что произошло после войны с вашими агентами и посредниками по распространению фальшивых денег за границей? Удалось ли им вложить все фальшивые банкноты в дело или обменять на настоящую валюту?

— Некоторые из моих агентов, пятеро или шестеро, справились с этим великолепно. Они всегда перевозили огромные суммы в своем багаже. Например, Шпиц, действовавший на территории Голландии, Бельгии и Северной

[1] Джордж Спенсер Шпиц, проживавший после войны в Мюнхене на Мауэркирхенштрассе, 95, уполномоченный банка «Ленц унд К°», акционер нескольких казино, в частности в Вестерланде и Баден-Бадене. Он оставил своей супруге огромное состояние.

Франции, постоянно располагал миллионом фунтов стерлингов в своих ящиках! Он жил в Беленберге, в доме семьи фон Гленау. Я предоставил в его распоряжение машину с двумя унтер-офицерами СС, которые возили его, когда потребуется, в Голландию или в Бельгию. Семейство Гленау все это хорошо помнит.

— Давали ли отчет своему правительству ваш компаньон Шпиц и ваши агенты?

— До поражения — да. Однако то, что у них имелось в сейфах к моменту капитуляции рейха, они оставили себе.

— Как вы полагаете, какие суммы у них остались?

— Около миллиона фунтов стерлингов... Но я должен назвать имя еще одного бесчестного укрывателя денег — Карнаца[1]. Он, как и я, бежал в Чили, принял имя Бетьена и ведет сейчас жизнь миллиардера. Женившись на чилийке из семьи крупной буржуазии и став членом директората «Банко Панамерикано», он проник в высшее общество. Кто-то из наших бывших компаньонов, завидуя его взлету, начал чинить ему неприятности. Он вынужден был покинуть Чили и обосноваться в Буэнос-Айресе, где и поныне заведует «Банко Трансатлантико».

— Герр Швенд, агент Карнац начал действовать во время войны?

— РСХА назначило его моим помощником. Карнац обладал прекрасными рекомендациями, был специалистом в области финансов, начинал карьеру в крупной итало-швейцарской фирме. За границей никому и в голову не приходило, что этот «почтенный» директор банка в действительности не кто иной, как распространитель фальшивых денег в рамках операции «Бернгард». В его обязанности входило также снабжать золотыми табакерками и драгоценностями главарей РСХА. В феврале 1945 года я передал Карнацу 50 тысяч долларов наличными и другую валюту, поручив ему внести эти деньги на шифрованный счет в швейцарском банке. Речь шла о настоящей валюте, поэтому с ее помещением не было никаких проблем. Но Карнац надул меня с моим вкладом.

[1] Он же Херберто Карлос Бетьен, родился 1 марта 1908 года. После 1962 года, согласно данным разведслужб союзников, укрывался в Мартинесе (Аргентина) по адресу: авенида Пастер, 263. Директор «Дойче юберзееше банк» в Буэнос-Айресе и «Банко-Панамерикано» в Сантьяго.

Мошенник из СС требует, чтобы Интерпол помог ему вернуть награбленные сокровища. Он называет имя еще одного из своих агентов времен войны, Кремера, заявившегося, как утверждает Швенд перед съемочной камерой, продажей оружия бундесверу.

— Переменим тему, герр Швенд! Расскажите, как вы жили в последние месяцы перед разгромом в замке Лаберс неподалеку от Мерано?

— У меня была охрана из тридцати человек, два помощника и несколько секретарей.

— Это был штаб операции «Бернгард»?

— Именно! Отсюда я посылал своих людей на Балканы, в Азию, Индию, а также в Италию, Францию, Испанию, Африку и Голландию. Однако партизаны проведали, что происходит в замке: деловой человек, охраняемый тридцатью солдатами, показался подозрительным.

— В мае 1945 года вы сбежали?

— Уже было давно пора отправляться на отдых, который я готовил себе в Каунсертале. Я снабдил деньгами и поддельными документами преданных мне людей. Сам я значился «майором из военной администрации в Милане».

— Кто же изготовил эти фальшивые документы?

— Я сам. У меня большой опыт в этом деле.

— Как вас поймали?

— Когда американцы заняли деревушку, я избавился от оружия, боеприпасов, револьверов, гранат и прочего и стал ждать развития событий. Не прошло и трех дней, как явились люди из Си-ай-си и увезли меня в Эмс. Оттуда меня перевели в Аугсбург в лагерь для ВИП [1]. В течение пятнадцати дней меня допрашивали днем и ночью.

— Узнали ли в Си-ай-си, что вы — Фридрих Швенд?

— В конце концов я назвал свое настоящее имя. Невозможно было слишком долго запираться. К тому же их офицеры предложили мне поступить к ним на службу. Скажем, некая миссия за пределами Германии. Через Шпица я вышел на банкира Августа Ленца, который находился под наблюдением союзников. С помощью Ленца я свел знакомство с д-ром Шмитцем, компаньоном

[1] VIP — very important person (*англ.)* — весьма важное лицо.

его банка. Тот предложил мне сотрудничать с ним и Ленцем.

— Какого рода дела вы возобновили со Шпицем, Ленцем и Шмитцем?

— Самые различные и в весьма крупных масштабах. Шпиц и Ленц наладили прекрасные отношения, в частности, с окружением правящего князя Лихтенштейна. Вам известно, что Ганс фон Лихтенштейн занимался контрабандой и был однажды задержан с 14 тысячами швейцарских часов, которые он пытался провезти в Германию? Его прозвали «князь часов». В те времена у меня был автомобиль с дипломатическим номером, который предоставил в мое распоряжение один из министров Лихтенштейна. Ленц и я занимались продажей подержанных автомашин, которые немецкие буржуа во время войны прятали в своих гаражах. Теперь их владельцы подыхали с голоду и уступали свои машины за любую цену. «Вандерер», БМВ или «мерседес», продававшиеся за 100 долларов, по ту сторону границы шли за 12 тысяч швейцарских франков. Бизнес был поистине золотой! Однако мы не ограничивались только автомобилями. Предметом торговли были бриллианты, изумруды и драгоценности. Я вспоминаю, как однажды Август Ленц сказал: «Фантастическое изумрудное колье из немецкого княжеского замка продается за смехотворную сумму — 700 тысяч рейхсмарок». На черном рынке это равнялось 2 тысячам долларов. Князь Лихтенштейна взялся переправить колье в Швейцарию, где продал его за 120 тысяч долларов.

— Почему же, несмотря на огромные доходы, вы предпочли покинуть Европу?

— Я испытывал необходимость сменить обстановку. Было решено поделить капитал поровну между тремя партнерами, и причитавшуюся мне часть должны были отправить на мой адрес за океан. До сих пор я так и не получил ни гроша...

— Какова же была ваша доля?

— Шмитц, Ленц и Шпиц должны мне 2 миллиона теперешних западногерманских марок. Детальные доказательства этому находятся у моего адвоката д-ра Лангештайна в Мюнхене. Я готов показать вам мою бухгалтерию.

— Все это время, пока вы занимались банковскими операциями, вы носили американскую форму?

— Не всегда. Я надевал мундир майора цвета хаки только тогда, когда это могло быть полезным для выполнения определенной миссии.

— Итак, вы решили бросить свое «золотое дно» и повернуться спиной к Европе?

— В принципе мной никогда не владело стремление к наживе. Во время войны я никогда не проливал кровь, разве только в ходе специальных заданий.

— Что вам известно по поводу фунтов стерлингов, найденных в озере Топлиц?

— В глубинах этого озера есть много других вещей, денег и золота, но я не могу назвать вам точные данные об их количестве. Знаю также, что там погребены сверхсекретные документы.

— Документы какого рода?

— Секретные досье о тотальной войне, которые Кальтенбруннер упаковал в ящики помимо золота и банкнот. Мне предлагали несколько раз отправиться в Австрию, чтобы показать нужные места в озере Топлиц искателям и водолазам. Меня обещали даже щедро вознаградить за это, однако я всегда отказывался...

— Герр Швенд, имя Лаваль говорит вам что-либо?

— Да, это был мой агент. Его настоящее имя Ганзебек. Нью-йоркский банкир, владелец банка «Роберт С. Майер», на Бродвее, 51, и филиала в Гамбурге. Женат на американке. Во время войны был агентом «третьего рейха» в Соединенных Штатах.

— Связано ли это имя со страховой компанией, которая передавала германским подводным лодкам сведения о передвижении американских грузов в Атлантике?

— Нет, я занимался этим лично... Я вам расскажу об этом. В конце концов, с тех пор прошло уже много времени. У меня давно созрела идея, что страхование является надежным средством определять, какого рода груз перевозит судно и в каком направлении. За небольшие деньги я получал у международных страховых компаний их полисы с подробным перечнем застрахованных товаров, указанием порта погрузки и порта назначения грузов.

Я отправлял эти сведения в Берлин. Что было дальше? Дело техники. Капитан той или иной подлодки знал, где и когда затопить указанный корабль. Рентабельная и дешевая операция...»

Фильм на 16-миллиметровой пленке завершается показом Фрица Швенда крупным планом, слегка вспотевшего в духоте прожекторов. Похоже, воспоминание о прошлом его нисколько не взволновало. Уставившись в объектив, бывший исполнитель грязной работы СС широко осклабился.

Я не могу понять до сих пор, почему этот исключительный материал так и не был показан по французскому телевидению.

Рядом с этим жуликом высокого ранга бывший усердный палач и садист из Лиона Барбье не заслуживает даже презрения.

«Никогда, очевидно, не удастся с точностью определить границы и скрытые пружины консорциума Швенд — Барбье». Это соображение моего друга Крена пришло мне в голову, когда я услыхал с опозданием в два месяца о трагическом и таинственном деле Луиса Банчеро Росси.

Хорошо известное в морском районе Чакалькайо имя магната рыболовной флотилии и транспортных судов, уважаемого как его служащими, так и всей старой испано-американской буржуазией. Он был найден мертвым 1 января 1972 года в саду своей виллы. В убийстве был обвинен умственно отсталый сын садовника. Такая поспешность всегда подозрительна. Я говорил об этом во время очередной встречи с Беатой Кларсфельд. Это убийство затронуло ее лично, поскольку Банчеро Росси был также патроном ее близкого друга и коллеги в Перу Герберта Джона.

В Перу, как и в Боливии, сказала мне Беата, общественное мнение, достаточно переменчивое на этих широтах, немедленно обвинило в совершении этого подлого убийства нацистских беглецов. Барбье-Альтмана и Швенда, соседей и знакомых магната, к тому же замешанных в самых грязных аферах морской контрабанды, подозревают в том, что они подкупили убийцу... Никакого конкретного доказательства не было найдено. Пострадавшей оказалась Регина-Маргарита Вилмс, немка, ставшая женой Клауса Барбье в 1939 году и последовавшая за ним в Боливию в 1950—1951 годах, когда он жил как бродяга, не имея ни кола, ни двора. Богатые виллы Ла-Паса и предместья Лимы закрыли свои двери перед этой жен-

щиной пятидесяти шести лет, у которой были наглый взгляд и седые волосы... Во время частых отлучек Барбье-Альтмана или его менее частых пребываний в тюрьме у нее больше не будет другого убежища, кроме виллы «Кармен» в Санта-Кларе. Дом Фрица Швенда станет ее собственным до его отъезда в 1976 году в Гамбург. Это возвращение в фатерланд представляло, по моему мнению, своего рода разрыв с его мрачным компаньоном. Мой друг Крен разделяет эту точку зрения. В своем письме он высказал дерзкую гипотезу: «Швенд покинул Латинскую Америку, прихватив с собой средства, награбленные в какой-то афере, или, как говорят в Чакалькайо, он продал свой богатый дом, получив, возможно, по наследству значительную сумму. Может быть, в действительности Мартин Борман, умерев где-то в 1974—1975 годах в тайном логовище на побережье Тихого океана, оставил кое-что жалкой марионетке из СС, чтобы заткнуть ему рот?»

Я должен констатировать, что в ФРГ он ведет себя весьма тихо. У него шуба из ценного меха вигони, животного, которое разводят в горах Перу и Боливии.

Лето 1972 года обогатило прессу сообщениями о многочисленных преступлениях, связанных с интернационалом неонацистов. Я случайно находился в Югославии, жил в отеле в Любляне, бывшем Лайбахе времен Габсбургов, ставшем крупным индустриальным центром Словении, и подготавливал совместную кинокартину с компанией «Триглав-фильм». Одна тема была в те дни особым предметом разговоров в Югославии. Речь шла о террористическом акте, подготовленном на Западе против социалистического общества. Он, разумеется, закончился провалом. Официальные лица хранили на этот счет полное молчание.

Это событие привлекло внимание моих друзей из крупных парижских газет. По поручению одной французской газеты я попытался пролить свет на эту историю. Не находя другого выхода, я обратился к моему давнему другу Зунику[1], доверенному человеку маршала Тито, чтобы получить хотя бы какие-то сведения. К сожалению,

[1] Он был зарубежным представителем югославской Федерации бывших партизан.

он был в отъезде. Один из его сотрудников, которого я расспрашивал, сказал: «Речь идет о нелепой попытке организовать диверсию. Она может стать опасной, только если некоторые иностранные газеты неоправданно раздуют ее. Будет лучше, если мы не будем этому способствовать...»

В сентябре мы обсуждали с Беатой именно это событие — недавний налет в июле того же года банды усташей на югославскую территорию. Стремившиеся спровоцировать гражданскую войну в Югославии правые экстремисты были быстро уничтожены или задержаны. Их диверсия закончилась полным поражением. Девятнадцать вооруженных до зубов молодчиков в ярко-зеленой униформе, под командой бандитов братьев Адольфа и Амброзие Андричей, пересекли ночью австро-югославскую границу между Грацем и Марибором.

Дипломатическим представителям в Белграде поступала скупая информация; эта самая серьезная со времен освобождения Югославии провокация изобличала постоянно готовых на все врагов новой Югославии, обосновавшихся в Аргентине, Чили и даже в демократической Австралии.

Через тринадцать лет после смерти Анте Павелич, этот адвокат из Загреба[1], основавший в 1929 году фашистскую хорватскую партию, которая поставляла коллаборационистов-террористов, работавших в тесном сотрудничестве с гестапо на Балканском полуострове, заставит вновь заговорить о себе. Именно по этим посмертным подробностям можно было составить более полный портрет фашистских главарей.

В 1949 году аргентинский депутат Сильвано Сантандер, член левой оппозиции, на заседании конгресса в Буэнос-Айресе заявил о своем возмущении предоставлением убежища преступнику Анте Павеличу перонистским режимом. Он уточнил, что Павелич, одетый священником, высадился в 1946 году в аргентинской столице с итальянского судна «Андреа Гритти».

Близкий друг епископа Алоиса Худала, старейшины немецкого епископата за границей, Павелич без особых церемоний получил облачение отца иезуита знаменитого

---

[1] Анте Павелич умер 29 декабря 1959 года в Мадриде, где он был другом и гостем генерала Перона, находившегося в Испании в эмиграции.

ордена, основанного Игнатием Лойолой и пользующегося особым расположением полицейских Латинской Америки. Однако неясно, где он скрывался первые шесть месяцев после поражения, в самый опасный период для нацистской нечисти, обратившейся в бегство? Согласно наиболее точным сведениям, бывший фюрер Хорватии укрывался тогда в одном из зарезервированных для гостей апартаментов епископства Хорватской коллегии в Риме. Из своего окна, выходящего па Пьяцца Колонна — своего рода амбразуры, занавешенной шторами из тяжелого бархата,— Павелич мог спокойно наблюдать за депутатами-коммунистами. Отец Степан Грегорич—таково было его новое имя — пылал по отношению к ним неутолимой ненавистью.

В 1952 году этот бывший поглавник (фюрер), вдохновитель фашистского Движения за освобождение Хорватии (ХОП) был тяжело ранен несколькими выстрелами из револьвера на одной из улиц Буэнос-Айреса.

В своей нашумевшей книге «Капут» Курцио Малапарте писал, как Павелич однажды принял его в качестве специального корреспондента одной крупной миланской газеты и указал на грубо сплетенную корзину, стоявшую на элегантном секретере... Что в ней было? Устрицы или другие дары моря? Нет, совсем другое, уточнил Павелич с улыбкой: «Двадцать килограммов человеческих глаз, выколотых у моих врагов-партизан...»

У жестокого главаря усташей было только два глаза. Они закрылись в 1959 году, когда он умер от рака на роскошной вилле в предместье Мадрида, снятой на имя генерала Перона, нашедшего убежище у своего друга Франко.

Кем же были прямые наследники Павелича? Называлось множество имен, многие террористические организации. Судя по всему, операциями в сентябре 1972 года в Боснии[1] руководил Иштван Елич. Не следует забывать и о террористических актах, которые им непосредственно предшествовали: о бомбе, подложенной в югославское посольство в Париже, об убийстве югославского дипломата в Стокгольме и т.д.

---

[1] Второе проникновение на югославскую территорию в 1974 году, то есть два года спустя, под руководством террористов Припича и Матевича тоже потерпело фиаско. С тех пор усташи воздерживаются от нарушений границ Югославии.

Откуда явились террористы-усташи, так легко пересекавшие Австрию? Итальянская пресса, обычно хорошо осведомленная о такого рода событиях, считала, что подобные операции — дело рук отрядов, сформированных в Аргентине или в Парагвае. Общеизвестно, что диктатор Стресснер принял многих бывших усташей в свою политическую полицию.

На основании информации, просочившейся с проходившего при закрытых дверях заседания югославского военного трибунала, можно было предположить, что как братья Андричи, так и сержант Припич проходили тренировку на еще более удаленном континенте: в Австралии. Хорватское революционное братство (ХРБ), похоже, пустило корни в этой стране пионеров, принявшей множество подозрительных беглецов вскоре после окончания войны. Мой коллега Патрис Шаирофф, составивший весьма обширную картотеку неонацистских группировок, рассеянных по всей планете, прямо обвиняет австралийские власти в попустительстве им. Секретная армия усташей, утверждает он, занимается вербовкой средь бела дня. Адрес ее вербовочного пункта в Сиднее: Куин-стрит, 121. Наиболее подходящих парней тут же направляют в военный лагерь в Водонге, расположенный в 300 километрах к северо-востоку от Мельбурна. Там их обучают обращению со взрывчаткой, основам шпионажа и организации диверсий.

Мои собственные расследования часто приводили к разоблачению тесных связей, которые фашистская эмиграция и европейские нацисты поддерживают с преступным миром. Я могу лишь процитировать высказывание Патриса Шаироффа на этот счет: «В то время как в ряде стран террористы-усташи играют роль подручных полиции (например, в Парагвае), в Западной Европе они тесно связаны с воровскими шайками. Члены хорватских фашистских организаций охотно занимаются сводничеством, торговлей оружием или наркотиками, кражами со взломом или специализируются на вооруженных налетах. В этом случае уголовный бандитизм становится неотделимым от политической преступности».

Занявшись делом Рикора и начав расследование обстоятельств встречи в «Каса марина», я был поражен размахом этого явления, особенно распространенного в Южной Америке, где уголовные и политические преступники заключили между собой пакт о взаимопомощи.

Деятельность обеих мафий тесно переплелась, их члены всегда готовы к убийствам, диверсиям, террору. И цивилизованному миру еще долго придется сражаться с этим двуглавым чудовищем, у которого есть и влиятельные вдохновители, и могучие помощники. Это чудовище отнюдь не на голодном пайке, его обильно вскармливают на случай «дня X», который готовит мафия СС.

Глава XV

Однорукий убийца

В 1962 году я был проездом во Франкфурте-на-Майне. Утром просматривал местные газеты. В них много писалось об экономических достижениях города, что подтверждалось открывающейся из широких окон моего отеля панорамой промышленного и торгового центра, в котором росли многоэтажные здания и кипела бурная коммерческая жизнь.

Мое внимание привлекла небольшая заметка в низу полосы, в которой говорилось о Курте Лейббранде — известном архитекторе, в прошлом лейтенанте, командовавшем ротой саперов. Следствие против него было начато на основании заявления бывшего унтер-офицера, обвинившего Лейббранда в расстреле тридцати итальянцев в августе 1944 года. 13 июля 1961 года в аэропорту Франкфурта Лейббранд был арестован, но вскоре выпущен под залог в 250 тысяч западногерманских марок. А затем «за недостатком улик» оправдан баденским судом.

Это было слишком простое объяснение, которому я не поверил. Во второй половине дня я уже был в Штутгарте и стучался в дверь государственного прокурора земли Баден-Вюртемберг на Урбанштрассе, 18. У господина Шабеля нашлось достаточно предлогов, чтобы уклониться от встречи со мной. Холодно встретивший меня его заместитель герр Геберль попытался отговорить меня от изучения этого «весьма давнего» дела, «исчерпанного западногерманской прессой».

— Суд Штутгарта,— заключил он с упрямым видом,— не может руководствоваться ни слухами, ни петициями, подписанными иностранцами, которые чаще всего носят мстительный характер.

Я решил заняться делом Лейббранда как журналист-международник. Я не собирался выступать в роли про-

курора. Мне хотелось лишь вынести на суд читателей историю трагической гибели ни в чем не повинных итальянцев. Провинциальная французская газета «Провансаль», а позднее миланская газета «Джорно» дали мне список ста непосредственных свидетелей этого злодеяния из Прованса и Ломбардии, которых я хотел сделать судьями преступлений Лейббранда.

На следующей неделе я приехал в Пьоленк, маленький городок в районе Оранжа (Воклюз). В бистро на площади Жертв войны, как будто специально предназначенной для этого, я выставил на круглом столике серию фотографий Курта Лейббранда, как старых, так и недавних. У меня было чувство, будто я в некотором роде начинаю процесс... назначив встречу бывшим руководителям маки́, представителям местных властей и двум свидетелям...

Я уже пытался что-нибудь узнать у очевидцев этого события, живущих в Оранже, главном городе кантона. Они всячески уклонялись от моих вопросов. Не было ли с моей стороны жестокостью вновь воскрешать времена проклятой войны, которую они, конечно, не забыли... В этом безмятежном красивом городе, где каждая минута имеет привкус вечности, никто не хотел заново переживать кошмары немецкой оккупации.

Я вновь просматриваю свои записи, которым исполнилось двадцать лет. И вновь слышу банальные фразы: «О да, в те времена всякое случалось!», «Ведь в 1944 году шла война!» А если настойчиво расспрашивать, скажут: «В то время расстреливали, бывало, по двадцать человек сразу...»

Это единственные сведения, которые мне удалось получить... Гораздо охотнее рассказывали об истории Оранжа.

Мне пришлось остановить машину у гаража, выкрашенного в яркие цвета, перед выездом из Оранжа на Национальное шоссе и спросить хозяина — Франсиса Мийона, бывшего партизана. Он оживляется:

— Мы сидели в засаде в маленьком лесочке к югу от города, когда раздались выстрелы. Сначала мы предположили, что прорвались американцы, но они еще находились в 40 километрах к юго-западу. Ах, эта ночь с 21 на 22 августа 1944 года!

Мои новые друзья из Пьоленка, с которыми я беседовал ночи напролет, вспоминая прошлое, помогли мне воссоздать всю картину:

— В конце августа 1944 года к нам прибыла рота немецких саперов. «Пионеры», называли они себя, как будто речь шла об исследователях лесов Амазонки. Их шефа, лейтенанта с отвратительным характером, о чем говорили сами солдаты, звали Лейббрандом, именно как вы говорите. За ним тащились безропотные солдаты, а также три десятка несчастных итальянцев. Наш друг зеленщик Франчи разговаривал с ними. Он же спасал потом уцелевших...

21 августа 1944 года Курт Лейббранд, командир 6-й роты саперного полка, расположившегося около Оранжа, получил сообщение генерального штаба фюрера: «На юге Франции противник атакует наши отходящие войска. В районе Тулона развернулось ожесточенное сражение. Около Экса и в долине Дюранс наши войска подверглись атакам вражеских сил».

Лейтенант Лейббранд получил подтверждение того, что ему придется подготовить организованное отступление в условиях, когда стремительно продвигающийся противник будет преследовать его по пятам. Следовательно, с собой можно будет захватить минимум... Иными словами, надо избавиться не только от груза, но также и от лишних людей. Он не может брать с собой итальянских «добровольцев» [1] из своей роты. Может ли он отпустить их к своим семьям? Это вовсе не тот совет, который он рассчитывал получить от своего начальника майора Дернеша, уроженца Вены. Лейббранд побывал в отеле «Сигаль» на улице Банкас в Авиньоне, где на несколько дней расположился его полк. Когда Лейббранд выходил от Дернеша, он знал, что делать. «Пораженец, жалкий паяц, типичный продукт гнилой Австрии, которую справедливо аннексировал рейх»,— подумал он с презрением.

---

[1] Добровольцев против их воли. Взятые в плен в Греции после капитуляции Бадольо, они были вынуждены подчиниться, как и множество других итальянцев, неофашистским властям или погибнуть.

Разговор носил резкий характер.

— Не может быть двух решений, я не могу ни задерживать свое отступление из-за этих тридцати итальянцев, ни пойти на риск, освободив их. Я пришел за приказом.

— Каким?

— Относительно методов казни, герр майор.

— Это невозможно,— возразил майор Дернеш.— Я не могу приказать расстрелять солдат, которые сражались на нашей стороне на Балканах и во Франции с сентября 1943 года. Вы забываете, что, хотя мы и арестовали их в Греции, после перемирия, заключенного итальянцами, они были зачислены добровольцами в 6-ю роту саперного полка. Они стали «вашими людьми».

— Моими людьми? Скажите лучше бунтовщиками! Они отказываются присягать республике неофашистов и вступать в фашистскую партию. Они заслуживают смертного приговора...

— Не нам их судить. Это дело Муссолини.

— Герр майор, бывшие союзники отныне являются могущественными врагами. Кто вам поручится, что они не примкнут к французским маки́, если их отпустят на свободу?

— Я сомневаюсь в этом,— устало ответил майор,— я официально отказываюсь подписать приказ, который никоим образом не оправдывается нашим планом стратегического отхода.

Выйдя от майора, Лейббранд, фанатично преданный Гитлеру, проклинал либерального австрийца, неспособного понять положение.

В Пьоленк, где стояла его рота, он поехал не сразу. Перед тем как покинуть Авиньон, он сделал загадочную остановку, судя по всему, по дороге в Монклар, где располагалось гестапо. Известно, что машина лейтенанта направилась в Оранж, выехав из Авиньона по дороге, ведущей на север; ее сопровождал гражданский автомобиль. На сиденье рядом с водителем сидел сутулый человек с жестким и грубым лицом. Его видел один из свидетелей. По описанию его внешность полностью совпадает с внешностью эсэсовца Карла Лидтке из Мёдлинга, которому в ту пору было около тридцати лет. Руку он потерял в 1942 году на фронте в Крыму. До июля 1944 года служил в гестапо в Ниме, а в августе был переведен в Авиньон.

Автомашина Лейббранда, подпрыгивая на ухабах, пересекла мост через пересохшую Эгю. Через три километра показался замок Бошен, где Лейббранд непринужденно расположился в компании эсэсовца. Обед был шумным. Пытаясь забыть свое жалкое отступление, нацисты вели бесконечные разговоры, сопровождавшиеся слезливо-сентиментальными клятвами. В этот вечер в меню была курица. Сам неповоротливый владелец замка Элис Жув был вынужден готовить еду для всего этого сброда. Перед тем как сесть за стол, лейтенант Лейббранд распорядился подать курицу своим людям, в том числе и итальянцам. Им удалось достать у крестьян несколько килограммов помидоров. Из них они собрались приготовить соус по-провансальски. Один Лейббранд знал, что для них это будет последняя вечеря. Убийству, по его мнению, должен предшествовать обильный ужин. Лицемерие — вот одно из свойств характера этого нациста.

Тон речей в замке с каждым новым тостом становился все более возбужденным. Приглашенные эсэсовцы, опьяненные собственным бахвальством, распаляли друг друга. Рейх выйдет победителем из этого испытания! Французы? Жалкие террористы! Итальянцы? Предатели! Те ренегаты и враги, которые не будут уничтожены сегодня, подвергнут опасности завтрашнюю Европу! Когда лейтенант Лейббранд удалился в зал Людовика XV, его решение созрело. Как примерный гитлеровец, он намерен был предложить итальянцам последний шанс: потребовать, чтобы они вступили в новую фашистскую партию и принесли присягу. Если же они откажутся... Тем хуже для них!

Ночью он вновь отправился консультироваться с другими военными, расположившимися в шести километрах в соседнем замке, и по-прежнему в сопровождении эсэсовских офицеров. И вновь с ним был однорукий эсэсовец Лидтке. Казалось, все зависит от него. Итак, вопрос решен. Оставалось подготовить продуманное отступление.

Когда Лейббранд вернулся в казармы, почти все итальянцы, завернувшись в шинели, спали. В четверть третьего ночи в полусне один из них заметил необычное оживление вокруг лагеря. За изгородью двигались тени. Может быть, их окружили союзники? Он разбудил своих

соотечественников. Гортанный голос по-немецки скомандовал добровольцам построиться в три ряда. Итальянцы даже не видели нацеленных на них автоматов. Переводчик обратился к ним с вопросом:

— Признаете ли вы новую фашистскую республику?

Эти люди знали, что Гитлер проиграл войну, и больше всего на свете они хотели мира и возвращения на родину...

Два мощных прожектора, нацеленных на итальянцев, внезапно затопили луг белым светом. Короткая лающая команда фельдфебеля — раздались автоматные очереди.

Они падали на землю Прованса, крича от страха, изумления, гнева. Эти крики слышали местные жители. Обитателям фермы Морнасс и замка немцы приказали покинуть окрестности, чтобы никто из них не стал свидетелем расправы. Они укрылись в небольшом лесу неподалеку. А мадам Жув спряталась за строениями.

— Когда выстрелы умолкли,— рассказывала она мне,— немцы стали готовиться к отъезду. С луга все еще доносились стоны. Эсэсовец хладнокровно добивал людей выстрелами в затылок. Выполнив свое дело, палач присоединился к отступающей роте.

— Я могла бы опознать этого эсэсовского офицера,— утверждает владелица замка,— у него не было одной руки.

Не был ли этот палач эсэсовцем Карлом Лидтке, которого видели в машине, следовавшей за автомобилем Лейббранда при выезде из Авиньона? Есть все основания это предполагать.

Немцы ушли, и один из свидетелей расстрела, Марсель Гуде, поспешил к месту, где разыгралась трагедия. Одно за другим он переворачивал тела, распростертые на земле. Он щупал пульс, прикладывал к губам карманное зеркальце. Пять раз оно запотевало, и пять раз спаситель тащил тела, в которых еще теплилась жизнь, к маленькому леску. Раненые были спрятаны у Франчи, местного зеленщика. Расстрелянные итальянцы были его соотечественниками. Эмигрировав из своей страны, он купил участок земли в Пьоленке на средства, с трудом накопленные во время работы в шахтах Мозеля.

На рассвете с помощью соседа Франчи похоронил двадцать пять расстрелянных итальянцев в братской могиле. Тем временем показались американские танки.

Пятерых тяжелораненых доставили в госпиталь в Оранже. Благодаря усилиям военных медиков четверо из них выжили.

Пьетро Корнелли, бывший парикмахер, человек крепкого сложения, теперь служит в банке в Брешии. Он вновь научился улыбаться. Каждый год в праздник всех святых он приезжает повидаться с Франчи, которому обязан жизнью. В день поминовения усопших они вдвоем склоняются над надгробием, воздвигнутым в память о расстрелянных, останки которых в 1954 году были перенесены на городское кладбище в Пьоленке.

Бьямино, землемер из Астии, также вернулся к нормальной жизни.

Альберто Апостоло, владелец ресторана, так и не оправился от потрясения, у него серьезное психическое заболевание. Признанный «недееспособным» германскими трибуналами, он не смог бы дать показаний против своего палача, однако само его состояние свидетельствует об ужасе той бойни.

Алессандро, который тоже не смог полностью восстановить свое душевное равновесие, живет сейчас в Брешии, работает на металлургическом заводе. Долго лечившие его психиатры разрешили ему вернуться к семье.

Позднее были найдены еще двое выживших во время расстрела: Леон ди Бенедетто родом из Калабрии и Гидетти из Таранто.

В штутгартском суде бывший лейтенант выступил с яростным протестом: он не присутствовал при казни «итальянцев, собиравшихся дезертировать». Ему понадобилось восемнадцать лет, чтобы узнать, что они были расстреляны автоматными очередями.

— Меня преследовал неприятель,— сокрушенно признает он.— Само собой разумеется, я был вынужден освободить свою роту от всего лишнего.

По возвращении из моего печального паломничества в Пьоленк я перечитал стенографическую запись процесса в Штутгарте, которую мне передал один немецкий юрист, имя которого я не хочу называть. Рассматривая едва различимые фотокопии, я потерял чувство времени. Память моя все спутала, и я оказался в Нюрнберге 1947 года во время знаменитого процесса над генерала-

ми СС... Я присутствовал на нем среди сотни журналистов со всего мира. С наушниками на головах мы следили за речами защитников. Приводившиеся факты бесчисленных убийств леденили кровь.

Иногда слушать допросы было невыносимо, например заявление генерала СС Отто Оллендорфа, повторявшего глухим голосом: «Если бы все повторилось, я сделал бы то же самое». Все они — Штрекенбах, Эрнст, Барбье, Липпка, Иллерс, Хемпен, Рауфф, Мориц — повторяли одно и то же. Все прятались за приказы фюрера или за «законы» военного времени. Некоторые другие обвиняемые, казалось, были менее убеждены в том, что служили благородным целям и «третьему рейху».

Одно дело произвело на меня особенно тяжкое впечатление. Сидевший на скамье подсудимых и опиравшийся на палку старик — оберфюрер СС вместе с эсэсовцами Штрекенбахом, Эрлингером, Бруннером, Гюнтером, Брауном, Вагнером и Шульцем принимал участие в убийстве тридцати тысяч цыган.

Американский судья Мусмано допрашивал его по одному конкретному факту: об одной цыганской семье, которую эсэсовец разыскивал с фанатичным терпением в течение многих месяцев, пока наконец не нашел ее в глухом районе Сербии и не отправил в газовую камеру.

— Чем было вызвано такое упорство? — допытывался американский судья.

— У меня был четкий приказ, в нем точно указывалось количество цыган.

— Они были последними в вашем списке? — спросил судья.

— Да, они были нам нужны для ровного счета: тридцать тысяч цыган... Я должен объяснить вам, господин судья! Меня воспитывали в очень строгих правилах. Мой отец был пастором, человеком долга. Он испытывал ужас перед неопрятностью. Перед тем как сесть за стол, он внимательно осматривал мои руки, ногти. При малейшем намеке на грязь он привязывал мои руки к спинке кресла, стягивал их железной проволокой и бил линейкой до тех пор, пока пальцы у меня не становились синими. Затем я снова должен был мыть руки. Так мой отец, пастор, приучил меня к опрятности. Я никогда не забуду его уроки...

— Однако какое это имеет отношение к тем несчастным, которых вы преследовали в глухих провинциях Балкан?

Казалось, этот вопрос судьи привел эсэсовца в явное замешательство.

— Но, господин судья, они же были грязными и неопрятными. В первый же раз, когда я увидел цыган, я понял, что это всего лишь паразиты. Наше общество могло без них обойтись — их надо было уничтожить.

Этот человек выглядел еще бледнее, чем в начале допроса. Он кусал губы, его тщедушное тело сотрясалось от приступов кашля. Может быть, он потерял здоровье, преследуя этих грязных цыган? Не был ли он жертвой своей благородной цели? Ему понадобились многие месяцы, чтобы отыскать эту семью из девяти человек в глухой провинции Сербии. Достичь точной цифры в тридцать тысяч человек было венцом его карьеры, признался наконец оберфюрер СС.

Так реализовывалась на практике нелюбовь Гитлера к цыганам.

Судья Мусмано, итальянец по происхождению, был поражен. В приступе ярости оберфюрер СС застучал по полу своей тростью.

— Да, господин судья, они были грязные — женщины, дети, мужчины; они вполне заслуживали того, чтобы исчезнуть все до единого.

Гул негодования пробежал по рядам журналистов. В течение всего нескончаемого процесса мы еще не слышали столь возмутительного признания... Обвиняемый умолк. Пустыми глазами он обвел огромный зал, где находились журналисты всех стран мира. Попросив притворно плачущим голосом разрешения, он сел. Эсэсовец был крайне озадачен. Убежденный в важности своей миссии, он никогда ничего не спрашивал. Допросы, которым подвергли его офицеры союзников, казались ему мелкими придирками, реваншем победителей. Он понял, что здесь бесполезно повторять те слова, которые он привык произносить перед рейхсфюрером СС Гиммлером...

Растревожив свою память этим мрачным воспоминанием, я постарался забыть «убийцу цыган». «Человек-робот,— подумал я,— такие существовали во все времена». Однако то, что молодой человек из хорошей семьи мечтал вступить в СС, имея при этом склонность к за-

нятиям искусством, показалось мне предельно гнусным. Пусть то, что я говорю, шокирует некоторых бывших лейтенантов вермахта, у которых сегодня седые виски и прекрасное положение в их преуспевающей стране. Если они испытывают чувство принадлежности к элите германских офицеров регулярных войск, почему никто из них не счел нужным осудить Лейббранда? Следует ли из этого, что баланс весов западногерманской Фемиды, как утверждает Беата Кларсфельд, искажен почтением к истэблишменту? На процессе в Штутгарте брошенные на чашу весов трупы несчастных парней родом из Тосканы, Абруццы или Калабрии не весили ничего по сравнению с другой чашей, на которой восседал «герр профессор», человек с тонкими, недобрыми губами, автор архитектурных проектов аэропортов во Франкфурте, Цюрихе и Милане.

Курт Лейббранд, по-видимому, «лишь однажды» за всю свою жизнь стал убийцей, и сейчас этого достойного представителя авангарда технического прогресса, который строит Европу 2000 года, не мучают угрызения совести.

После статей о Лейббранде на меня обрушились с критикой и упреками. «Вы даже не итальянец! Какое вам до этого дело?» Позже я получил письма от целой своры адвокатов, защищавших Лейббранда, а также от «знакомых» обвиняемого. Сначала меня пытались «унять». Были попытки вызвать меня на «совершенно откровенный» разговор о деле, бросающем тень на честь великого урбаниста. Затем в агентство, распространявшее мои статьи в Бельгии, начали поступать угрозы. Позднее мне предложили весьма секретно «щедрое возмещение моих расходов» на выбор: некую солидную сумму или автомобиль «мерседес». Я не колеблясь отказался.

После долгого разбирательства Лейббранд был приговорен к весьма мягкому наказанию. Шум, поднятый итальянской прессой на эту тему, вполне вознаградил меня.

Эта провансальская долина, пересеченная траурными рядами кипарисов и наполненная треском цикад, славится двумя памятниками старины: придорожной гостиницей «Монклар» и замком Пьоленк.

Подобно гончей, тощий Лейббранд сначала примчался

в расположение гестапо. Он рассчитывал найти здесь дружеское внимание и поддержку гауптштурмфюрера Лидтке. По мнению однорукого Карла, одним из первых вступившего в гитлерюгенд, созданный в Австрии задолго до аншлюса, майор Дернеш заслуживал военного суда. Лидтке обещал использовать свое положение и свой «опыт» для обоснования необходимости этой «очистительной» операции.

Во время процесса в Штутгарте, как мне рассказывали, Лейббранд ни разу не опустил глаза, за исключением момента, когда его спросили о его эсэсовском пособнике. Адвокат обвиняемого д-р Конрад Гауссман уточнил, что западногерманская федеральная полиция, так же как и он сам, безуспешно пыталась его найти.

Гауптштурмфюрер СС исчез однажды ночью... Я сам перерыл множество документов, просмотрел списки полицейских СД в Берлине, Люнебурге, Вене, запрашивал центры по розыску военных преступников.

Карл Лидтке, родившийся в 1918 году в Мёдлинге, сделал карьеру в службах, находившихся под контролем НСДАП. В качестве ответственного за звено гитлерюгенда он был рекомендован в партийную «школу курсантов» и одно время носил черную форму с красной повязкой гауптшарфюрера в венской казарме. Рана, полученная им в тяжелых боях под Керчью, ускорила его продвижение. Он был зачислен в СД. Затем Лидтке, который всегда носил протез в черной перчатке, был переведен в 1944 году на Западный фронт. После высадки союзников на побережье Прованса и трагического эпизода в Пьоленке он, как я думаю, оставался несколько недель в районе Монбельяр, где вдоль швейцарской границы еще долго шли ожесточенные бои. Он, безусловно, пережил капитуляцию нацизма.

Хотя семья Лидтке находилась в Ваграме, деревушке, около которой Наполеон разбил эрцгерцога Карла, сам он укрылся в Тироле или на юге Баварии: он не мог возвратиться в родные края, так как там находились советские войска. Имея связи с австро-венграми и словаками, которые были с 1941 года зачислены в добровольные полицейские отряды, состоявшие на службе у нацистов, Лидтке, вполне вероятно, связал свою судьбу с такими же, как он сам, выходцами из Центральной Европы. Многие из них решили эмигрировать в Канаду.

Совершенно случайно через два года после расследо-

вания в Пьоленке автор этой книги отправился в Виннипег. Я собрался побеседовать с членами любопытной секты духоборов, этих своего рода пуритан русского происхождения, которые иногда поджигали свои собственные дома. Я встретил также множество других эмигрантов, прибывших еще раньше из Восточной Европы.

В Канаде можно проехать сотни километров, слыша вокруг венгерскую, сербскую, чешскую и украинскую речь. Один новоиспеченный канадец родом из Моравии предоставил мне возможность пролететь с ним на самолете огромные покрытые снегом территории, прилегающие к Гудзонову заливу. Он занимался любопытным делом, чем-то вроде аэрофотосъемки, которой я сам увлекался в дни юности. В то время как он следил за шкалой довольно сложного прибора для магнитной разведки, я на час или два заменял его у штурвала и пользовался случаем познакомиться с изумительной субарктической природой: нескончаемые леса, карликовые березы, стада оленей и изредка стая волков, медленно бредущих по талому июньскому снегу.

— Любой отчаянный беглец, прибывший с другого континента, мог бы прятаться в этих бескрайних просторах многие годы,— сказал я своему спутнику.

Он покачал головой:

— Человек неизбежно оставляет следы на снегу. Охотники и геологи, производящие разведку месторождений, быстро обнаруживают человека в радиусе 100 километров. А вот в пригородах больших городов, где живут люди разных национальностей, другое дело...

По возвращении в Монреаль, после того как мы налетали более сотни часов, мой друг Стас устроил для меня сюрприз. В течение пяти дней он помещал в двух крупных англоязычных газетах в колонке «Предлагается работа» объявление. Совместно с одним голландским бизнесменом он собирался набрать команду из четырнадцати человек, которые должны были за три месяца обнести оградой из колючей проволоки участок тундры в 80 квадратных километров, на который только что была получена концессия (как того требовал канадский закон). Нанять этих людей стоило огромных денег, поскольку каждому требовалось по 40 долларов только на проезд. Однако руда, открытая предприимчивым Стасом, воодушевила его партнера основать фирму и выпустить ее акции на биржу.

9*

Однажды утром сорок весьма живописных человек осадили контору моего друга на улице Сан-Катрин, главной артерии большого города на берегу Святого Лаврентия. «Рожи охотников»,— пробормотал Стас, заметив бороды и усы. Многие из них были рыжими — это наводило на мысль, что этот цвет волос преобладает за Полярным кругом. «Ваши имена и прошлое место работы»,— повторял Стас.

Среди них были два шведа, один шотландец, шесть или семь венгров и не знаю сколько украинцев. Затем вошли четверо — двое молодых и двое постарше — и представились совершенно одинаково. Главный среди них, бывший охотник, со светлой шевелюрой с седыми прядями и тонкими губами, уточнил, что они из одной команды, в которой он главный, и что с ним и надо вести разговор. Сам он охотился на гризли на Юконе, прошел тысячи километров по районам урановых месторождений и ставил капканы на молодых тюленей на ледяных заторах Сан-Жана. Его национальность? Гортанным голосом он ответил: «Я словак». Стас заговорил с ним на его языке, и он отвечал правильно. Затем Стас поинтересовался по-английски:

— А где вы потеряли руку?

Этот вопрос, казалось, привел в раздражение его собеседника. «Словак», ни слова ни говоря, схватил письменный стол, на котором стояла пишущая машинка, и единственной рукой поднял его к потолку.

Я восхитился его мышцами, вздувшимися на сгибе засученного рукава клетчатой рубашки. Этот охотник с грубым лицом меня заинтересовал. Я спросил его по-немецки:

— А вы умеете ставить столбы с колючей проволокой?

Не колеблясь, он ответил мне несколько нараспев с прекрасным венским акцентом:

— О, это да! Колючая проволока в мотках или на перекладине, все, что хотите... Поверьте мне.

Назавтра Стас, решивший нанять эту своеобразную команду, был весьма удивлен: «словак» и его люди не явились в назначенное время. По оставленному им адресу, где-то в китайском квартале, ответили, что «утром Карл Яш уехал куда-то на Юкон. Охотник на гризли, не так ли?..»

Только тогда я сопоставил свои воспоминания.

Не могло ли случиться, что таинственный эсэсовец из Пьоленка стал охотником Карлом Яшем? Оба они носили одно имя, были похожи, говорили на одном языке... И не щадили ничего живого...

Согласно данным, полученным из надежного источника в Оттаве, около тысячи военных преступников скрываются на территории Канады.

Глава XVI

Вашингтон извиняется

(Вместо послесловия)

В субботу 5 февраля 1983 года Клаус Барбье-Альтман, бывший нацистский шеф IV отдела СД во Франции, был заключен в крепость Монлюк в Лионе — ту самую старую тюрьму, где в 1942—1944 годах он подвергал пыткам сотни патриотов — участников французского движения Сопротивления... Судья Рисс, которому поручено вести это дело, предъявил ему обвинение в «преступлениях против человечества».

Второй раз за сорок лет эсэсовец, который несет ответственность за многие преступления, стал «знаменитостью» тихого Лиона.

3 ноября 1982 года, за три месяца до выдачи Барбье, г-н Кристиан Рисс вновь открыл досье преступлений, заведенное на нацистского палача на основании новых показаний узников, а также участников Сопротивления, собранных парижским адвокатом Сержем Кларсфельдом. Самолет ДС-8, на котором был доставлен из Французской Гвианы заочно осужденный военный преступник, приземлился на военной базе в Оранже. Оттуда Барбье был переправлен в Лион вертолетом.

Это стало возможно благодаря тому, что в Боливии за несколько месяцев до этого после многих лет правления фашистской военной диктатуры был установлен демократический режим. Новое правительство Эрнана Силеса Суасо, возглавлявшего коалицию левых сил, пришло к власти в начале декабря 1982 года. Чтобы поднять свой авторитет и заручиться определенной экономической и финансовой поддержкой, новый режим решил доказать мировому общественному мнению свой демократический характер. И наиболее убедительным жестом в этом смысле стала выдача нацистского преступника. Франция, возглавляемая с 1981 года коалицией левых сил,

воспользовалась политическими переменами в Боливии, где сменявшие друг друга французские послы без особой настойчивости уже давно требовали выдачи «лионского палача», дважды заочно приговоренного к смерти военными трибуналами Лиона — в 1952 и 1954 годах — за военные преступления, в отношении которых истек срок давности [1].

Со времени трибунала в Нюрнберге в 1946 году, второго суда над военными преступниками в 1947 году, среди которых был Оллендорф, и суда над Эйхманом в Иерусалиме в 1961 году многие процессы над нацистскими головорезами создали прецеденты для процесса 1984 г. по обвинению в «преступлениях против человечества», отныне не связанных со сроками давности. Этот процесс, который, возможно, будет скрыт от телевизионных камер, явится тем не менее историческим уроком для молодого поколения и мучительным воспоминанием для переживших тяжелые годы войны.

Чтобы лучше понять публичное судебное разбирательство, которое, несомненно, состоится в Лионе, следует обратиться к эпохе денацификации, периоду, последовавшему после окончания второй мировой войны. Из 15,5 миллионов немцев, числившихся в 1946 году в американской зоне оккупации, 3,5 миллиона было объявлено, согласно положениям о денацификации, «подозрительными». Из этого числа 33,5 % не подвергались никаким преследованиям; 51,3 — рассматривались как простые исполнители (Mitlaüfer); 11,1 — как мелкие преступники (Minderbelastete); 2,2 — были признаны «виновными» и лишь 0,1 % — «крупными преступниками».

Даже сегодня доставка Барбье на место его прежних преступлений вызывает смешанную реакцию в ФРГ. Некоторые тоскующие по прошлому личности сокрушаются по поводу излишнего злопамятства в отношении «функционеров-исполнителей». Другие саркастически предвкушают возможное сведение счетов между участниками

[1] Материалы обвинения содержали главным образом данные об операциях в районе Лиона и не вменяли Барбье в вину убийство четырех тысяч граждан, арест и депортацию около двадцати тысяч патриотов — участников движения Сопротивления и «неарийцев».

французского движения Сопротивления и бывшими пособниками Виши.

Однако есть и третье действующее лицо в этой истории. Это администрация США, тщательно оберегавшая палача Лиона с 1946 по 1951 год — до его отъезда в Перу, а затем Боливию. Сегодня множество свидетелей подтверждают, что Барбье скрывался в американской зоне оккупации, где он обрел «крестных отцов», не только обеспечивавших ему прикрытие, но и сделавших его одним из своих самых высокооплачиваемых агентов.

Общественное мнение США было поражено, когда профессор Эрхард Дабрингхаус из университета в Детройте дал показания перед миллионами телезрителей: «Да, я знал Барбье. Он работал на меня с 1948 по 1950 год, тогда я был агентом американской армейской контрразведки. Именно я получил приказ от моего начальства переправить его из Мемингена, где он скрывался от французского правосудия, в Аугсбург, где он находился под нашей защитой».

Господин Дабрингхаус, майор службы безопасности Си-ай-си, подтвердил, что перечислял Клаусу Барбье 1700 долларов в месяц за его «услуги». По тем временам сумма внушительная: тогда месячный заработок рабочего не превышал рыночной стоимости пачки сигарет «Кэмэл» или «Честерфилд», которые стоили на черном рынке двести-триста марок. Как видно, «гонорар» бывшего «мясника из Лиона» в 1947 году в переводе на сегодняшний день был бы равен заработку голливудской кинозвезды.

В то время Барбье жил скрытно и комфортабельно в Штадтбергене (Бавария). По свидетельству майора Дабрингхауса, это не помешало одному из его «коллег» за ним шпионить.

— Наш агент Курт Мерк,— признает бывший офицер контрразведки,— поведал нам все о деятельности Барбье во Франции... В принципе его следовало арестовать. Увы! Приказы моих шефов были совсем другие. Мне приходилось продолжать сотрудничать с этим типом.

Мерк, служивший осведомителем Си-ай-си с 1946 года, уговорил командование контрразведки использовать Барбье. Два офицера американской спецслужбы, Дейл Гарви из Канзаса и Роберт Тейлор, живущий ныне в городе Сиракузы, штат Нью-Йорк, подтверждают, что завербовали Барбье весной 1947 года.

Американские архивы в Вашингтоне свидетельствуют также о том, что в 1946 году шеф 970-го подразделения Си-ай-си, некто Браунинг, приказал своим подчиненным прекратить процесс денацификации, поскольку немцев не считали больше врагами. Как он дал понять, настоящие враги, гораздо более опасные, находятся на Востоке, в России.

Исполняя приказы своих шефов из отдела «G-2», Браунинг осенью 1946 года предпринял попытку внедрить своих людей в ряды коммунистической партии на севере Германии, в частности в Бремене (в американской зоне). Для этой операции он использовал таких, как Мерк и Барбье.

Именно в этот период Браунинг получил сообщение из штаба во Франкфурте о том, что офицер гестапо, разыскиваемый за многочисленные преступления, скрывается в американской зоне. Речь шла о Клаусе Барбье.

В недавнем интервью Би-би-си Браунинг рассказывал, что сменил Гарви на посту начальника оперотдела во Франкфурте и занялся изучением сети агентов контрразведки. Вот как он вспоминает о послевоенных годах:

«Я сидел у себя в кабинете, когда мой заместитель Джим Рэтлиф вошел с папкой бумаг. Это был список осведомителей IV района Си-ай-си. Я прочитал его и увидел имя Клауса Барбье. Меня это очень удивило, поскольку именно его Гарви приказал арестовать, когда я командовал округом в Бремене. Теперь же вдруг оказывается, что этот немец состоит у нас на службе».

С этого начались серьезные разногласия между Браунингом и офицерами контрразведки IV района, утвердившими Барбье в его функциях и считавшими его одним из своих лучших агентов.

Между тем Мерк и Барбье смогли убедить Си-ай-си, что опыт, полученный ими во время войны в борьбе с французским Сопротивлением, возглавляемым коммунистами, и в период разгрома организации «Красная капелла», мог быть полезен американцам. Они также имеют возможность проникнуть в немецкую коммунистическую партию, вышедшую из подполья, где она находилась во время войны; они готовы снабдить американцев сведениями о положении во французской зоне оккупации с центром в Баден-Бадене, в частности сообщить имена симпатизирующих коммунистам офицеров и всех гражданских служащих, имеющих отношение к ФКП.

Барбье уверил офицеров Си-ай-си, в основном молодых и малоопытных людей, что он сохранил доступ к сети агентов гестапо и абвера, простирающейся от Испании и Лиссабона до территории СССР, оккупированной немцами в период 1941—1944 годов. Особенно он рекламировал свою сеть осведомителей в Латвии, Литве и Эстонии, афишируя тесные связи с бывшими сотрудниками РСХА и ЗИПО, многие из которых, спасаясь от преследования за военные преступления, хлынули в американскую зону.

Барбье насадил своих осведомителей в центрах перемещенных лиц, особенно среди тех, кто прибыл из восточных районов. Он также опутал сетью агентов репатриантов с Востока и военнопленных из концентрационных лагерей, которых ежедневно привозили поезда или грузовики. Даже незначительная информация использовалась Барбье и его компаньоном Мерком для составления новых докладов, которыми они в обилии снабжали американскую администрацию.

Офицеры Си-ай-си в Аугсбурге и Мюнхене (в 1946 году капитан Александер, о котором шла речь ранее, уже возвратился в США) получали очередные нашивки, отправляя доклады Мерка — Барбье, составленные ими самими, в отдел «G-2». У американцев создалось впечатление, что они нашли золотую жилу в лице этих двух гестаповцев. В частности, офицеры Си-ай-си Тейлор и Хаджи всячески хвалили подробные, с немецкой педантичностью составленные отчеты этих двух эсэсовцев.

Браунинг, по его собственному утверждению, продолжал настаивать на аресте Барбье как военного преступника, выдачи которого требовали французы. Наконец, Гарви сдался и согласился передать Барбье в распоряжение отдела «G-2» в Оберурзеле, где находился центр допросов американского командования в Европе.

Следует заметить, что на отдел «G-2» постоянно оказывали нажим, требуя освободить Барбье «как исключительно ценного агента». Документы тех времен все еще засекречены, однако можно с уверенностью утверждать, что генерал Гелен, которому оказывал покровительство Аллен Даллес, приложил руку к решению полковника Джеймса Эрскина, командовавшего службой контрразведки, вновь принять Барбье к себе на службу.

Это было в 1948 году, в разгар «холодной войны». Денацификация превратилась в пустой звук. Западная

Германия, так и не избавившаяся от нацизма, становилась союзницей Запада. И нет ничего удивительного в том, что преступники Барбье и Мерк были приняты на службу в 970-е подразделение Си-ай-си в Аугсбурге.

Майор Дабрингхаус вспоминает, что Барбье руководил сетью, состоявшей из сотни информаторов как в Восточной, так и в Западной Европе. Вскоре, однако, Дабрингхаус решил сократить их число на две трети, поскольку игра явно не стоила свеч: информация была слишком скудной для тех сумм, которые расходовались Барбье и Мерком.

В одном из своих недавних интервью майор Дабрингхаус рассказывает, что отдел «G-2» в Оберурзеле приказал не ограничивать деятельность двух гестаповцев, а расширить ее сферу на Германскую Демократическую Республику, Чехословакию, Югославию, Румынию, Венгрию, Болгарию и Польшу.

В эти счастливые для Барбье времена он пользуется возможностью помочь другим гестаповцам и эсэсовцам покинуть Европу и снабдить их и их семьи средствами к существованию. Дабрингхаус хорошо помнит бесконечные махинации пройдохи Барбье, который не упускал случая похвастаться тем, как выкупал своих «друзей» у американцев.

Преемниками майора Дабрингхауса в Си-ай-си были два совершенно иных человека. Выпускники военного лагеря Ритчи, они активно участвовали во второй мировой войне. По происхождению оба были немцами. Первый — Герберт Бихтольд, в настоящее время живущий в Ричмонде,— эмигрировал из Германии в США в 1935 году после обнародования в Нюрнберге расистских законов. Он высадился в июне 1944 года в Нормандии с армией союзников, наносившей последние удары по многоголовой нацистской гидре, по остаткам ее изуродованного туловища: головы гидры догнивали на равнинах Восточной Европы.

Барбье быстро нашел общий язык с Бихтольдом. Ему нетрудно было расположить в свою пользу американского офицера, который был призван в Си-ай-си в 1948 году, в разгар «холодной войны». Преступник Барбье расписывал ему свои военные подвиги в безжалостной борьбе немцев с коммунистами и французским Сопротивлением. Он использовал антикоммунистические настроения Бихтольда, который передавал ему значитель-

ные суммы на продолжение антикоммунистической деятельности.

Что касается второго офицера Си-ай-си, Юджина Колба, принявшего командование IV районом Си-ай-си, он был одним из тех немцев, родители которых эмигрировали в США в 20-е годы, не простив союзникам ни Версальского договора, ни оккупации французами Рейнской области. Иными словами, Колб воспитывался в семье закоренелых реваншистов.

Колб сам признавал, что вся работа по денацификации и поискам немецких военных преступников вызывала у него глубокое отвращение. Он считал для себя счастливым и удачным день, когда командование отдало приказ заняться борьбой против коммунистов.

Именно Колб подал идею ограничить функции Мерка, удвоив одновременно оплату услуг Барбье и поручив ему новую миссию.

Отвечая недавно на вопросы, Колб признал, что ему было известно о прошлом гестаповца Барбье, но он не был в курсе совершенных им преступлений (!).

Колб любил повторять: «Следует отличать борьбу против коммунистов и участников Сопротивления от преследования евреев. Депортация евреев действительно являлась военным преступлением. Но мы не знали об этом. А французы никогда не упоминали о ней в своих бумажках» (!). Эти слова по меньшей мере сомнительны. Мы располагаем достаточными доказательствами и письменными документами 1945—1946 годов, будь то в Лионе, Париже или Марселе, свидетельствующими о том, что силы Сопротивления, ФФИ и франтирёры не оставляли преследования военных преступников и после прекращения военных действий.

Сам автор этой книги в трудные для бывших членов СС, гестаповцев и их пособников времена находился в Марселе, где активно сотрудничал с судебными и военными ведомствами префектуры устья Роны. Жаном Амбрози, верховным комиссаром Марселя, был сформирован тогда специальный отряд по розыску коллаборационистов, в деятельности которого автор активно участвовал.

Летом 1945 года военный трибунал Лиона направил требование о выдаче военных преступников, переданное американцам в сентябре того же года. Не вызвав ни малейшей реакции с их стороны, это дело могло бы

полностью заглохнуть, если бы не появление в суде Рене Арди.

Рене Арди считали виновным в том, что Жан Мулен попал в западню и был арестован. Арест Клауса Барбье, схватившего и пытавшего Жана Мулена, вновь напомнил о «деле Арди». Известно, что его действия сыграли фатальную роль в аресте руководителя Сопротивления 21 июня 1943 года в Калуире, близ Лиона. Арди по кличке Дидо, которому теперь семьдесят один год, всегда категорически отрицал свою причастность к устроенной ловушке. Участник Сопротивления, специалист по подрывным акциям, Арди был опознан на вокзале Шалона, брошен в тюрьму и допрошен Барбье, а затем отпущен на свободу. Вместо того чтобы сообщить об аресте своим товарищам, он продолжал нелегальную работу, словно ничего не произошло. Этот странный факт не прошел незамеченным для таких участников Сопротивления, как Гастон Деффер, Анри Обри и Раймон Обрак.

Как же была устроена ловушка, стоившая жизни Жану Мулену? Дидо сопровождал Анри Обри на собрание в Калуире, где должны были избрать преемника генерала Делестрена, командующего подпольной армией. Едва только прибыл Жан Мулен, как дом был оцеплен гестапо. Все оказались в наручниках, кроме Арди, связанного шнурком, что позволило ему бежать. Этот весьма подозрительный побег стал причиной двух шумных процессов, которые после войны закончились оправданием Рене Арди. Многие участники движения Сопротивления, такие, как Раймон Обрак, одна из жертв ловушки в Калуире, не сомневаются в том, что Дидо был предателем. Во время недавней встречи с Роже Мариа, тоже бывшим участником Сопротивления и узником концлагеря, автор вновь задал вопрос Раймону Обраку, одному из уцелевших после ареста в Калуире: «Виновен ли Арди?» Обрак не колеблясь ответил: «Да!»

Сегодня Барбье сам находится в тюрьме, но сколько других преступников разгуливает на свободе!

В 1946 году, после шумного выступления Уинстона Черчилля в Фултоне, США, развернулась «холодная война». Военачальники союзников, верховные комиссары и руководители гражданской администрации в американской и британской зонах оккупации ежедневно получали от своих правительств приказы прекратить денацификацию. Материалы начатых судебных расследований были

сданы в архивы, трибуналы распущены. Верховный комиссар американской зоны торжественно объявил, что с 1 ноября 1947 года выдача военных преступников будет прекращена. Франция наряду с другими европейскими правительствами выразила решительный протест против этого произвольного решения. Французские военные трибуналы насчитывали в своих черных списках не менее 30 тысяч имен и вели расследование преступлений тысяч нацистских преступников. Число французских военных судей в американской зоне оккупации было сокращено до шести, и французская администрация в Баден-Бадене[1] с сожалением наблюдала, как подозреваемые в военных преступлениях покидали французскую зону, чтобы обосноваться на территории, занятой американцами и англичанами, где преступники получали те же права и свободы, что и остальные граждане.

Ярким примером, иллюстрирующим эту нетерпимую ситуацию, был срочный приезд французской следственной комиссии и судебного следователя из Лиона. Юджин Колб, только что принявший дела Си-ай-си в Аугсбурге (в 1949 году) укрыл от них Барбье, и французы были вынуждены возвратиться с пустыми руками после десяти дней бесполезных поисков. Позднее американские офицеры привели следующие причины в оправдание своих действий: «Как можно было доверять французскому правосудию, когда в военной службе безопасности сидели коммунисты, а судьи и военные в Баден-Бадене были заражены марксизмом». Война, которую «эти французишки» вели против немцев, была явно не по вкусу герру Колбу, носившему американскую форму. Одним из его аргументов в то время был такой: «Если мы выдадим Барбье, через несколько дней он окажется в Москве!»

Что касается самого гестаповца, то он опасался, что на первом же допросе у французов ему придется туго. Не в интересах французов было допустить его, знавшего все, что происходило за кулисами коллаборационизма, до суда. К тому же он понимал, что над его головой как дамоклов меч висит это проклятое „дело Арди" ответственного за действия коллаборационистов, и зверское убийство Жана Мулена — руководителя Национального совета Сопротивления. Гестаповец рассчитывал, что французское

[1] В то время автор книги находился там.

правосудие не будет даже иметь возможности полностью изучить его дело, узнать об убийстве и депортации около 20 тысяч участников Сопротивления и патриотов, а также 4 тысяч французских евреев и «неарийцев» в период с 1942 по 1944 год.

С апреля до декабря 1949 года службам Верховного комиссара США было направлено несколько требований о выдаче преступника, но все они остались без ответа. В конце 1949 и в течение всего 1950 года последовало множество извинений, заявлений о неполучении запросов и о недоразумениях, возникших между администрацией Верховного комиссара, спецслужбами в Гейдельберге, Аугсбурге и Штутгарте и французскими властями в Баден-Бадене. Как явствует из переписки между французами и американцами, к которой получил доступ адвокат Серж Кларсфельд, даже посол Франции в США Анри Бонне, высоко ценимый в Вашингтоне, должен был довольствоваться следующей лаконичной запиской государственного департамента: «Администрация Верховного комиссара Макклоя никогда не получала никакого требования о выдаче со стороны французских властей...» Подобный же ответ был получен в это время от американской администрации в Варшаве на запрос относительно военного преступника Рудольфа фон Альвеншлебена из ближайшего окружения Гиммлера, а также в Белграде по поводу другого преступника — полковника СС Отто Скорцени, разыскиваемого за многочисленные убийства.

Автор этих строк сам задал вопрос в 1979 году министру иностранных дел Франции де Гиренго в программе Франс-Интер, а также по главной национальной сети телевидения по поводу «мясника из Лиона». Меня интересовало, не собирается ли господин министр добиваться выдачи Барбье Боливией? Бесполезно говорить, что публично оглашенное требование Франции осталось без ответа. После прихода к власти социалистической партии во главе с Франсуа Миттераном автор этой книги неоднократно обращался к хранителю печати Роже Бадинте, министру внешних сношений Клоду Шейсону, министру внутренних дел Гастону Дефферу и министру национальной обороны Шарлю Эрню.

Но вернемся к 50-м годам, когда Верховный комиссар США прикрыл своих агентов Колба и Барбье. Известно, что в те времена администрация США в За-

падной Германии не только скрывала эсэсовских преступников, но и помогала им бежать от европейских трибуналов. Лейтенант Си-ай-си Лео Хёхт, натурализовавшийся немецкий еврей, рассказывает, что Барбье и его семья интенсивно изучали испанский язык и в марте 1951 года под американской охраной оставили Аугсбург, использовав для этого известную «крысиную тропу» — дорогу, по которой сотни больших и малых барбье покидали Европу. Эта тропа была организована в 1946 году 430-м подразделением Си-ай-си в Австрии при поддержке организации «Карптас» и ватиканского епископа Худала. Некто Джеймс Милано, ответственный за «специальные операции» Си-ай-си, организовал «крысиную тропу», чтобы помочь американским агентам и нацистским преступникам благополучно добраться до американской зоны в Зальцбурге. Все препятствия, возникавшие на этом пути, методично устранялись агентами Милано. Фальшивые документы, визы, пункты отправления «беглых крыс» из Генуи, Неаполя, Бриндизи или Триеста в Южную и зачастую в Северную Америку — все было тщательно организовано специальной бригадой Си-ай-си. Преступники, в большинстве своем одетые в американскую военную форму, на армейских джипах пересекали Альпы в Италии, где одних агентов Милано сменяли другие, сопровождавшие их вплоть до отплытия в Чили, Аргентину, Перу, Парагвай и Боливию.

Представителем Милано в Триесте был отец Драганович, приближенное лицо фашистского главаря Павелича, поглавника (фюрера) Хорватии, укрывшегося в Аргентине. Между священником-усташом и подручными Милано протянулась целая цепочка в итальянских портах, назначение которой состояло в том, чтобы уберечь беглых преступников от опасности ареста органами правосудия союзников. Скромные отели, сомнительные рестораны и кафе, управляемые агентами Милано, предоставлялись в распоряжение беглецов вплоть до погрузки на грузовые и пассажирские суда, отплывающие за океан. Каждый из них получал до 5 тысяч долларов в зависимости от услуг, оказанных оккупационным властям в Германии.

Когда д-р Отто Джон, шеф Федерального ведомства по охране конституции (ФРГ) в Кёльне и шеф контрразведки в британской зоне, попытался прекратить «бегство крыс», он столкнулся с генералом Геленом, доверенным

человеком Макклоя. С 1949 года началась закулисная борьба между нацистом Геленом и антинацистом Джоном, закончившаяся поспешным отъездом д-ра Отто Джона в ГДР. Отто Джон, дискредитированный и отстраненный от своей работы, сам рассказывал автору этих строк о сражении, которое он вел с кликой Гелена, с истинными организаторами гнусной «крысиной тропы».

Лейтенант Хёхт из Си-ай-си вспоминает сейчас в подробностях, как он готовил отъезд Барбье и его семьи... Милано и сменивший его некий Добсон, организовавшие побег Барбье с семьей, продолжали выкручиваться: «Откуда мы могли знать, что Барбье был гестаповцем?» 21 февраля 1951 года служба Си-ай-си в Аугсбурге выдала Барбье проездной документ для лица без гражданства № 0121454, подписанный американским Верховным комиссаром в Мюнхене. Согласно этим фальшивым документам, сфабрикованным 430-м подразделением Си-ай-си, Барбье превратился в Клауса Альтмана, который родился 25 октября 1915 года, по профессии механик. Понадобились годы поисков, предпринятых Беатой и Сержем Кларсфельд, чтобы установить, что Альтман и Барбье одно и то же лицо.

Первоначально Барбье намеревался отправиться в Аргентину, где раньше него высадились «бухгалтер геноцида» Адольф Эйхман и многие другие известные преступники. Однако, по-видимому, отец Драганович, открыв перед ним заманчивые возможности поживиться на разработке нефти в Боливии, склонил чашу весов в пользу этой страны, где военные фашистские диктатуры сменяли одна другую.

Тридцать восемь лет спустя Вашингтон признал, что его службы оказывали покровительство «мяснику из Лиона» и помогли ему в 1947—1951 годах избежать французских трибуналов. Это заявление сопровождалось извинениями в адрес бывшего союзника — Франции. Из своего ранчо в Калифорнии президент Рональд Рейган подтвердил эти извинения. Возрождение дела Барбье явилось результатом розысков адвоката Сержа Кларсфельда и комиссии по расследованию, созданной прошлой весной в Соединенных Штатах. Их выводы основываются на объемистом досье, насчитывающем 218 страниц текста и около 900 страниц приложений. Секретарь комиссии Ален Риан и помощник министра юстиции Смита рекомендовали властям Вашингтона «более эффективно» сотруд-

ничать с французским правительством, чтобы пролить свет на дело убийцы Жана Мулена и тысяч участников Сопротивления.

В документе, заканчивающемся фразой «Глубоко сожалею», г-н Риан отсоветовал преследовать бывших агентов Си-ай-си, ответственных за бегство Барбье. Он напомнил об американском законе, по которому преступление не подлежит преследованию правосудием после истечения пяти лет, и не упустил случая подчеркнуть, что агенты контрразведки считали, что действуют в интересах американского правительства.

Однако объективности ради следует сказать, что не только американские службы использовали гестаповцев. Сегодня имеются доказательства того, что с 1946 года секретные французские службы также пользовались услугами нацистских агентов, в основном бывших сотрудников VI (иностранного) отдела Главного управления имперской безопасности «третьего рейха». Два отдела РСХА, в частности, занимались саботажем и шпионажем в Советском Союзе, а также на Ближнем Востоке.

Другой организацией, из среды которой французская контрразведка (СДЕСЕ), предшественница ДЖЕС (служба внешней безопасности), черпала агентов, был абвер— военная разведка германского генерального штаба. Согласно показаниям агентов ДЖЕС, бывшие нацисты, не являвшиеся, в соответствии с международными конвенциями, военными преступниками, зачастую действовали под руководством французских служб. Таких агентов было несколько десятков. Французские спецслужбы пытались через их посредство «зацепить» сеть информаторов и их подручных, которых насадили и использовали немецкие разведслужбы в странах Востока до и после войны и которые не были обнаружены Красной Армией.

Что касается англичан, то поступившее из Варшавы требование о выдаче генерала СС Гейнца Райнефарта, «палача Польши», проживавшего в британской зоне в Германии, было просто отослано обратно с коротким и вполне «объективным» объяснением: «Генерал СС находится в курсе слишком многих американских военных секретов, чтобы мы могли выдать его стране, находящейся под советским влиянием».

Однако военные преступники бежали не только в Аргентину или Боливию. Многие укрылись в Канаде и

Соединенных Штатах после того, как американский конгресс принял в 1954 году закон о перемещенных лицах Автор этой книги самолично убедился в том, что «крысиная тропа» функционирует и к северу от Рио-Гранде, на границе, отделяющей Мексику от США.

В один прекрасный день весной 1975 года я отправился в Лейквуд, Нью-Джерси, для встречи с баритональным басом из хора донских казаков Сержем Жаровым. Несчастный восьмидесятилетний старик страдал артритом и воспалением вен, и я собирался отвезти ему кое-какие лекарства. При выходе из Голландского туннеля, отделяющего штат Нью-Йорк от штата Нью-Джерси, мой спутник, молодой журналист, ведущий колонку происшествий в ежедневной газете, сказал мне с широкой и приятной улыбкой: «Не хотите ли посмотреть необычную русскую церковь и кладбище? Это совсем недалеко отсюда, всего несколько километров от пересечения дорог, где мы должны повернуть направо на Лейквуд...»

Заинтересованный предложением молодого человека, я принялся его расспрашивать.

— Да, это православная церковь св. Ефросинии, посещаемая белорусскими и украинскими эмигрантами. В нее редко заходит кто-либо из старой колонии Лейквуда, насчитывающей сто тысяч человек.

— Почему? — спросил я.

— Потому что речь идет о нацистских военных преступниках, а также о тех, кто приходит в воскресенье на заупокойную службу по тем, кто похоронен на маленьком кладбище.

— Вы знаете какие-нибудь подробности, имена?

— Конечно. Начать хотя бы с Радослава Островского, белоруса, перешедшего к фашистам после гитлеровского вторжения в 1941 году. Его штаб располагался в Минске до 1944 года, когда его изгнали советские войска. Вам известно, что около миллиона гражданского населения было убито нацистами и их пособниками под контролем СС с одобрения этого Островского. В нескольких метрах от его могилы, на которой возвышается православный крест, похоронен другой преступник — Эммануэль Ясюк — мясник из города Клецка. В один из дней 1942 года в качестве «мэра» этого города он уничтожил пять тысяч партизан и евреев. На этом же кладбище вы найдете еще немало могил бывших эсэсовцев...

— Однако как они смогли попасть в Соединенные Штаты? Как строгая иммиграционная служба позволила им въехать?

— Они попали сюда по «крысиной тропе» в 1950 и 1951 годах. Некоторые агенты психологической войны против СССР переправили их сюда под вымышленными именами и с фальшивыми документами. Как утверждает следователь департамента юстиции Джон Лофтус, около 300 белорусов и украинцев вместе с семьями въехали нелегально. Перед ними ставилась главная задача — антисоветская пропаганда. Самое удивительное то, что на маленьком холме позади церкви св. Ефросинии недавние эмигранты воздвигли стелу с надписью на двух языках: «Слава тем, кто сражался за свободу и независимость Белоруссии». В действительности же этот монумент поставлен в память погибших вояк 30-й эсэсовской дивизии, основанной самим Радославом Островским.

Снятые на микрофильмы документы, находящиеся в национальных архивах в Вашингтоне, подтверждают, что в этой дивизии СС были предатели из числа белорусов. С тридцатилетним опозданием департамент юстиции и конгресс начали изучать досье под названием «Эсэсовцы в Соединенных Штатах». Весной 1982 года министерство юстиции признало, что белорусский священник отец Лавицкий, похороненный на упомянутом кладбище, помогал нацистской эмиграции, снабжая фальшивыми документами бывших эсэсовцев, которые бежали из Европы, залитой ими кровью. Около сотни бывших нацистов похоронено на кладбище под православными крестами...

Как все это стало возможно? Неужели демократический дух великого Франклина Делано Рузвельта и его доблестных солдат, высадившихся в Италии, затем в Нормандии, внезапно иссяк? Разумеется, нет. Поначалу трансформация происходила постепенно, затем, с началом «холодной войны», пошла более быстрыми темпами. И кроме того, дух оккупационной армии был уже не тот, что у воевавших войск. Десятки тысяч солдат и сотни офицеров возвратились за океан к своим семьям, а их место заняли корыстолюбивые функционеры в мундирах. Это была вторая волна американского вторжения в Европу, та, что встретилась лицом к лицу не с автоматами вермахта, а с бюрократической писаниной офицеров из интендантства и складами, заваленными товарами, о которых побежденные немцы могли лишь мечтать... Все

было предметом купли-продажи, даже убеждения. Любой бывший нацист, если только он проявлял находчивость, переодевался в неопределенную униформу с нарукавной повязкой и устраивался работать на кухне, в офисе или гараже. Даже такие, как Адольф Эйхман, могли бы спокойно поступить на службу в качестве истопников в американскую армию.

И тем не менее многие офицеры Си-ай-си на первых порах хранили верность великому союзу, разбившему военную машину фашизма. Один из моих друзей, капитан Джордж Александер, был среди них. Он к тому же был одним из первых офицеров в американской форме, пожавших руку советским братьям по оружию на берегах Эльбы в апреле 1945 года. Однако уже осенью того же года, когда ему поручили сортировать подозрительных немцев, он услышал странные речи. Так, гигант в мундире вермахта, в тщательно отглаженных брюках, с нарукавной белой повязкой арестованного разговаривал с американским офицером весьма самоуверенно:

— Бросьте, капитан, говорить о всяких пустяках, происходивших на восточных территориях. Каратели и специальные команды всего-навсего защищали наших солдат от партизан-террористов.

— Вы — военный преступник, Отто Скорцени! Не забывайте, что это я схватил вас за шиворот в мае 1945 года. И пообещал вам веревку на шею...

Американский следователь побагровел. Однако бывший эсэсовский генерал, спасший Муссолини, развязно продолжал с гнусной улыбочкой:

— Вы, господин американец, витаете в облаках... Это не мне грозит виселица, а всей Европе, и исходит эта угроза от ваших мнимых русских друзей. Я же предлагаю вам пять полностью восстановленных боевых бригад, состоящих из отборных бойцов, которые вы всегда можете увеличить за счет лагерей для военнопленных. Что касается вооружения этих бригад, у вас есть военные трофеи... Будущую Европу мы будем создавать вместе!

Менее удачливый, чем Клаус Барбье, хотя и ставший «звездой» нацистской и даже мировой прессы, Отто Скорцени вынужден был долгие месяцы ждать, пока его «подберут» специальные службы Вашингтона, действовавшие через своих тайных западногерманских посредников.

Как теперь известно всему миру, после войны Отто Скорцени укрылся в Испании, откуда часто выезжал в

Южную Америку в качестве коммивояжера неонацизма. В Испании он встретился с другим беглым нацистом, который приветствовал его сугубо по-фашистски. То был шеф бельгийских фашистов Леон Дегрель[1], основатель партии рекситов, главарь беспощадного легиона «Валония», орудовавшего между Ригой и Тарту.

Пользуясь поддержкой профашистского альянса из числа приспешников Франко, Леон Дегрель спокойно доживает свои дни в той же Испании. Тот, кого называли «палачом Тарту», кто вешал на деревьях этого города юных партизан — парней на одной стороне улицы, а девушек — на другой,— тот, кто «прославился» как палач гражданского населения в Черкассах, вполне заслуживает, на мой взгляд, участи Клауса Барбье — выдачи его Бельгии или Советскому Союзу.

Клаус Барбье, подобно генералу Гелену, установил прекрасные отношения с американцами. Кавалер Железного креста, Барбье последовал в конце 1944 года за германскими армиями, отступавшими на Западном фронте за Рейн и был откомандирован в распоряжение отдела безопасности в Дортмунде, а затем в Аугсбурге. После капитуляции в мае 1945 года он, как предполагают, прятался несколько месяцев у какого-то фермера. Однако жизнь на «свежем воздухе» не привлекала Клауса Барбье. Вскоре он оказался в городе, сначала в Касселе, а затем в Мюнхене, и начал заниматься всякого рода махинациями и даже грабежом, чтобы заработать на жизнь. Схваченный с поличным при хищении драгоценностей, Барбье предстал перед американским офицером, игравшим роль судебного следователя. С колоссальной самоуверенностью он пообещал сделать «важные разоблачения», касающиеся территорий, освобожденных советскими войсками, в обмен на немедленное освобождение. Я пользуюсь этим случаем, чтобы подтвердить свое убеждение: Барбье никогда не был мастером шпионажа, он всего-навсего ловкач и изощренный садист.

Однако факт остается фактом: в начале 1946 года ему удалось «уговорить» ответственных лиц из Си-ай-си. Солдат, никогда не нюхавший пороха, доморощенный шпион, отныне он специализировался на сборе информации

---

[1] Автор книги заканчивает обширное досье о злодеяниях Дегреля, попадающих под определение «преступления против человечности», для которых не существует срока давности.

о странах Востока, в частности Румынии. Усердный агент, считавшийся, однако, недостаточно эффективным, выдачи которого к тому же неоднократно требовали французские военные власти, Барбье весной 1951 года был «выведен из-под удара». Так он начал экзотическую жизнь, полную заманчивых авантюр.

Для других бывших эсэсовцев, считавшихся мелкой сошкой, сотрудничество с западногерманскими и американскими службами в Пуллахе и Оберурзеле (в генеральном штабе генерала Гелена в Баварии) длилось еще не один год. Только в 70-х годах в Вашингтоне решили выступить против опасной и чрезвычайно коварной мафии уцелевших эсэсовцев. Комиссия, возглавляемая адвокатом Уолтером Роклером, получила возможность просмотреть досье о предоставлении американского гражданства бывшим высокопоставленным нацистам, проникшим в Соединенные Штаты (например, немке Браунштаэттер-Риан по прозвищу Собака Бухенвальда). В Канаде же только в наши дни королевская полиция по требованию международных организаций жертв нацистского варварства начала заново просматривать досье подозреваемых эмигрантов.

Чтобы парализовать или ослабить деятельность «охотников за нацистами», некоторые «сердобольные» люди ссылаются на то, что время сглаживает в памяти прошлое и надо по христиански прощать тех, кто действовал якобы не по своей воле. Такого рода «доводы» раздражают меня более всего, поскольку в них не принимается в расчет то, что я называю постоянством нацистского характера, который можно наилучшим образом проследить на примере Барбье. Этот нацист-палач действовал одинаково: в 1941 году — в Амстердаме, в 1942—1943 годах — во Франции и позднее, в 1976 году,— в Ла-Пасе. Друзьями и сообщниками шестидесятилетнего Барбье в Боливии были эсэсовец Герберт Копплин, итальянский фашист Делла Киале и немецкий неонацист Иоахим Фибелькорн — главари полувоенной группировки, виновной в многочисленных казнях и пытках патриотов Боливии и созданной по примеру печально известных «эскадронов смерти» в Сан-Сальвадоре, Буэнос-Айресе и других столицах латиноамериканских стран.

Прольет ли процесс над Барбье во Франции новый свет на недавние преступления «палача из Лиона»? Я сомневаюсь в этом, поскольку французская юридиче-

ская машина должна будет следовать по узкой тропинке, ведущей в далекое прошлое. Многие из нас надеются, что некоторые свидетели все-таки приподнимут завесу над последними событиями. Речь идет о свидетелях, вызванных по инициативе Режи Дебре, бывшего узника политической тюрьмы боливийской диктатуры, а ныне личного советника президента Франсуа Миттерана. Возможно, мы узнаем об обстоятельствах смерти Че Гевары? Я слышал в Латинской Америке от участников антифашистской борьбы, что Клаус Альтман-Барбье, находившийся тогда на своей вилле Кочабамба, имел отношение к драматической гибели Че Гевары.

Согласно многим свидетельствам, Клаусу Барбье было по душе возглавлять парады отрядов карателей, созданных генералом Банцером, главой фашистского боливийского государства. Барбье вел их на стадион и наслаждался тем, как они маршировали под эсэсовские мелодии или изображали боевую атаку. Просмотры старых нацистских фильмов с участием Лени Рифеншталь, этой «нимфы фюрера», демонстрировавшихся на сборищах бывших нацистов в местностях с преимущественно немецким населением, столь многочисленным в Южной Америке, всякий раз вновь воодушевляли фанатичных эсэсовцев.

Что же касается Лени Рифеншталь, то не могу забыть наглость этой экс-фюрерши нацистского кинематографа. Я видел, как ее допрашивала французская военная служба безопасности в Инсбруке в 1945 году. Ей ставились в вину километры фильмов, прославляющих гитлеровский режим. Достоверные данные подтверждали, что однажды она крайне раздраженно заявила фюреру: «Выбирайте между Геббельсом и мной». Известно также, как, одетая в тщательно подогнанную форму, с пистолетом за поясом, она присутствовала на расстреле польских патриотов в деревне Конски...

Когда я изложил эти факты в одной из книг, посвященных концентрационным лагерям, Лени Рифеншталь при поддержке всесильного западногерманского финансового лобби затеяла против меня процесс, который широко освещался французской прессой в 1961 году.

Скромному историку, каким я себя считаю, живущему на средства от работы журналиста и писателя, пришлось выдержать целый бой. Рассматривая дело в первой инстанции, дотошные парижские судьи вынесли приговор

не в мою пользу. Моя книга была конфискована... При поддержке известного журналиста Андре Вюрмсера из газеты «Юманите» и Эдмона Мишле, министра в правительстве генерала де Голля и бывшего узника концлагеря, я привлек на свою сторону общественное мнение и выиграл. Все это длилось долгие месяцы и исчерпало мой бюджет исследователя по крайней мере на два года вперед. Со времени разгрома нацизма меня постоянно побуждала к действию одна мысль, которая подчиняла себе мои профессиональные интересы: взять за горло нацистских преступников, которые несли ответственность за гибель шести моих близких родственников во время осады Ленинграда в 1941—1943 годах. Правда, еще до этого, в 1937—1939 годах, я был глубоко возмущен тем, что республиканская Испания была брошена на произвол судьбы, а также позорным мюнхенским диктатом, равно как и «днями предательства», которые потворствовали удару в спину, нанесенному Чехословакии. Таков заголовок одной из моих книг, вышедшей в 1975 году. Вся моя жизнь складывалась под влиянием чувств протеста и негодования в отношении фашистских преступлений.

Однако вернемся к Барбье. В камере тюрьмы Сент-Поль в Лионе этот старик, чтобы ввести в заблуждение своих обвинителей, сменил высокомерие на хитрость. Вчера беспощадный, он симулирует болезнь, чтобы разжалобить своих судей. Вчера на берегах Роны перед ним трепетали. Его отряды нацистских головорезов вместе с французскими коллаборационистами с помощью убийств, пыток и грабежей сеяли ужас в «новой Европе». Сорок лет назад Лион проклял гестаповца Барбье. Сегодня его жители вновь верят в правосудие, ибо «лионского мясника» ожидает возмездие. И тем не менее, охраняемый многие годы невероятной удачей и мощным покровительством, эсэсовец Барбье надеется, что он его избегнет...

В мае 1951 года Клаус Альтман с женой и двумя детьми высадился в Аргентине, чтобы затем добраться до Перу. Однако вскоре они покинут «слишком демократическую», на их взгляд, страну и предпочтут ей боливийское высокогорье. В 1957 году все члены семейства Барбье натурализовались, и Клаус получил новенький паспорт за номером 588/71, по-прежнему на имя Альтмана. В этой стране, где господствовало немецкое влияние, бывший гауптштурмфюрер СС начал новую жизнь. Он занялся делами, однако на свой манер, поспешно и

нагло. Любопытно, что в этом горном районе он посвятил себя фрахту... Барбье стал «доком Клаусом», основав общество «Трансмаритима Боливиана».

Неудачливый бизнесмен, Клаус Альтман несколько раз возвращался к службе в полиции. При диктатуре генерала Банцера он одно время пользовался дипломатическим паспортом, облегчавшим ему запрещенные законом сделки — торговлю героином и кокаином. В июле 1980 года, когда выборы привели на пост президента женщину, Барбье стал одним из инициаторов фашистского путча генерала Гарсиа Меса... С тех пор он считал себя «привилегированным» и «неприкасаемым», полагаясь на неизменный состав функционеров в полиции и судебных органах Ла-Паса. Однако реальность жестоко его обманула.

Сейчас стало известно, что в 1969 и 1970 годах Барбье неоднократно бывал в Соединенных Штатах — Новом Орлеане, Майами и Сан-Франциско. Однако бо́льшая часть вояжей зловещего Клауса Барбье, «уважаемого» коммерсанта экспортно-импортной фирмы, проходила через Колумбию. К сожалению, в начале 1970 года автор этой книги разминулся с нацистским преступником в Колумбии. Его приезд остался бы незамеченным, если бы колумбийские таможенники в аэропорту Барринкилья не обнаружили около 20 килограммов чистого кокаина, предназначавшегося для перевозки в Техас. Мои колумбийские знакомые подтвердили, что Барбье причастен к этой афере.

Процесс над Барбье, надеюсь, вскроет неизвестные факты. Он, безусловно, положит начало широкой дискуссии о злодеяниях нацистов всех мастей, уцелевших после разгрома в 1945 году и пытающихся воскресить времена свастики. Хочется, чтобы кто-либо из моих коллег-историков дал свою оценку тем, кто принадлежит к мафии СС. Желательно было бы услышать, например, мнение уважаемого Юлиуса Мадера, опубликовавшего в ГДР множество разоблачительных материалов. Я надеюсь, что этот процесс вызовет широкий отклик во всем мире, и в частности в Соединенных Штатах.

Строгое соблюдение французских законов предполагает, к великому сожалению, что на процессе Барбье не будет поднят вопрос о мучительной и трагической гибели Жана Мулена. Того, кто в 1943 году был до смерти

замучен Барбье и чьи останки были обнаружены в урне № 10 137 на парижском кладбище Пер-Лашез.

Пепел Жана Мулена 19 декабря 1964 года был помещен в Пантеон, где захоронены великие люди республики. Выдающийся писатель Андре Мальро произнес в тот день взволнованную речь. Позднее, в мае 1981 года, новый президент Французской Республики Франсуа Миттеран в день своего вступления в эту должность возложил цветы на мраморную плиту с именем этой, пожалуй, самой известной жертвы Клауса Барбье — одной из многих.

Оглавление

Виктор Александров

МАФИЯ СС

ИБ № 12298

Редактор **В. С. Шумский**
Художник **В. А. Штанько**
Художественный редактор **В. А. Пузанков**
Технический редактор **С. Л. Рябинина**
Корректор **Н. Е. Ужтупене**

Сдано в набор 20.02.84. Подписано в печать 17.07.84. Формат $84\times108^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкн. новая. Печать высокая. Условн. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,49. Уч.-изд. л. 14,80. Тираж 150 000 экз. Заказ № 76. Цена 65 коп. Изд. № 38021.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
119847, ГСП, Москва Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.